

АРХЕОЛОГИЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
ЭТНОГРАФИЯ
СИБИРИ

Барнаул • 1996

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию
Алтайский государственный университет
Научно-исследовательский институт
гуманитарных исследований

Программа «Университеты России»

**Археология, антропология
и этнография Сибири**

*Сборник, посвященный памяти
антрополога А.Р. Кима*

Издательство АГУ
Барнаул 1996

ББК 63.4(2Р5)+63.5(2Р5)

А-876

УДК 902/904

В сборник, посвященный памяти известного исследователя, трополога А.Р. Кима, включены его собственные материалы, мориальные статьи, а также статьи специалистов по проблемам археологии, антропологии и этнографии. В конце опубликован список работ А.Р. Кима. Рассчитан на археологов, антропологов, этнографов, историков и краеведов.

Ответственный редактор
д.и.н., проф. Ю.Ф. Кирюшин

Редакционная коллегия:
чл.-корр. РАН В.И. Молодин, к.и.н. А.Л. Кунгуров,
к.и.н. А.В. Шамшин, к.и.н. Ю.Т. Мамадаков

© Составление Ю.Ф. Кирюшин
© Оформление Д.В. Колдаков, А.В. Максим

Памяти Аркадия Романовича Кима,
замечательного человека
и известного антрополога
посвящен этот сборник

Фото А. Позникова

**А.Р. Ким
в экспедиции
в Горном Алтае
в 1986 году.**

В.Н. Владимиров

А.Р. Киму

Мы с Вами встречали дожди и туманы
Среди голубеющих гор.
Я Вас обожаю, Аркадий Романыч,
С каких-то неведомых пор.

Вам череп любой не проблема измерить
И массу вопросов решить...
Ах если б так просто Вам было проверить
Людей на изломы души!

Простите за то, что окончилось лето,
За то, что зима впереди.
За то, что мы все не в начале, а где-то
Уже в середине пути.

Пусть снова нам с Вами придется проститься,
Но Вы не сочтите за лезть,
Что будет земля потихоньку крутиться
Пока антропологи есть!

Мы снова встречаем дожди и туманы
Среди голубеющих гор.
Ведь Вы все такой же, Аркадий Романыч,
Все с тех же неведомых пор.

Нам с Вами уже не придется расстаться,
Так к черту обиды и лезть !..
Пусть будет земля как ей надо вращаться-
Средь нас антропологи есть!

Над нами все те же дожди и туманы
И дым убегающих лет...
Простите еще раз, Аркадий Романыч
За этот печальный куплет.

Мы стали друг с другом навеки прощаться —
Такая уж вышла пора...
И только земля продолжает вращаться
Все так же, как будто вчера...

Барнаул — Горный А
1988—1990—

В.А. Дремов, Э.Л. Львова

**Памяти А.Р. Кима
(1946—1993)**

6 мая 1993 г. трагически оборвалась жизнь Аркадия Романовича Кима. Ушел человек удивительных душевных качеств, прекрасный товарищ, ученый в расцвете творческих сил, развернувший в последние годы антропологические исследования в Алтайском крае.

Научная деятельность А.Р. Кима началась и в основном протекала в Томском госуниверситете. Впервые побывав на студенческой антропологической практике на р. Чулыме в 1970 г., А.Р. Ким уже осенью этого года без отрыва от учебы стал работать лаборантом кабинета антропологии, а после окончания университета в 1974 г. был зачислен в постоянный штат проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ, где проработал до 1988 г.

С 1975 г. А.Р. Ким включился в планомерные антропологические исследования коренного населения Западной Сибири, организованные Томским госуниверситетом, проводит самостоятельные полевые работы в Томской, Новосибирской, Кемеровской областях и в Алтайском крае. В течение 1975—1982 гг. им собраны уникальные остеологические материалы по чулымским тюркам, багатским телеутам, порцам, барабинским татарам, северным и южным алтайцам, а также данные по дерматоглифике алтай-кижи и одонтологии телеутов. А.Р. Ким кроме того принимал участие в этнографических и археологических экспедициях Томского и Алтайского университетов, Института археологии и этнографии СО РАН, Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Результаты обработки собранных материалов по антропологии современного и средневекового населения Западной Сибири А.Р. Ким докладывал на региональных и всесоюзных конференциях в гг. Москве, Минске, Омске, Томске, Фрунзе, Барнауле, на VI и VII Международных конгрессах финноугроведов в Сыктывкаре и Дебрецене (Венгрия).

Исследования А.Р. Кима внесли существенный вклад в разработку вопросов расовой систематики промежуточных монголоидно-европеоидных типов коренного населения Западной и Южной Сибири. Среди кумандинов, шорцев и телеутов А.Р. Кимом впервые установлен своеобразный североалтайский антропологический вариант, выходящий за пределы вариаций уральского и южносибирского типов и занимающий самостоятельное таксономическое положение в расовой классификации. Материалы по средневековому населению западносибирской лесостепи, относящиеся к VIII-X вв., позволили А.Р. Киму выявить некоторые важные моменты происхождения расовых компонентов, фиксируемых среди современных тюркоязычных пародов Алтае-Саянского нагорья. В 1987 г. А.Р. Ким успешно защитил кандидатскую диссертацию, в которой обобщил итоги проведенных им исследований.

После переезда в г. Барнаул в 1988 г. начался второй этап научной деятельности А.Р. Кима, к несчастью, так внезапно оборвавшийся. Работая в г. Барнауле в особенно тесном контакте с археологами, А.Р. Ким занялся изучением расового состава населения Северного и Горного Алтая начала I тыс. н.э. Строил планы более широкого изучения населения евразийских степей эпохи великих переселений народов.

В Алтайском госуниверситете в полной мере раскрылся талант А.Р. Кима как лектора, ведущего ряд курсов по антропологии и этнографии на разных факультетах и организатора науки. При Музее археологии АГУ А.Р. Кимом налажены научная обработка и хранение костных антропологических коллекций. В последние годы он являлся заместителем директора, а затем директором Института гуманитарных исследований при Алтайском госуниверситете. Установлены научные связи с коллегами-антропологами ряда зарубежных стран — Монголии, Венгрии, США и особенно Кореи (А.Р. Ким был единственным в нашей стране антропологом корейской национальности).

А.Р. Ким обладал редкой притягательной силой, был чрезвычайно общительным и расположенным к людям, готовым в любую минуту оказать помощь словом и делом каждому, кто в ней нуждался. Он умел говорить и нелюбимые вещи, но в его словах никогда не таилось и тени стремления обидеть собеседника. У него всегда и везде было много друзей и совсем не было недоброжелателей... Миновало слишком мало времени после случившейся трагедии и, может быть, не пришли пока еще те слова, какими должно воздать память и любовь человеку, с которым счастливо и надолго свела нас судьба.

Ю.Ф. Кирюшин

Аркадий Романович Ким

Боль. Тупая ноющая боль до сих пор стоит в сердце с того трагического дня 6 мая 1993 г., когда поздно вечером позвонил Г.Я. Ирышников и сказал: «Юра, убили Аркашу». Это было так неожиданно и совершенно никак не укладывалось в сознание, что я испинально спросил: «Какого?». «Аркадия Кима», — последовал ответ. Думая, что это какая-то ошибка или просто недоразумение, позвонил дежурному УВД по г. Барнаулу, представился и попросил уточнить эту информацию. Через некоторое время мне сообщил, что по сводке чрезвычайных происшествий есть сообщение об убийстве сотрудника АГУ А.Р. Кима неизвестными лицами. Разбудил телефонными звонками декана факультета В.Н. Владимирова одного из близких друзей А.Р. Кима Ю.Т. Мамадакова, я сообщил им эту ужасную новость, договорился с ними, что я сейчас заеду заберу их и попросил Ю.Т. Мамадакова позвонить друзьям семьи Ким В.В. и В.М. Ким и попросить их подъехать к подъезду дома, где жил А.Р. Ким.

Встретившись у подъезда дома уже в третьем часу ночи, мы в никак не могли поверить в эту чудовищную новость и решили, прежде чем идти с ней к семье Аркадия Романовича, удостовериться, что это не ошибка. Каждый в глубине души верил, что может быть это какое-то недоразумение, какая-то нелепая ошибка, которая в сейчас или совсем скоро станет очевидной и развеется как тума. Настолько были они не совместимы, Аркадий Романович и смерть. И только после того, как я увидел тело Аркадия, лежащее на столе в морге, куда меня допустили одного, я понял, чуда не произойдет, это, действительно, Аркадий. И в четвертом часу ночи мы постучались в дверь квартиры семьи Аркадия Романовича Кима. Начались эти страшные два дня. Нужно было обзвонить всех друзей, близких коллег Аркадия Романовича, организации, с которыми он сотрудничал. Проводить его в последний путь приехали его армейские друзья, однокурсники, коллеги и друзья из Томска, Новосибирск

Кемерово, Тюмени, Горно-Алтайска. Свои соболезнования прислали друзья и коллеги из многих городов России.

Сейчас, когда с тех трагических дней прошло уже более двух с половиной лет и боль утраты несколько поутихла, хотя и не прошла, память по-прежнему часто обращается к нему и все отчетливее видно, что потерял не просто хорошего друга и коллегу, но одного из своих самых падежных помощников и единомышленников.

Я познакомился с Аркадием осенью 1970 г., когда он вначале второго курса исторического факультета Томского госуниверситета пришел работать лаборантом кабинета антропологии, я работал в это время директором музея археологии и этнографии Сибири при ТГУ, в помещении которого и находился этот кабинет. В студенческие годы я несколько лет работал лаборантом того же кабинета, поэтому мы с Аркадием были как бы коллегами, к тому же одногодками и быстро подружились. Постоянно встречались на работе, на разных субботниках и воскресниках, часто они приглашали меня к себе в комнату на четвертый этаж общежития на Ленина, 49, где отмечались различные праздники и обязательно день Советской Армии и день Танкиста. Здесь жили ребята, отслужившие в армии, которые в течении ряда лет ездили в экспедиции археологов, антропологов и этнографов ТГУ. Это были Н. Волков, Д. Воронин, Н. Иговцев, Е. Титаренко и другие. И обычно Аркадий был тем центром, который объединял компанию. Он готовил чудесный плов, что сделать в условиях общежития немислимо, различные закуски. Он лучше других разливал в разнокалиберную тару горячительные напитки. Он мог выслушать обиды, погасить вспыхнувший конфликт, дать толковый совет. Причем все это делалось в очень доброжелательной форме, корректно и не вызывало обид. Ребята тянулись к Аркадию.

После окончания университета Аркадий стал работать старшим лаборантом кабинета антропологии, мы часто семьями встречались на различных праздничных мероприятиях проблемной лаборатории где мы работали, ходили вместе с детьми на новогоднюю елку.

В 1977 г., когда я переехал в г. Барнаул и стал работать в Алтайском госуниверситете, в Томске стал бывать только на конференциях и в командировках. Часто с коллегами из других городов приходили к Аркадию в гости на его чудесный плов, допоздна засиживались за разговорами. Почти с самого моего первого приезда в Томск из Барнаула я стал уговаривать Аркадия переехать на работу в Барнаул в Алтайский госуниверситет. Тем болес, что у меня был мощный союзник в лице его жены Евгении Павловны, родители и сестры которой жили в Барнауле, который был и ее

родным городом. Я говорил ему, что в молодом вузе больше возможности для научной работы, что археологи АГУ разворачивают большие новостроечные экспедиции в Горном Алтае и лесостепной зоне, краниологические коллекции будут быстро расти и можно будет создавать свой кабинет антропологии, в который будут передавать материалы и другие археологи, работающие на Алтае.

Мои аргументы зародили размышления у Аркадия и после некоторых раздумий он сказал, что мы вернемся к этому разговору после того, как он защитит кандидатскую диссертацию. Но, видимо, такой вариант для себя он рассматривал. Он стал участвовать в экспедициях Алтайского госуниверситета, часто приезжал на Алтай. Но затем работа на стройке, чтобы заработать себе квартиру, тяжелая болезнь отодвинула его защиту кандидатской диссертации на 1986 г., а в октябре 1988 г. состоялся его переезд на Алтай.

С первых дней своей работы в Алтайском госуниверситете (12.10.88 г.) Аркадий Романович разворачивает работы по созданию кабинета антропологии при АГУ. Вместе с директором музея археологии при АГУ Г.Л. Нехведавичюсом, его активным помощником на все оставшиеся годы, он готовит помещение под хранение коллекций, договаривается с учеными, ведущими археологические исследования на Алтае, о передаче краниологических коллекций в Алтайский госуниверситет, разбирает, реставрирует и систематизирует имеющиеся и поступившие материалы. Он мечтал со временем издать каталог краниологических коллекций АГУ, как это было сделано им совместно с В.А. Дремовым в Томском госуниверситете. Очень быстро он стал своим человеком не только в лаборатории археологии, но и на историческом факультете, органически вписавшись в коллектив преподавателей и сотрудников. К нему потянулись студенты, он стал вести с ними занятия. Через два года он был избран старшим преподавателем кафедры археологии, этнографии и источниковедения, а еще через год доцентом той же кафедры. У него появились свои ученики, курсовики, дипломники, он стал проводить учебные практики. С 1991 г. он являлся начальником Катунской археологической экспедиции. С этого момента у Аркадия особенно ярко проявился талант организатора. В наше трудное время в экспедициях, возглавляемых им, никогда не было никаких проблем. Все было четко организовано: работа, питание, транспортировка, транспорт и отдых. Начиная с зимы за ним ходили буквально толпы студентов, и не только из АГУ, с просьбой взять их с собой в экспедицию в Горный Алтай. Часто количество взятых им с собой людей превышало плановые на 10-15 человек. На мои упреки, как мы будем содержать

такую ораву, как мы ее прокормим, разместим и переправим на место работ, он обычно отвечал с немпого виноватой улыбкой: «Не волнуйся, ребята согласны работать и без оплаты, только за полевое довольствие, проезд часть оплатит сама, а часть отправим грузовой машиной с экспедиционным оборудованием». И, действительно, все оказывались устроены, на всех хватало спальников хотя бы стареньких, все были сыты и все были довольны. На следующий год количество просителей увеличивалось, потянулись люди из других городов, возникли те же проблемы и снова они были решены спокойно, без надрыва и без каких-то сверхусилий.

Коллеги по кафедре и лаборатории любовно звали его «Романыч» И, поэтому, когда встал вопрос о назначении исполняющего обязанности директора научно-исследовательского института Гуманитарных Исследований, он однозначно был решен в пользу кандидатуры Аркадия Романовича. В качестве научного руководителя мне пришлось вместе с Аркадием Романовичем заниматься проблемами становления института, созданием его отделов и секторов, формированием его научных направлений. И мне отчетливее чем кому-либо другому было видно как ярко проявились организаторские и человеческие качества Аркадия Романовича. Его быстро узнали и полюбили в университете. Я бы даже сказал, что сформировался своеобразный феномен Аркадия Романовича, в хорошем смысле этого слова, который будет жить пока будут жить люди, знавшие его.

Нелегко говорить, что все эти годы Аркадий был моим близким другом и помощником. Мы вместе ездили в экспедиции, в командировки, встречались семьями. Строили планы по развитию института и его научных исследований. Но эта трагедия оборвала Аркашину жизнь на самом взлете. Одно меня мучает и будет мучить всю жизнь, что это я уговорил Аркадия переехать в Барнаул Единственное, что меня хоть как-то утешает, это наш разговор за несколько дней до его смерти. Он мне сказал, что очень быстро растратил свою зарплату. Я его спросил, куда же ты ее дел, вел только что получил? Он ответил: «Купил подарки детям, племянникам, ведь приятно делать подарки. Перед этим он делал мелкие подарки коллегам. Я ему сказал: «У меня такое ощущение что ты будто прощаешься, будто собрался куда-то уезжать». И что он ответил: «Ну, что ты». Я его еще спросил: «Аркаша, а ты никогда не жалеешь, что уехал из Томска?». «Ну что ты, я только здесь себя по настоящему почувствовал человеком и ученым!»

Мне бы и хотелось закончить этот очерк словами Аркадия Романовича, который всегда был Человеком с большой буквы и тем ким навсегда остался в нашей памяти.

В.И. Молодин

Аркадий

*Что-то проходит близко, верно,
Холод томящий в грудь проник.
Каждую ночь в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик...*

Н. Гумилев. «Товарищ»

Я несколько раз принимался за этот очерк об Аркадии Киме. И не получался он у меня никак. Писал, откладывал, а потом, возвращаясь к написанному, безжалостно браковал. Не нравилось. Все было не то. Я и сейчас не уверен, что у меня получилось что-нибудь, хотя на йоту стоящее памяти Аркаши. Точнее сказать, даже уверен, что и сейчас не получилось...

Но ничего не написать в этот сборник, посвященный его памяти, я тоже не мог. Слишком дорога для меня память об этом человеке, слишком тяжела наша утрата.

Поэтому, да простят меня близкие Аркадия Романовича, которые ждали от меня, быть может, нечто иного, более сильного что ли, или более достойного этого удивительного человека.

Да простят меня наши общие друзья. Как невероятно трудно писать о таких людях! Их можно (и нужно!) называть Великими, Замечательными, Удивительными, но эти слова, громкие слова, все равно словно мишура, и сказав их все равно чувствуешь, что не хватает способностей, таланта, умения написать об этих людях так, как подобает, как они достойны того, чтобы о них говорили!

Прости и ты меня, Аркаша. Может быть я напишу что-то неуместное или бестактное, а может быть просто недостойное тебя. Но все что скажу — от сердца. Все эти эпизоды, касающиеся нас — хранит память. Они дороги мне и я даже не знаю, почему именно они сохранились в душе. Почему я пишу именно о них? Наверное кому-то это покажется мелким, неинтересным, но для

меня эти штрихи наших отношений были значимы тогда, когда ты был жив, значимы они и сейчас...

Прости меня, дорогой...

...Он был из категории людей, которых в народе называют святыми, отмеченными печатью Божественного. Я не знаю, верил ли Аркадий в Бога — мы никогда не говорили об этом, но то что жил он, руководствуясь Высшими заповедями — несомненно. Причем мораль эта была присуща ему как бы от рождения. Во всяком случае, я всегда знал его как носителя этой Высшей морали и когда мы только познакомились и в последние, отпущенные ему годы и дни.

К сожалению, мы не были близкими друзьями и, поэтому, я не так уж много знаю о каких-то подробностях его жизни, но то, что мне известно о нем позволяет уверенно сказать — да, это был уникальный человек, редкой доброты и порядочности, наделенный неисчерпаемым человеколюбием, обладающий талантом пытливого исследователя. В то же время, это был человек с непросто трудной, но трагичной судьбой, хранящий в себе, однако, такие качества души, которые позволяли ему с честью преодолеть начало жизненных невзгод и лишений.

Свела нас наука. Аркадий занимался антропологией эпохи средневековья Западной Сибири, а у меня были довольно представительные коллекции. И вот, на какой-то конференции в г. Томске нас познакомил Владимир Анатольевич Дремов — учитель Аркадия. А.Р. Ким хотел приехать в г. Новосибирск, поработать с материалом. И, действительно, он вскоре приехал, и я пристроил его работать у нас на чердаке, где хранилась антропология. Мы почти не общались тогда, но меня подкупала та работоспособность, которую каждодневно демонстрировал мой томский коллега. Мы часто засиживались на работе до восьми-девятого вечера, потом курили на лестничной площадке, я грел чай, перед дорогой домой (а жил я тогда в г. Новосибирске), поил Аркадия и выспрашивал его соображения по поводу тюрок. Потому я уезжал, а Ким еще оставался в Институте. На следующий день, когда я появлялся на чердаке часов около десяти, Аркадий сидел уже на своем рабочем месте обмеряя или склеивая очередной череп.

Он очень был загружен в тот приезд и, тем не менее, когда я попросил его проверить мои половозрастные определения антропологической коллекции Илимского острога, сделанные в поле, Ким немедленно согласился и убил на это не менее трех дней.

Он не стеснялся спрашивать и делал это как-то настолько деликатно, что мне хотелось на каждый его вопрос ответить как можно

более исчерпывающе. Он и слушал-то как-то по своему, с таким не поддельным интересом, что говорить с ним было одно удовольствие.

Потом он уехал в г. Томск и мы не виделись довольно долго. Ребята говорили мне, что Аркадий серьезно болен — что-то с легкими, как-то даже привет от него передавали.

Уже сейчас не помню, через какое-то время мы снова встретились, наверное через несколько лет. Опять в г. Томске. Теперь уж как старые знакомые. Он потащил нас с Юрой Кириушиным к себе в гости, домой, в новую квартиру, куда недавно вселился. Он сам построил себе жилье, работая на стройке, работал на износ потому, что совмещал стройку с наукой (другим путем в г. Томске получить квартиру работнику университета, да еще без степени, было немислимо). Ким кормил нас с Юрой какими-то божественными курами, которых сам приготовил по хорошо ему известным восточным рецептам, пловом, поил водкой. Много говорил о науке, о проблемах этногенеза сибирских народов. Я буквально не узнавал Аркадия. Он поразительно вырос со дня наших городковских разговорчиков на лестничной площадке. Кажется теперь он завершал работу над диссертацией.

Вскоре я получил от Аркадия автореферат, он защищался в г. Москве и я, даже не знаю сам почему, написал на него отзыв.

Уже потом академик В.П. Алексеев — выдающийся ученый, антрополог, очень лестно отзывался о диссертации Кима. Валерий Павлович прочил ему блестящее будущее в науке. Так оно, конечно, и было бы...

Шли годы. И Ким стал бывать у нас все чаще. Полным ходом шли раскопки уникального памятника — Сопки-2, с богатейшим и интереснейшим материалом, в том числе и антропологическим. Вместе с В.А. Дремовым и Т.А. Чикишевой Аркадий проделывал огромную работу, преимущественно черновую, по обработке коллекций. Именно тогда наше, в общем-то формальное общение, переросло в нечто большее. Именно тогда у нас возник настоящий творческий союз. Достаточно будет сказать, что в трех книгах, которые я сделал вместе с коллегами, по проблемам средневековой археологии Барабы, Аркадий написал прескрасные разделы, посвященные исторической интерпретации антропологических материалов. А ведь это легко сказать, три книги. Сколько нужно было обработать черепов, порой собирая их из мельчайших осколков. Склеить, измерить, сопоставить данные и, наконец, интерпретировать. Сколько труда за этим стояло!

Интересно, что мы никогда не спорили с Аркадием ни по научным, ни по житейским проблемам. Даже не знаю почему, может

быть детальные предварительные обсуждения тому причиной, но выводы наши, построенные на разных источниках — удивительно совпадали. Конечно, и поэтому тоже, мне было приятно творчески работать с ним. Я всегда ощущал его не оппонентом, а единомышленником.

Мне кажется Аркадию особенно удалась работа по позднесредневековым памятникам Барабии. Он выявил различия в антропологическом материале, которые давали возможность серьезно аргументировать наши с В.М. Соболевым и А.И. Соловьевым этнические реконструкции. Уверен, что к этой работе Кима постоянно будут обращаться специалисты, занимающиеся проблемами этногенеза.

Как раз в это время я переехал в Академгородок. Почти в каждый свой приезд Аркадий заходил к нам, а несколько раз оставался почевать. Никакой мебели у нас тогда не было, но квартира была большая и Наташа, моя жена, стелила ему на полу (больше было не на чем) в комнате, где одиноко стоял стеллаж с книгами. Мы с Натальей чувствовали себя неудобно, а Аркаша, со свойственной только ему обворожительной улыбкой говорил, что лучше и удобней он в жизни никогда не знал.

Вообще, с Наташей у него сложились какие-то особые отношения. Они оба любили поэзию и Аркадий всегда привозил ей в подарок редкий в то время (точнее уникальный!) томик Ахматовой, Цветаевой или Гумилева. Запомнились и наши разговоры о литературе, которыми всегда сопровождался его приезд к нам.

Почему это запомнилось? Наверное потому, что я, в который уже раз, ощутил его глубокую культуру, разностороннюю образованность, и, наверное, самое главное — способность тонко понимать прекрасное, или лучше сказать — тонко чувствовать прекрасное. А ведь это то, как раз, может быть самое главное, чего многим из нас не хватает в жизни и мы, даже не ощущая чего лишены, чего не дал нам Господь, преспокойно существуем, не осознавая, что лишены-то мы в этой жизни самого главного...

Кажется, уже в это время Аркадий переехал в г. Барнаул. Там сложилась жизнь, что нужно было все сменить и Юра Кирюшин помог Аркадию и с работой, и с квартирой.

В Алтайском госуниверситете способности Кима заблестели во выми яркими красками. Именно здесь в нем раскрылось еще одно удивительное качество — талант педагога. К нему потянулись студенты, у него появились ученики и, как вероятно, жалко, что уходом Кима и эти ребята осиротели...

В это время у меня в аспирантуре учился Юра Мамадаков — один из самых близких друзей Кима. Если бы Вы знали, как не

вероятно трогательно заботился о нем Аркадий! Любая наша встреча или телефонный разговор сразу после приветствия начинался словами Аркадия Романовича: «Ну, Слава, как там у Юры дела?» В шутку я отвечал, что тебе-то мол лучше знать, как у него дела, ты его видишь каждый день, а я на аспирантских отчетах. Всегда удивительно тонко понимающий шутку, Аркадий не принимал моего тона и продолжал говорить со всей серьезностью.

Как-то они с Мамадаковым приехали ко мне в поле, на Денисову пещеру. Встреча эта запомнилась тем, что мы сели ужинать часа в три ночи. Сначала мы с Юрой поехали к его другу за бараном. Вернулись уже поздно вечером. Потом стали этого барана разделывать, потом жарить шашлык. Все мои попытки ограничиться нашим обычным экспедиционным ужином — успеха не имели. Так, все-таки под утро, мы этого барана и съели.

А Мамадаков написал хорошую диссертацию и защитился успешно. Уверен, что без дружеской поддержки и помощи Аркадия было бы это не так скоро и не столь ярко.

Последние годы общения с Аркадием Романовичем запомнились мне еще тем, что он страстно мечтал побывать на своей, что называется исторической Родине, в Корее. Однажды мы чуть было не поехали туда вместе. Мой друг, профессор Сонг Нав Ри из Орегона, предложил мне сделать доклад на международной конференции в г. Ири. Я с радостью согласился и написал ему об Аркадии. К сожалению, приглашение из Кореи запоздало и я был на конференции без Кима... А как ему хотелось там побывать! Потом он расспрашивал меня о каких-то мельчайших, как мне казалось порой, несущественных подробностях жизни и быта корейцев, о корейской науке, археологии. Он начал заниматься корейским языком, чтобы полностью восстановить уже имеющие место пробелы. И кто знает, как бы сложилась его дальнейшая судьба, судьба его семья, близких, побывай он хоть раз на своей исторической Родине. Не довелось...

А ведь его, как ученого, успели узнать в Корее. В нашей последней с ним встрече было что-то мистическое. Весной 1993 г. к нам в Институт прилетел директор Бельгийского Королевского музея профессор Ван Ноттен. Вместе с академиками А.П. Деревянко и Ю.И. Шохиним мы принимали его на нашей институтской базе, на Алтае, близ Денисовой пещеры.

Домой возвращались вертолетом через Барнаул. Каково же было наше удивление, когда на площади перед аэропортом к нам подошел улыбающийся Аркадий. Мы обнялись (сейчас мне все время кажется, что обнялись мы как-то особенно крепко).

— Юрий Федорович сказал мне, что Вы будете садиться в Барнауле. Сам он приехать не смог — экзамены принимает, а я все напросился, привез Вам тезисы конференции...

Мы о чем-то говорили минут пять.

— Привет Наташе с Ванюшкой и жду тебя в Барнауле, — и мы снова обнялись. В последний раз.

Через несколько дней, ночью, меня разбудил телефонный звонок. Звонил Ю.Ф. Кирюшин:

— Беда у нас, Слава, Аркадия нет...

Пожалуй, ни одна смерть не потрясла меня так, не доводила физической боли (буквально), как смерть Аркаши...

Ну да что говорить об этом...

Но ведь как чувствовал он! И не должен он был в аэропорт ехать (это потом мне Юра Кирюшин рассказал), а узнал случай, что мы летим, бросил все дела и примчался...

И обнялись мы тогда, все-таки, как-то не так, как всегда. Печался он со мной... А за палаткой моей стоит удивительный октябрь

Необыкновенно теплый, солнечный для Сибири и божественно красивый. Все в золоте берез и голубизне неба! И на душе милая грусть и до слез обидно, что никогда больше на этом свете не увижу я этого милого, симпатичного человека, не подойдет ко мне и не скажет своим тихим голосом: — «Ну, здравствуй Слава, как же давно мы с тобой не виделись...»

Л.Н. Смердина,

А.Р. Ким

Мезиодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал)

Изучение изолированных этнических групп представляет интерес с точки зрения познания механизма развития и наследственной передачи морфологических признаков различных систем человеческого организма.

В изолированных, ограниченных по размеру популяциях нарушается случайность выбора супружеских пар и, как следствие, возникает определенный уровень кровного родства, что в свою очередь ведет к интенсификации генетико-автоматических процессов в популяции и концентрации морфологических признаков и генетически обусловленных заболеваний [1].

Исключительно удобной морфологической основой подхода к анализу малых изолированных этнических групп с выраженным инбридингом является зубочелюстная система [2, 3], так как с помощью определения концентрации одонтологических признаков можно выявить особенности этнической группы, уточнить некоторые этиологические вопросы и в конечном счете улучшить диагностику, профилактику и лечение заболеваний у представителей малой изолированной этнической группы [4, 5, 6].

К малой изолированной группе с резко выраженным инбридингом относятся бачатские телеуты, проживающие на территории Кемеровской области.

С целью изучения состояния зубочелюстной системы бачатских телеутов в историческом аспекте, в частности выяснения влияния мезиодистальных размеров зубов на формирование зубных рядов у телеутов, нами изучалась краниологическая коллекция кабинета антропологии Томского госуниверситета.

Краниологическая коллекция бачатских телеутов собрана в 1975 г. А.Р. Кимом в результате раскопок заброшенного кладбища

некрещеных телеутов конца XIX века — начала XX века в деревне Челухоево, Беловского района, Кемеровской области [7, 8].

Материал и методика исследования

Осмотрена вся краниологическая коллекция бачатских телеутов, включающая 85 полных черепов. Для изучения отобраны 55 черепов с постоянным прикусом (29 мужских и 26 женских). На каждый измеряемый череп заполнялась карта краниометрического и краниоскопического исследования черепов, краниологический бланк.

Мужские и женские черепа группировались по состоянию зубочелюстной системы на черепа с ортоганическим прикусом и черепа, имеющие аномалии положения зубов.

Из краниологических показателей отобраны те, которые в какой-то мере могут оказать влияние на состояние зубочелюстной системы (ширина основания черепа, верхняя ширина лица, скуловой диаметр, средняя ширина альвеолярной дуги верхней челюсти, ширина неба, мышечковая ширина, угловая ширина) и изучалось их состояние у черепов с аномалиями положения зубов и черепов с ортоганическим прикусом.

Анализ краниологических показателей проводился с предварительным распределением черепов по половому признаку, так как сравнение средних данных краниологических показателей показало достоверное различие между большинством показателей мужских и женских черепов. Для количественного выравнивания проводилось суммирование по обоим полам черепов с ортоганическим прикусом с использованием средних поправок на половой диморфизм [9].

На черепах измерялись мезодистальные размеры сохранившихся зубов, ширина зубных дуг в области первых премоляров и первых моляров, ширина апикального базиса верхней и нижней челюстей.

Сравнение полученных данных между параметрами зубов, зубных рядов, апикального базиса у черепов с ортоганическим прикусом и черепов с аномалиями положения зубов, проводилось без деления по половому признаку, так как сравнение средних значений указанных параметров показало отсутствие достоверной разницы между мужскими и женскими черепами ($P > 0,05$).

Полученные данные обрабатывались вариационно-статистическим методом на электронно-вычислительной машине в кабинете вычислительной техники кафедры ортопедической стоматологии Кемеровского государственного медицинского института.

Результаты и их обсуждение

Аномалии зубочелюстной системы обнаружены у 41 черепа (74,5%). Преобладающими аномалиями являются аномалии положения зубов при недостатке для них места в зубном ряду. Такие аномалии имеются у 37 черепов, что составляет 67,3% всех черепов и 90,2% среди черепов с аномалиями. аномалии прикуса — у 4 черепов (7,2%).

Аномалийное положение (в мужских и женских черепах) занимают только центральные и боковые резцы на верхней и нижней челюстях, которые располагаются вестибулярно, небно-язычно, с поворотом вокруг оси.

Последующая статистическая обработка указанных параметров выявила достоверное увеличение мезиодистальных размеров центральных и боковых резцов, клыков, первых и вторых премоляров на верхней и нижней челюстях у черепов с аномалиями положения зубов (табл. 1).

Увеличенные мезиодистальные размеры зубов приводят к значительному нарушению формирования зубных рядов.

Ширина зубной дуги в области первых премоляров, первых моляров, ширины апикального базиса верхней и нижней челюстей в сравниваемых группах не имеют достоверного различия ($P > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии изменений со стороны ширины зубных дуг и апикального базиса у черепов с аномалиями положения зубов.

Анализ краниологических показателей не выявил достоверного различия краниологических показателей при ортогнатическом прикусе с показателями при аномалиях положения зубов ни в группе мужских, ни в группе женских черепов ($P > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии изменений со стороны лицевого скелета при нарушении зубных рядов (табл. 2).

Отсутствие изменений лицевого скелета, ширины апикального базиса верхней и нижней челюстей, ширины зубных дуг, сочетающееся с увеличением мезиодистальных размеров зубов верхней и нижней челюстей (кроме первых моляров), позволяет утверждать о решающем значении мезиодистальных размеров зубов и формировании зубных дуг бачатских телеутов.

Высокая частота аномалий положения зубов у черепов бачатских телеутов, обусловленная макродентией почти всех зубов, дает основание говорить о концентрации этого морфологического признака в этнической группе бачатских телеутов.

Таблица 1

Сравнение мезиодистальных размеров зубов, ширины зубных рядов, ширины апикального базиса черепов бачатских телеутов с ортогнатическим прикусом и черепов с аномалиями положения зубов

Параметры	череп с ортогнатическим прикусом			череп с аномалиями положения зубов			Р
	х	σ	т	$\bar{x}$	σ	т	
Зубы верхней челюсти							
Центральные резцы	7,96	0,38	0,120	8,80	0,32	0,074	<0,001
Боковые резцы	6,23	0,67	0,123	7,01	0,46	0,098	<0,001
Клыки	7,32	0,22	0,074	7,59	0,28	0,065	<0,0
Первые премоляры	6,62	0,18	0,062	7,02	0,40	0,093	<0,00
Вторые премоляры	6,24	0,28	0,095	6,54	0,33	0,072	<0,0
Первые моляры	10,48	0,66	0,22	10,41	0,69	0,155	>0,0
Зубы нижней челюсти							
Центральные резцы	5,25	0,13	0,046	5,46	0,21	0,045	<0,00
Боковые резцы	5,77	0,15	0,055	6,11	0,25	0,053	<0,00
Клыки	6,48	0,25	0,085	6,11	0,42	0,091	<0,0
Первые премоляры	6,46	0,23	0,078	6,77	0,44	0,094	<0,0
Вторые премоляры	6,68	0,21	0,072	6,91	0,41	0,091	<0,0
Первые моляры	10,68	0,62	0,208	11,06	0,66	0,152	>0,0
Ширина зубной дуги							
В области 4/4 зубов	35,64	2,27	0,685	35,47	1,13	0,276	>0,0
В области 6/6 зубов	48,22	2,72	0,821	46,54	2,56	0,640	>0,0
Ширина апик. базиса							
Верхняя челюсть	38,23	1,56	0,450	39,24	1,56	0,403	>0,0
Нижняя челюсть	32,59	1,43	0,430	32,84	1,67	0,394	>0,0

Сравнение средних краниологических показателей черепов бачатских телеутов (ортогнатический прикус) с аномалиями положения зубов

Краниологические показатели	Ортогнатический прикус			Аномалии положения зубов			P
	$\bar{x}$	σ	n	$\bar{x}$	σ	n	
11. Ширина основания черепа	122,0	5,45	1,091	121,2	6,38	1,77	>0,05
43. Верхняя ширина лица	101,9	2,09	0,447	100,2	1,61	0,447	>0,05
45. Скуловой диаметр	126,8	4,30	0,861	126,3	4,23	1,174	>0,05
46. Средняя ширина лица	95,1	2,70	0,540	93,5	2,30	0,638	>0,05
61. Ширина альвеолярной дуги верхней челюсти	62,2	2,74	0,599	62,0	3,11	0,985	>0,05
63. Ширина неба	40,2	2,35	0,539	39,6	2,05	0,684	>0,05
65. Мыщелковая ширина	114,9	6,22	1,269	114,6	5,63	1,563	>0,05
66. Угловая ширина	96,0	6,39	1,332	95,4	5,41	1,632	>0,05

Заключение

Предки ныне живущих телеутов имели высокую частоту аномалий зубочелюстной системы с преимущественным нарушением формирования зубных рядов, связанных с аномалиями положения зубов.

Аномалии положения зубов возникают за счет увеличенных мезиодистальных размеров зубов, являющихся репаяющим этиологическим фактором аномалий у бачатских телеутов.

Концентрация одонтологического признака в малой изолированной этнической группе с резко выраженным инбридингом является основанием для предположения о генетической природе данного признака.

Примечания

1. Дубинин Н.П. Общая генетика. — М., Наука, 1976. — 590 с.
2. Зубов А.А. Этническая одонтология. — М., Наука, 1973. — 200 с.
3. Зубов А.А., Халдеева А.И. (ответ. редакторы). Этническая одонтология СССР. — М., Наука, 1979. — 256 с.
4. Миргазизов М.З., Кошкин Г.А. О значении антропологии в стоматологии. В кн.: «Материалы по этнографии Сибири». — Томск, 1972. — С. 162-166.
5. Смердина Л.Н. Этнические аспекты зубочелюстных аномалий. В кн.: «Профилактика, диагностика и лечение заболеваний человека». — Кемерово, 1981. — С. 515-518.
6. Смердина Л.Н. Зубочелюстные аномалии у бачатских телеутов (клинико-биометрическое исследование). Автореф. дисс... канд мед. наук. — Омск, 1983. — 18 с.
7. Ким А.Р. Материалы и краниология телеутов. В кн.: «Вопросы археологии и этнографии Сибири». — Томск, 1978. — С. 151-163.
8. Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая. Автореф. дисс... канд. истор. наук. — М., 1987. — 17 с.
9. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. — М., Наука, 1964. — 128 с.

О.Б. Беликова

**Материалы А.Р. Кима
по археологии Чулыма
(поселение Малиновский Борик-1)**

Чулым — наиболее значительный приток Оби. Образованный слиянием рек Белый Июс и Черный Июс, он на большом протяжении протекает по Западно-Сибирской равнине. Причुлымье, достаточно легкодоступное и близкорасположенное к культурным центрам, издавна изучалось специалистами по этнокультурной истории. Обращение автора к археологии Среднего Чулыма еще на этапе сбора материала привело к экспедиционным дневникам томских антропологов В.А. Дремова (1970, 1972–1974 гг.) и А.Р. Кима (1971 г.).

С Чулымом связана первая самостоятельная экспедиция Аркадия Романовича Кима: лето 1971 г., антропологическая разведка в Тегульдетском, Зырянском и Первомайском районах Томской области, в среднем и нижнем течениях р. Чулым. После окончания II курса историко-филологического факультета Томского госуниверситета Аркадий Ким и его однокурсник Евгений Татаренко с 10 по 25 июня провели разведку по маршруту Тегульдет—Туталы — Алтайка — Берегаево — Малиновка — Каптаково — Чердаты — Альмяково — Томск. Разведка входила составной частью в работы по Чулыму и ее притокам, начатые проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири летом 1970 г. [1]. После успешных июльских работ последовало продолжение. В июле, будучи в составе этнографической экспедиции Э.Л. Львовой в р.ч. Зырянское, Аркадий Ким, вместе с А. Смирновым, частично возвращается к пройденному в июне маршруту, а также продолжает его. Разведка проводилась тремя выездами — в Малиновку, в Арышево и Больше-Дорохово, в Берлинку. Ценность результатов экспедиции 1971 г. определяется не только полученными антропологическими материалами, но и собранными сведениями по археологии, этнографии. Так, помимо данных о шести кладбищах «ясашных» (чулымских тюрков) были пополнены сведения о ранее

известных археологических памятниках: Берегаевском курганно-могильнике, поселениях и городище у д. Семеновка. Открыты новые памятники: Больше-Жировский курганный могильник [2] (поселение на месте Малиновского «старинного инородческого кладбища») (поселение Малиновский Борик-1) [3]; «искусственный курган» (на нем последующими экспедициями выявлено Малиновское — II поселение) [4]. От информатора получены сведения о возможном поселении у д. Берлинка на р. Куя.

При обследовании А.Р. Кимом Малиновского инородческого кладбища внешних следов погребений прослежено не было. Заложено два раскопа, вскрыто одно погребение в колодце. В 1972 г., когда кладбище исследовал В.А. Дремов, кроме 35 могил XVII–XIX в. обнаружены фрагменты орнаментированной керамики, каменные отщепы, тесло, Обломок каменного орудия [4] (коллекция в МАЭ автором не выявлена). Во время работ 1971 г. А.Р. Кимом была собрана средневековая керамика от одного сосуда — артефакт поселения Малиновский Борик-1. Ее находки в дневнике не упомянуты, но в происхождении коллекции № 7223 Музея археологии и этнографии именно с этого объекта убеждают два факта. В первых, запись в регистрационной книге фондов МАЭС: «Сбор керамического материала на месте позднего кладбища в Зырянском районе под д. Малиновка. Место называется “Борек”. В фрагменты от одного сосуда. Сбор 1971 года. От Ким А.Р.» В вторых, в разведочном археологическом шурфе 1963 г., заложенном Р.В. Андреевым и О.Б. Беликовой на месте бывшего Малиновского инородческого кладбища, была обнаружена керамика [4] от того же сосуда, что и собранная А.Р. Кимом.

Находки оригинальной керамики, необходимость выяснения характера памятника, вызвали вторичное появление археологов: в поселении Малиновский Борик-1 — разведку 1985 г. О.Б. Беликовой [6]. Сегодня археологический объект, выявленный на основе сбора керамики А.Р. Кимом, с учетом разведочных данных 1963 и 1985 гг. описывается следующим образом.

Поселение Малиновский Борик-1 (рис. 1) расположено в 1 км северо-востоку от бывшей деревни Малиновка Зырянского района Томской области, на землях Чердатского сельсовета. Находится в пойме среднего течения Чулыма, на останце длиной около 125 м шириной 40 м, высотой до 1,5 м, который ориентирован по линии северо-восток-юго-запад. С западной, обрывистой стороны к останцу подходит река. Четких западин на площади гривы не выявлено. Рекогносцировочный раскоп размерами 5×4 м² 1985 г., заложенный в северо-западной части памятника, включал шурф 1983 г. II;

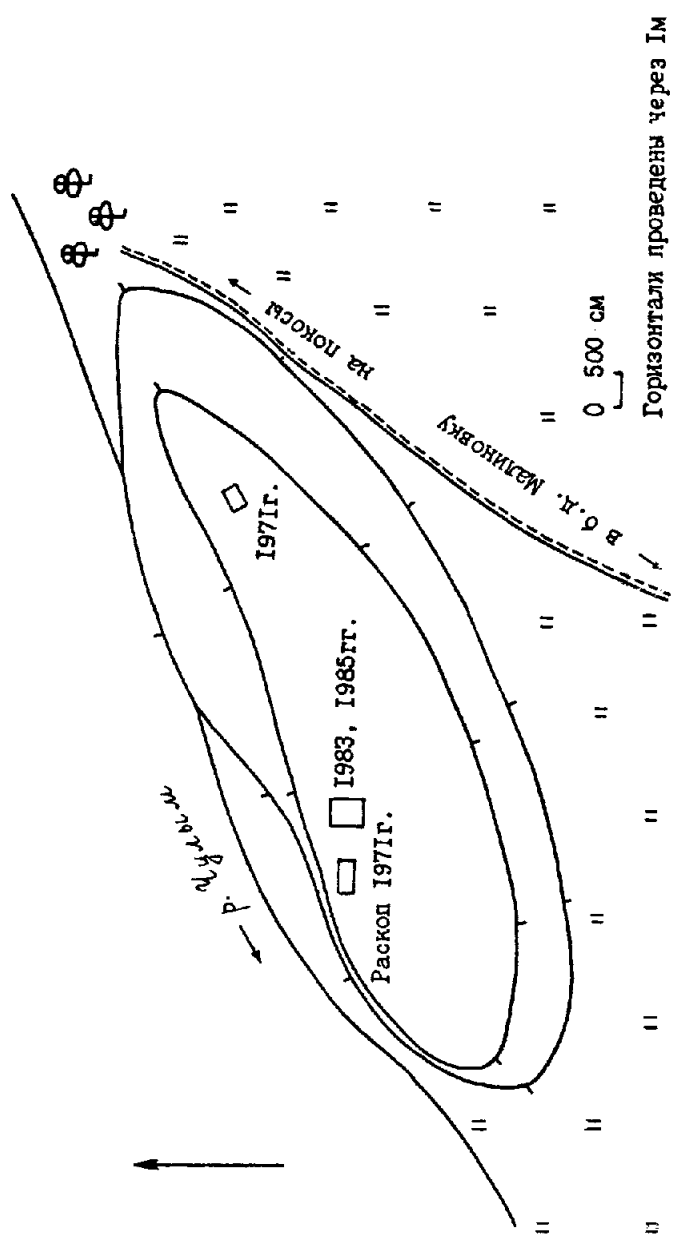

РИС. I ПОСЕЛЕНИЕ МАЛИНОВСКИЙ БОРИК - I

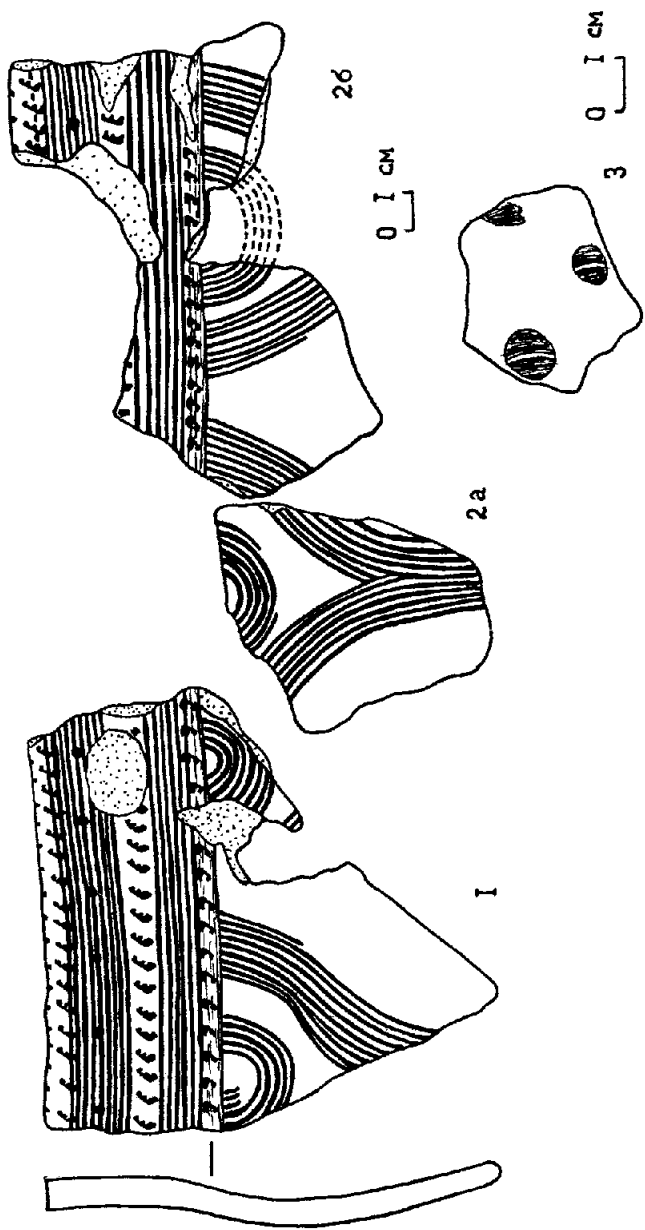

РИС.2 ПОСЛЕДНИЕ МАЛИНОВСКИЙ БОРИК - I. КЕРАМИКА:
 I - из шурфа 1983г.; 2а, б - сборы А.Р. Кима 1971г.; 3 - из раскопок 1985г.

выборе обнаружено: кость животного (?), фрагмент челюсти человека (следы от кладбища «ясашных»), фрагмент керамики (рис. 2, 3). Стратиграфия: дерн, мощность 3–5 см; песок белого цвета, намывной, 5–35 см; погребенная почва, 5–27 см; супесь серого цвета (культурный слой), 10–43 см, с находкой упомянутой керамики; песок желтого цвета. Сохранность памятника позволяет продолжить его исследование, несмотря на бедность культурного слоя (возможно, это характерно для межжилищного пространства).

Керамика, выявленная в 1971 и 1983 гг. принадлежит одному сероглинянному горшку диаметром по венчику около 30–32 см. Восстановлены две стенки сосуда (рис. 2, 1,2). Плечико горшка слабо-выпуклое, шейка слабопрофилированная, срез венчика прямой. Дно, по-видимому, было округлым. Орнаментальная композиция разворачивалась от среза венчика до придонной части. Углы среза венчика украшены оттисками 2-зубого гребенчатого штампа. По шейке нанесены две полосы из неглубоких желобков, выполненных протягиванием 9-зубой и 7-зубой (?) гребенки. Между ними и по ним нанесены три ряда оттисков углом гребенки, ряд оттисков палочки. Плечики украшены полукругами из полос протянутой 9-зубой гребенки в обрамлении подобных же полос, но фигурного расположения — опускаются от плечиков к придонной части.

Сосуд оригинален для Среднего Чулыма, для юга Западной Сибири. Автору неизвестны достаточно полные аналоги (по форме и орнаменту) и из сопредельных регионов. По форме горшок сходен с керамикой из близлежащего памятника — Калмакского курганного могильника, погребения кургана 28 конца X–XII вв. (материалы О.Б. Беликовой). Отдаленное орнаментальное сходство (по композиционному построению, по группировке, включающей спускающиеся ко дну элементы) прослежено с отдельной керамикой типа III памятников V–VIII вв. Томского Приобья [7], могильника Релка VI–VIII вв. Нарымского Приобья [8]. По присутствию мотива полукруг отмечается сходство с керамикой кузнецкого типа селищ XVII в. близ г. Новокузнецка [9].

Ориентируясь на профилировку верхней части сосуда поселение Малиновский Борик-1 датируется концом I — началом II тыс. н.э. Отсутствие прямых аналогов затрудняет решение вопроса об его культурной принадлежности. Не исключено, что памятник относится к среднечулымскому варианту культуры енисейских кыргызов X–XIII вв., локализуемому в районе устьев рр. Яя и Кия.

Примечания

1. Ким А.Р. Антропологическая экспедиция ТГУ, лето 1971 г. Чулым, Хакассия. — Архив кабинета антропологии ТГУ.
2. В материалах О.Б. Беликовой (Кокориной) ошибочно указывалось неверное название этого памятника — Воронино-Яйский курганный могильник.
3. С памятником соотносится объект Малиновские находки I: (Ю.И. Ожередов, Я.А. Яковлев). Археологическая карта Томской области. — Томск, 1993. — Т. II, № 1003.
4. Дремов В.А. Антропологическая экспедиция ТГУ, лето 1972 года. Уень, Чулым, Тымск, Хакассия. — Архив кабинета антропологии ТГУ. — С. 173–200.; Андреев Р.В. Дневник разведочной группы Средне-Чулымского археологического отряда за 1983 год. — Архив ТГУ, № 902. С. 39–47; С памятником соотносится объект Малиновские находки II: Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Указ. работа, № 1005.
5. Андреев Р.В. Указ. работа, с. 47.
6. Беликова О.Б. Отчет о полевых исследованиях Средне-Чулымского отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета 1985 года. — Архив МАЭС ТГУ, № 959. — С. 46–47.
7. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н.э. — Томск, 1983. — Рис. 91–4; 97–1, 2, 4, 6; 100–1, 6; 102–2.
8. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. — Томск, 1977. — Рис. 38–1.
9. Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. — Томск, 1992. — Рис. 6–1, 4, 6, 9.

А.П. Деревянко, В.Т. Петрик

**Стратиграфия палеолита
южного Хангая
(Монголия)**

В археологии каменного века Монголии сложилась своеобразная ситуация. К сегодняшнему времени в Монгольском, Гобийском Алтае, Хангае, Хэнтее, Восточной и Южной Гоби найдено и обследовано более тысячи памятников эпохи палеолита. Только начиная с 1988 г. открыто более 600 комплексов каменной индустрии. Но, к сожалению, за редчайшим исключением коллекции каменного века собраны на поверхности.

Своеобразие ситуации определяется состоянием источниковой базы. В свою очередь состояние источников определяется спецификой природных условий Центральной Азии. Территория Монголии представляет собой часть обширного региона Евразии, где процессы денудации явно преобладают над процессами аккумуляции рыхлых отложений. Это особенно касается четвертичного периода, со временем которого совпадает развитие человеческого общества.

Комплексы каменной индустрии, найденные на поверхности, многочисленны по количеству изделий и представляют все хронологические подразделения эпохи камня: ранний, средний и поздний палеолит. Благодаря огромному числу комплексов каменного инвентаря и его апалитической приработке на уровне технико-типологического метода, открывается возможность решить целый ряд важнейших крупных проблем. К таким проблемам могут быть отнесены: во-первых, установление морфологического облика индустрий; во-вторых, выявление основных линий развития; в-третьих, территориальное распространение сходных между собой комплексов; в-четвертых, общий темп эволюции каменной индустрии, а также ряд и других существенных проблем. Работа по решению обозначенных проблем по палеолиту Монголии ведется своим энергичным образом.

Но, к сожалению, при решении большинства задач палеолитоведения Монголии нужно обращаться к материалам эпохи палеолита сопредельных, а иногда, удаленных на тысячи километров территорий. Отсутствие четкой датировки каждого комплекса, независимым от типологического метода датирования, приводит к тому, что мы выстраиваем эволюцию каменной индустрии в несколько огрубленном виде, не выявляя внутреннюю динамику этого процесса, а, следовательно, и исторической действительности, имевшей место на территории Монголии. Мы не можем точно установить время появления той или иной индустрии, ответить, существовали они независимо или последовательно и т.д. Все эти вопросы возможно решать лишь имея точную дату существования того или иного комплекса, а это возможно, если культурные слои залегают в рыхлых отложениях и на этих памятниках возможно сделать стратиграфические наблюдения и датировать обнаруженные комплексы самостоятельными методами (геология, палеонтология, палинология, изотопное датирование).

Здесь имеется еще одно существенное обстоятельство: залегание культурных слоев в рыхлых отложениях позволяет исследовать их комплексно и, благодаря этому, представить тот природный фон, сообразуясь с которым и жили люди. Возможно так же восстановить и бытовую деятельность: тип жилищ, основные занятия, хозяйственную направленность, сезонность ведения хозяйства или наоборот его стабильность, а в некоторых случаях восстановить и некоторые стороны духовной культуры.

Таким образом, очевидно, чтобы представить, основываясь на археологических данных, исторический процесс в древности в целом, необходимо иметь для анализа различные по своему качеству источники, которые дополняя друг друга, выявляют картину древнейшего прошлого Центральной Азии.

Нельзя сказать, что памятников, культурные слои которых залежали в стратиграфических условиях на территории Монголии, не было. Еще в 1949 г. А.П. Окладников открыл на левобережье р. Орхон (Южный Хангай), рядом с древней столицей монголов Кара-Корумом (современный Харахорин) интереснейший памятник Мойлтын-ам, который исследовался раскопками в течение нескольких полевых сезонов — 1960, 1961, 1963, 1964 гг. [1, с. 115]. Но, к сожалению, долгое время этот памятник оставался единственным и, естественно, что в 1985 г. отряд по изучению каменного века Монголии (ОИКВМ) Совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (ОСМИИЭ) продолжил работы на этом памятнике.

ке, благодаря им удалось уточнить ряд наблюдений и получить новый оригинальный материал.

Во время стационарных работ на Мойлтын-аме проводилась детальная разведка в долине р. Орхон. Был обнаружен ряд памятников эпохи палеолита. Наиболее интересны памятники, получившие название Орхон 1 и 7, в 1986–1989 гг. исследовались раскопками. Полученные материалы очень многочисленны и их значение огромно, оно далеко выходит за рамки территории Монголии. Результаты этих работ в полном объеме готовятся к печати, сегодняшняя же публикация посвящена лишь данным, полученным по раскопу 1, II памятника Орхон 1, на котором хорошо прослеживается соотношение индустрии мустьерского возраста с индустрией, относящейся к начальной поре позднего палеолита. Этот переходный период имеет особую важность, поскольку он определяет во многом облик многообразных позднепалеолитических культур Центральной Азии.

Памятник Орхон 1 расположен на 2-й надпойменной террасе р. Орхон, в 1 км выше по течению от памятника Мойлтын-ам (рис. 1). Культурные слои обоих памятников связаны с одной и той же террасой. Бровка террасы приподнята над уровнем р. Орхон на 12 м, сама она прислонена к высокому скальному берегу, сложенному зеленовато-серыми хлоритосодержащими сланцами, реже песчаниками. Породы сжаты в интенсивные складки и пронизаны прожилками белого кварца. На памятнике после предварительной шурфовки было заложено три раскопа. Раскопы 1, II смыкаются, их площадь 110 кв. м (11×10 м). Ширина террасы, где расположен памятник, от ее бровки до тылового шва составляет 70–80 м. Наклон поверхности в сторону русла реки около 10°. К террасе прислонены сегменты высокой поймы, а также конусы выноса ложкового аллювия, мощностью до 3 м. Ширина низкой поймы на левобережье, в районе памятника 150–200 м.

В процессе раскопок в раскопах 1, II наблюдалась следующая стратиграфия* (рис. 2):

Слой 1. Современная почва. Суглинок коричневый, темно-коричневый с буроватым оттенком в крошке и желтоватым в подошве. Суглинок гумусированный, песчанистый, включает в себя обломки песчаников и сланцев местных пород, размером 1–2 см. Суглинок пористый, со столбчатой отдельностью. Иногда мелкий обломочный материал присутствует в породе в виде линз и прослоев.

---

*Описание выполнено к.г.-м.п. С.В. Николаевым, старшим научным сотрудником ИИФиФ СО АН СССР.

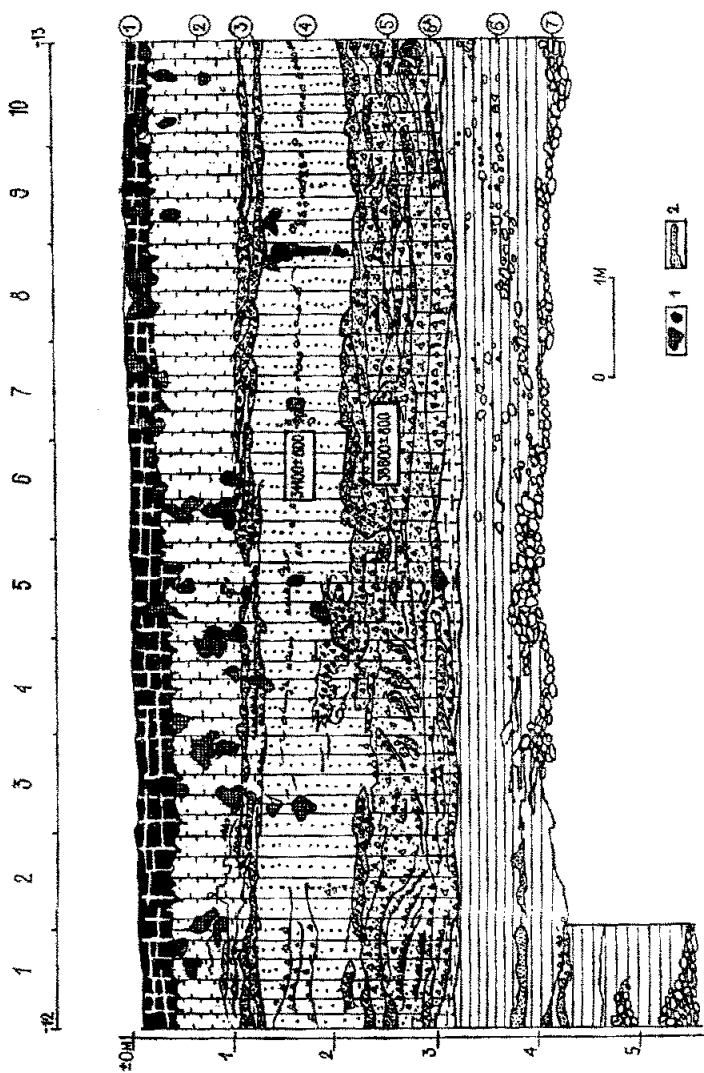

Рис. 1. Памятник Орхон I.

Разрез по западной стенке раскопов I, II.

Начиная с 1 по 7 — номера слоев, объяснение в тексте;

8 — норы животных, заполненные гумусом; 9 — прослойки песка

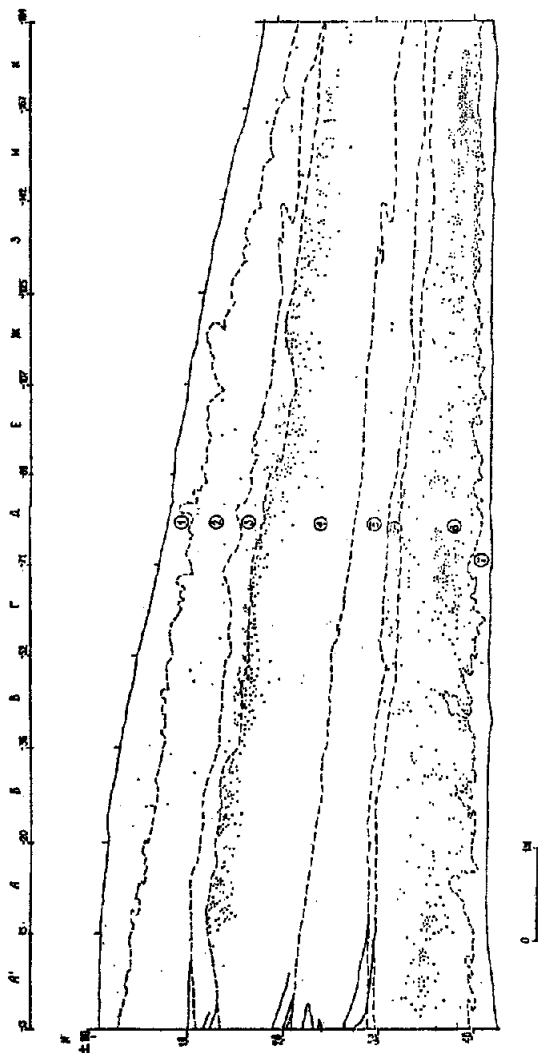

Рис. 2. Памятник Орхон I.
 Схематический профиль северной стенки раскопа II
 с проецируемыми на него находками артефактов
 согласно глубинам залегания.

Слой 2. Суглинок серовато-палевый, коричневатопалевый, светлый, белесый в кровле. Суглинок лессовидный, пористый, со столбчатой отдельностью, песчанистый. Порода хорошо держит стенку. По своему слою в суглинки включены дресва и щебень сланцев в количестве 5-7% от объема породы у кровли и до 10-15% у подошвы. В кровле переход к почве резкий, через осветленный горизонт. Кротовины опущены в слой с поверхности современной почвы.

Слой 3. Горизонт гравия и дресвы сланцев, реже песчаников, сцементированный серовато-палевым и коричневатопалевым песчанистым, карбонатным суглинком. В целом, размерность обломочного материала от 0,3-0,5 до 1-2 см. Иногда горизонт разделяется на два, верхний больший по мощности. Порода горизонтально и волнисто слоистая. Границы кровли и подошвы резкие, особенно кровли. Наблюдаются мерзлотные деформации.

Слой 4. Суглинок серовато-палевый, коричневатосерый, светлый, до желтовато-коричневого (во влажном состоянии). Суглинок песчанистый, пористый. Главное свойство горизонта — переслаивание суглинка, линз песка, гравия и щебня кварца, хлористых сланцев и песчаников. Часто обломочный материал залегает в форме раздутый и карманов, обусловленных криогенными процессами. Слоистость наблюдается весьма отчетливо. Обломочный материал слабо выветрелый, не окатан, но в кровле встречаются тонкие линзы серой и зеленоватосерой супеси — коры выветривания по местным коренным. Снизу вверх интенсивность коричневой окраски убывает, сменяясь сероватой, палевой, белесой. Светлые тона часто имеют и гравийные прослои.

Слой 5. Горизонт дресвы и гравия местных пород. Обломочный материал представлен кварцем, грязно-зеленоватосерыми окварцованными сланцами, реже песчаниками, слабо окатан, ожелезнен. Преимущественный размер 0,5-1,0 см, но встречаются отдельные обломки до 5 см. В целом, размерность материала крупнее, чем в слое 3. Порода слабо сцементирована грязно-коричневым, тусклым, песчанистым суглинком, в отличие от серых тонов слоя 6. Граница кровли подчеркнута переходом к светло-желтовато-палевым песчанистым суглинкам. Содержание обломочного материала в породе составляет 60-70%. Отчетливо наблюдается горизонтальная и слабо волнистая слоистость, подчеркнутая гранулометрически, а также мерзлотными деформациями. Граница подошвы волнистая.

Слой 6. Суглинок желтоватосерый с грязно-зеленым оттенком, пористый, слабо песчанистый, средней плотности и пластичности. В породе обильны белые, овальные концентрации карбонатов, ха-

рактены охристые точки, примазки и разводы гидроокислов железа. По всему слою наблюдаются включения выветрелых, неокатанных обломков зеленовато-серых сланцев и песчаников, размером 10–12 см., а также ожелезненных галек руслового аллювия Орхона, размером 5–7 см. Карбонаты сконцентрированы в средней части слоя. В кровле отмечается потемнение, вызванное, вероятнее всего, повышенной гумусацией. Он выделен в составе подгоризонта ба.

Границей подошвы служит русловый галечник. Несомненно, что нижняя часть слоя — это пойменная фация террасы, на которой постепенно, импульсивно накапливался ложковый аллювий, сложенный местным обломочным материалом. В стенках раскопа селективным выветриванием подчеркнута горизонтальная и слабо волнистая слоистость, особенно в верхней части слоя.

Слой 7. Русловый галечник террасы, сложенный кремнистыми породами серого и голубовато-серого цвета сланцами, песчаниками, гнейсами, гранитами, диоритами, кварцем, эффузивами, красными япмоидами. Окатанность галечника средняя и хорошая. Размер — от 1–2 до мелких валунов в 0,4 м. Гальки крупнокристаллических разновидностей гранита значительно выветрены. На гальках наблюдается белая карбонатная патина.

В разрезе выделяется несколько литологических фаций, начиная с почвы (сл. 1) и до слоя 5. Это типичные покровные отложения с большой долей субаэрального материала, переработанного делювиальным процессом. На некоторых уровнях (слой 3, 5) делювиальные процессы имели подавляющее значение.

Ниже идет пойменная фация (слой 6, ба), которая залегает на русловом аллювии (слой 7).

Культурные остатки в разрезе фиксировались на двух уровнях (рис. 2). Верхний культурный горизонт связан с кровлей слоя 4, некоторая часть находок заходит в слой 3 и совсем немного в слой 2. От нижележащего горизонта верхний горизонт находок отделен почти 1,5-метровой толщей накоплений. Нижний культурный горизонт полностью связан с отложениями поймы древнего Орхона.

Описание культурных горизонтов дано снизу вверх. В пойменной фации были обнаружены остатки двух небольших очажков. Несмотря на некоторые повреждения, они сохранились и показывают, что значительного перемещения вещевого материала в плане не наблюдалось. Наибольшая концентрация каменных изделий наблюдалась на уч. и, к 7–10 около очажка, в северо-восточном углу раскопа II. Здесь собрано наибольшее количество выразительных образцов нуклеусов леваллуазского облика.

Всего в 3-ем культурном горизонте обоих раскопов найдено 968 экз. каменных изделий. Большая часть из них представлена отходами производства. Нуклеусов найдено 21 экз., орудий и их обломков 62 экз. Весь инвентарь изготовлен из галек, немного кремнистого песчаника и алевролитов.

Среди нуклеусов ведущими являются леваллуазские (16 экз.) различных вариаций. По крайней мере 6 экз. нуклеусов связаны с получением леваллуазских отщепов (рис. 3, 1, 2, 4, 6), но есть нуклеусы для снятия пластин (рис. 3, 3, 5, 7). По всей вероятности с нуклеусов (рис. 3, 5, 7) могли сниматься на определенной ступени использования и леваллуазские отщепы. В коллекции есть три нуклеуса, приспособленных для снятия треугольных острий.

Кроме леваллуазских нуклеусов есть два многоплощадочных, но они явно играют подчиненную роль.

Орудийный набор состоит из следующих типов изделий: сколы леваллуа — 6 экз., пластины с ретушью и их обломки — 22 экз., нож с обушком — 1 экз., выемчатые орудия — 7 экз., зубчато-выемчатые орудия — 2 экз., клювовидные орудия — 5 экз., скребла — 6 экз. и сколы с эпизодической и утилизационной ретушью — 10 экз., обломки орудий — 3 экз.

Леваллуазские отщепы иногда имеют мелкую ретушь (рис. 4, 17), но чаще они без вторичной обработки (рис. 4, 14, 18, 19). Леваллуазские острия (2 экз.) ретушированы по краю мелкими сколами (рис. 4, 8, 16).

Среди орудий, изготовленных из пластин леваллуа, выделяется два орудия с носиком (рис. 4, 1, 11), хорошо ретушированные пластины (рис. 4, 7, 9) или обломки пластин (рис. 4, 12; 5, 1), но чаще ретушь нанесена не по всему краю, а лишь отдельными участками (рис. 4, 5, 13, 15). Значительная часть пластин ретуши не имеет (рис. 4, 2-4, 6). Оригинальное изделие со своеобразной вторичной обработкой также изготовлено из пластины, дистальный край обработан с дорсала крутой ретушью, при этом выделен не крупный зубчик, а один из боковых краев обработан чередующейся, мелкой, приостряющей ретушью (рис. 4, 10).

Нож с обушком изготовлен на крупном сколе. На острие утилизационная ретушь, самый кончик дистального конца подработан, а обушок имеет поперечную подправку ретушью (рис. 5, 3).

Орудия с выемками, за исключением одного из пластины, изготовлены из относительно крупных отщепов. Для них характерна одна выемка (анкош) с последующей подработкой мелкой ретушью (рис. 5, 4, 6).

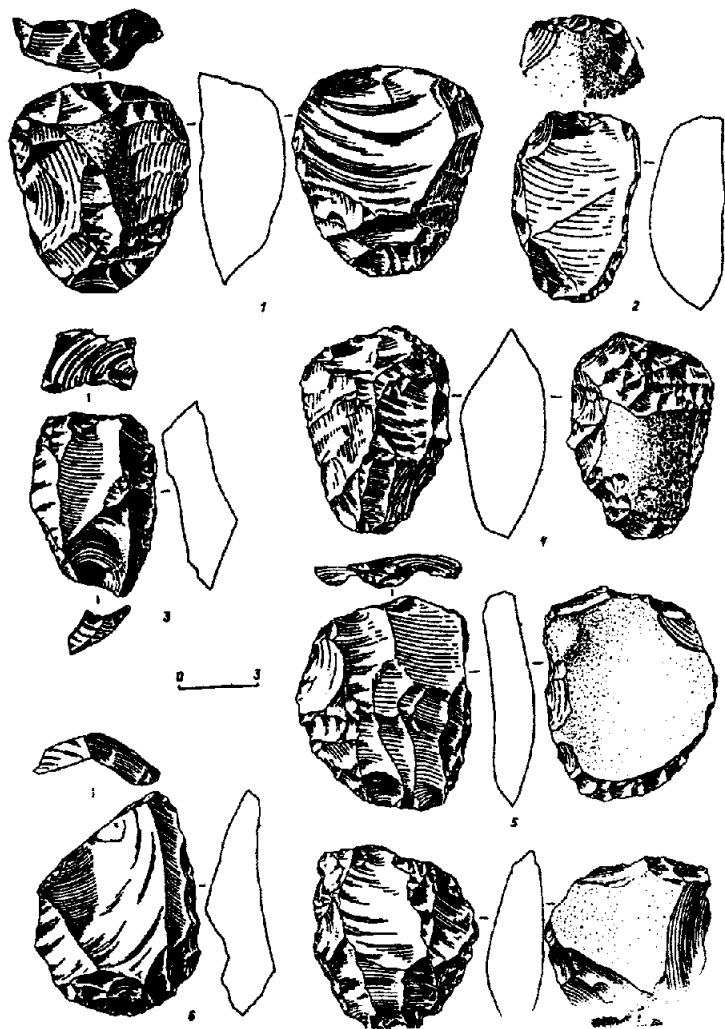

Рис. 3. Памятник Орхон I.
 Нижний мустье́рский слой.
 1-7 — нуклеусы леваллуазские.

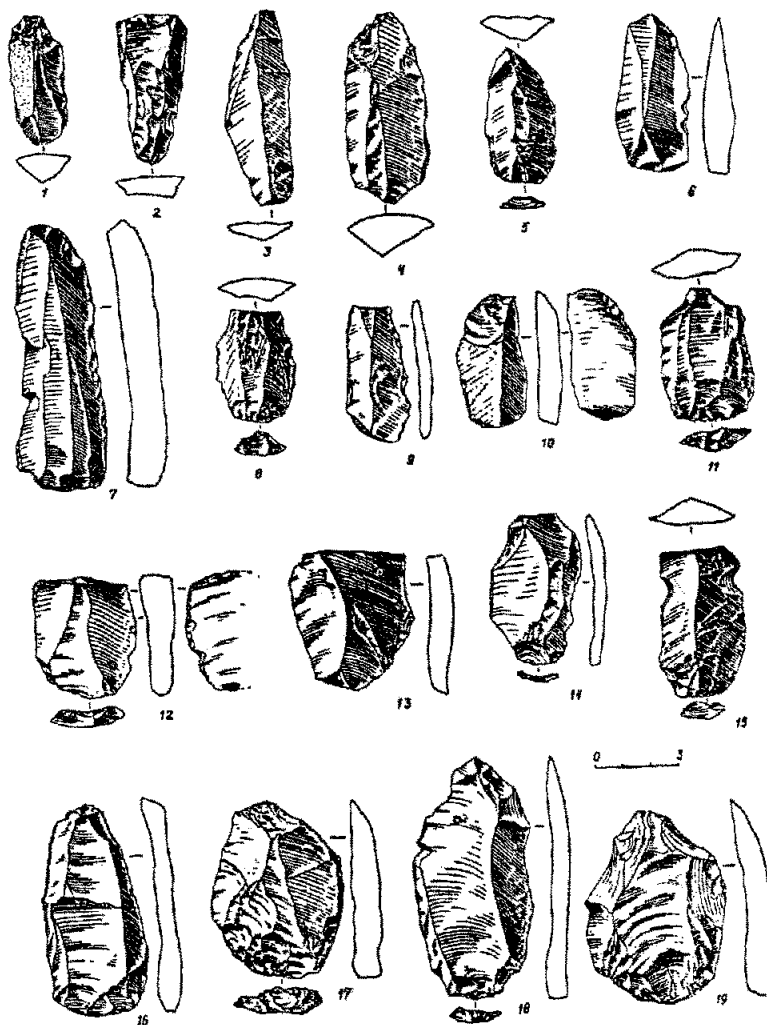

Рис. 4. Памятник Орхон I.

- 1, 11 — орудия с носиком; 2-4, 6 — пластины без ретуши;
 5, 13, 15 — пластины ретушированные не по всему краю;
 7, 9 — пластины с ретушью; 8, 16 — леваллуазские острия;
 10 — оригинальное изделие; 12 — обломок пластины;
 14, 17-19 — леваллуазские отщепы.

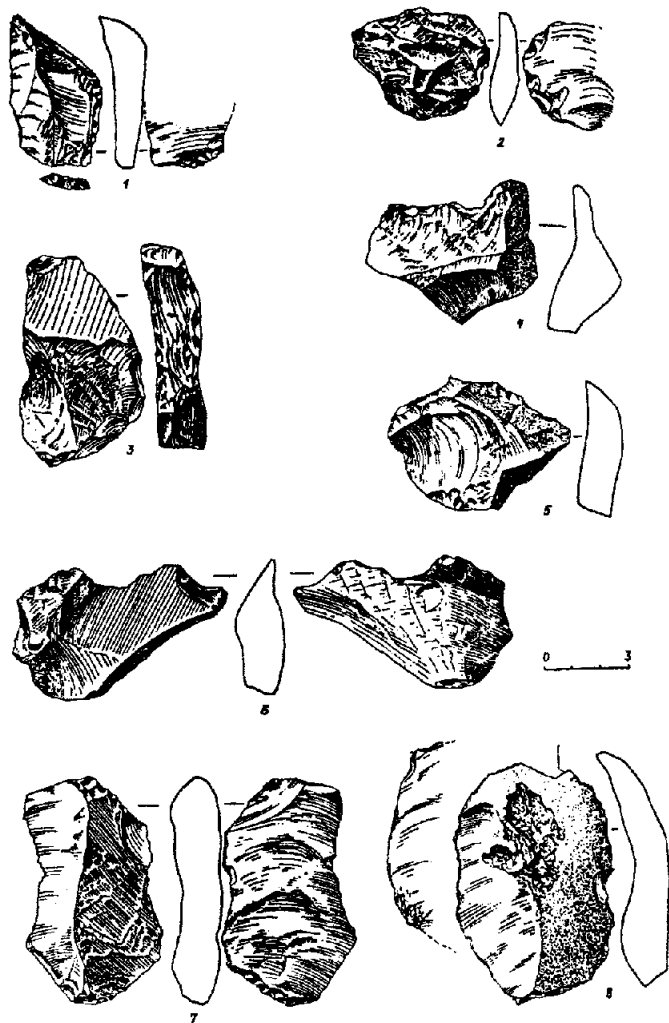

Рис. 5. Памятник Орхон I.
 2, 5 — скребла, 1 — ретушированный обломок пластины,
 3 — обушковый нож; 4-6 — выемчатые орудия;
 7, 8 — зубчато-выемчатые орудия.

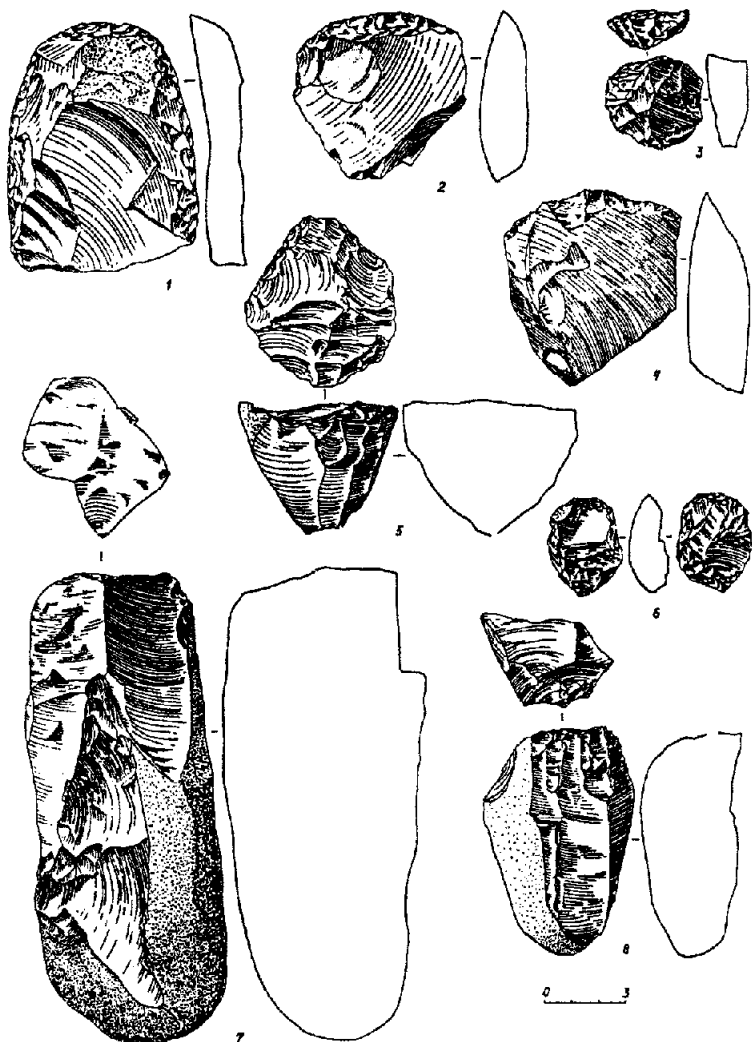

Рис. 6. Памятник Орхон I.
 1, 2, 4 — скребла; 3 — скребок;
 5, 7, 8 — нуклеусы; 6 — долотце.

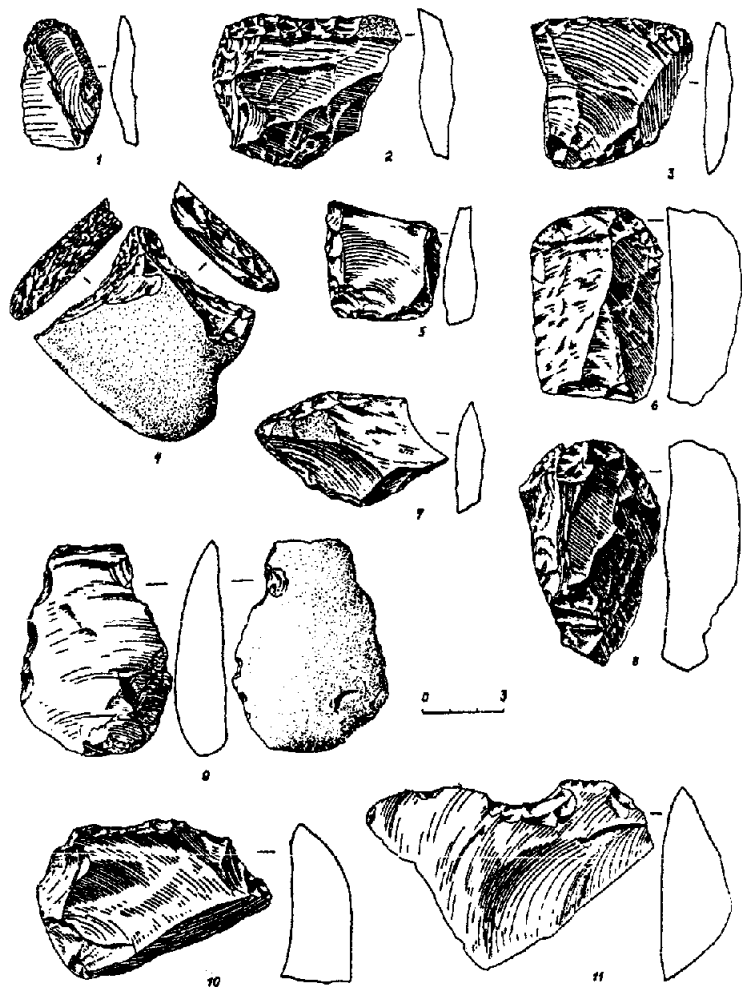

Рис. 7. Памятник Орхон I.
 1, 6, 8 — скребки; 2-4, 10 — скребла;
 5, 7 — сломанные скребла;
 9 — зубчато-выемчатое орудие;
 11 — выемчатое орудие.

К этой группе близки зубчато-выемчатые орудия, представляющие собой удлиненные сколы. Обработка мелкой ретушью велась как с дорсальной (рис. 5, 8), так и вентральной сторон (рис. 5, 7).

Очень выразительна группа клювовидных изделий. Рабочий край, как правило, выделен ретушью, обычно на углу скола. В основном использовались для ее изготовления первичные и вторичные сколы.

Скребла коллекции крайне невыразительны. Изготовлены из крупных сколов, чаще всего ретушь крутая однорядная. Лезвие зачастую неровное и занимает лишь часть края (рис. 5, 2,5). Эта группа очень близка к типу зубчато-выемчатых изделий.

Сколы с эпизодической и утилизационной ретушью крупных размеров, ретушь некрупная, неровная.

Характеризуя комплекс в целом, следует отметить его наиболее характерные черты. В основе первичного расщепления лежит леваллуазский принцип раскалывания, причем леваллуазские нуклеусы весьма вариабельны по форме и типам снятых с них вторичных заготовок.

Среди орудий явно преобладают сделанные на пластинах. Значительный удельный вес занимают выемчатые, клювовидные орудия. Немаловажным обстоятельством является то, что леваллуазские нуклеусы и изделия из пластин некрупных размеров.

Что же касается наиболее позднего культурного горизонта, то по характеру залегания они близки к картине, что наблюдалась и для нижнего слоя (рис. 2).

Всего найдено в раскопах 1, II каменных изделий — 1186 экз. Нуклеусов крайне мало — 3 экз. Орудийный набор — 59 экз., состоит из нескольких довольно устойчивых типов изделий, а также единичных орудий. Скребла — наиболее представительная группа артефактов — 19 экз., скребков — 7 экз., сломанных пластин с ретушью — 9 экз., выемчатых орудий — 5 экз., зубчато-выемчатых — 1 экз., долотце — 1 экз., сколов, обработанных эпизодической ретушью — 15 экз., 3 экз. — обломки орудий. Имеется также несколько микроорудий, но их характеристика здесь не приводится, поскольку поверхность изделий требует очистки от известковой корочки, чтобы можно было определить характер вторичной обработки.

Нуклеусы служили для снятия пластин в параллельном направлении (рис. 6, 7,8), иногда укороченных (рис. 6, 5). Два нуклеуса близки к леваллуазским нуклеусам для снятия пластины (рис. 6, 7,8). Третий нуклеус близок призматическому типу.

Скребла представлены несколькими типами: галечными — 3 экз., одинарными с выпуклым лезвием и обушком — 3 экз., одинарными с прямым лезвием — 5 экз. Остальные скребла найдены в обломках, но судя по ним, в инвентаре имелись скребла и других типов (рис. 7, 3, 5, 7).

Наиболее представительны скребла с прямым лезвием, ретушь оформляющая рабочий край, полукруглая, однорядная или двурядная, всегда нанесена с дорсальной стороны (рис. 7, 2).

Для скребел с полукруглым лезвием характерно наличие обушка и то, что у двух экземпляров ретушь расположена с вентральной плоскости (рис. 6, 2, 4). У последнего скребла этого типа полукруглой рабочий край имеет неровный характер и этим близок к зубчато-выемчатым орудиям (рис. 7, 10).

Выразительными формами обладают два скребла. Одно из них наиболее близко к типу конвергенных выпуклых, но есть отличие — на дистальном конце имеется самостоятельное лезвие (рис. 6, 1). Второе скребло относится к типу конвергентных вогнутых (рис. 7, 4). Оно изготовлено из плоской гальки, ретушь оформления лезвия очень крутая, многорядная.

Скребки делятся на три типа. К первому отнесены крупные, массивные изделия из пластинчатых сколов (рис. 7, 6, 8). Ретушь лезвия крутая, само лезвие правильной полукруглой формы. Два скребка близки этому типу, но они меньших размеров и для них характерной особенностью является наличие своеобразного обушка по одному из боковых краев (рис. 7, 1). Два последних скребка изготовлены из отщепов (рис. 6, 3). У одного полукруглый рабочий край, у второго — прямой.

Пластины с ретушью представлены обломками — дистальными концами (6 экз.) и медиальными частями (3 экз.). Ретушь нанесена с дорсальной стороны.

Выемчатые орудия сделаны из крупных сколов. Для них характерно наличие одной выемки (апкоша), иногда крышных размеров, с последующей подработкой ретушью (рис. 7, 11).

Из единичных изделий отметим долотце небольших размеров (рис. 6, 6) и зубчато-выемчатое орудие из первичного скола (рис. 7, 9).

Не останавливаясь на описании обломков орудий и сколов с эпизодической обработкой подведем некоторые итоги.

Первичное расщепление, как показывают нуклеусы, основывается на пуклеусах параллельного принципа расщепления. В орудийном наборе явно преобладают скребла и скребки различных

типов. Выемчатые орудия и пластины с ретушью также характерны для комплекса.

Прежде чем перейти к сравнительной характеристике комплексов, остановимся на проблеме их датирования. Первая из них получена из средней части слоя 4 (34400 ± 600), вторая — из слоя 5 (38600 ± 800). Между собой они хорошо коррелируются. Дата 34400 ± 600 л.н. происходит из слоя, лежащего несколько ниже верхнего культурного горизонта и позволяет предполагать, что культурные остатки появились там чуть позднее, поскольку залегают в том же литологически однородном слое, откуда получена дата.

Что же касается нижнего культурного горизонта, то его датировка затруднена. Он явно древнее нижней даты 38600 ± 800 л.н. и бесспорно относится к мустьерскому времени. Существенно подчеркнуть, что культурные находки лежат в слое, относящемся к пойменной фации накопления, что предполагает значительный хронологический разрыв, отделяющий эту фазу осадконакопления от фазы покровных отложений. Не исключено, что этот разрыв может равняться не одному десятку тысячелетий. Во всяком случае палицо явно крупный отрезок времени, что разделяет верхний и нижний культурный горизонты.

Косвенно это подтверждается и споро-пыльцевым анализом, проведенным Е.М. Малаевой, выделяющей в разрезе пять фаз развития растительности. Нижняя фаза связана с русловым аллювием и явно относится к теплomu времени (межледниковье). Лежащая выше фаза связаны с постепенным похолоданием и иссушением.

Пойменные отложения (нижний культурный горизонт) связаны со 2-й фазой, т.е. началом похолодания, а отложения, содержащие второй культурный горизонт, относятся уже к 4 фазе растительности.

На значительный хронологический разрыв между двумя этими комплексами указывает и их облик. Они обнаруживают весьма мало сходства практически по всем показателям. Явно леваллуазская техника первичного расщепления отсутствует в материалах верхнего горизонта, то же самое можно сказать и о типах орудий. Сходства обнаруживают лишь выемчатые орудия и в какой-то мере пластины с ретушью, но и то в верхнем горизонте они более крупные и их значительно меньше. Именно в верхнем горизонте появляются многочисленные скребла, скребки, причем их типологический набор благодаря вариабельности, однозначно указывает на развитость этих категорий орудий.

Но при всех имеющихся различиях, принципиально важно, что мы можем, имея два различных по времени комплекса каменной

индустрии, установить направление изменений типов изделий от мустьерского времени к начальной поро верхнего палеолита. На наш взгляд между этими двумя комплексами явно выпадает соединяющее звено или несколько звеньев, которые предстоит еще выявить, чтобы получить цельную картину развития индустрии в Южном Хангае в эпоху палеолита.

Примечания

1. Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1981. — 115 с.

Ли Хонджон

**К вопросу о зарождении
микропластинчатой техники
в северо-восточной Азии**

Проблема возникновения микронуклеусов в позднем палеолите является одной из наиболее существенных для данной территории. Довольно часто исследователи сообщают об обнаружении микронуклеусов, относящихся к ранним этапам верхнего палеолита. В Сибири материалы памятников Макарово IV [1, с. 205]. Усть-Каракол [2], Мальта [3, с. 222–226] содержат древние формы микронуклеусов, отличающиеся от микронуклеусов более позднего времени. В Китае также найдены изделия, напоминающие по форме микронуклеусы. Стоянка Хузиалю, хронологически более поздняя чем местонахождения 1 и 15 Джоукоудянь, содержала материалы близкие материалам Джоукоудяня. На этой стоянке был найден один клиновидный нуклеус [4, с. 80]. Памятник Шивэй также дал микронуклеусы [5].

Проблеме возникновения микронуклеусов уделяли внимание многие исследователи. В связи с ней представляется возможным выделить несколько основных точек зрения. А.П. Окладников высказал предположение о том, что клиновидные нуклеусы берут свое начало в леваллуазской технологии. В.Т. Петриным высказано мнение о том, что микронуклеусы являются продуктами техники резцов [6; 7, с. 106–108]. Дзян Сеншу выдвинул гипотезу о развитии техники микропластин из техники пластин. Стоянки, содержащие микропластины, и стоянки, содержащие пластины, были отнесены им к единому культурному комплексу. Это представление близко точке зрения Кимуры, который высказал мысль о том, что возникновение микронуклеусов связано с уменьшением размеров пластин [3, с. 224–226]. Более детально эта проблема была рассмотрена Гай Пэем [4, с. 79–80]. По его мнению, для возникновения микронуклеусов должны были существовать следующие предпосылки: 1) преобладание артефактов небольших разме-

ров, намечающее тенденцию к появлению более мелких клиновидных микропунклеусов; 2) наличие орудий с двусторонней ретушью; 3) мелкие размеры конечных продуктов производства двуполярных отщепов и резцовых сколов, удлиненные или небольшие пластинчатые отщепы, приводившие к производству микропластин; 4) определенная последовательность процедур при производстве артефактов.

На самом деле проблема происхождения нуклеусов является более сложной и многосторонней, нежели предлагаемые варианты ее решения. Основной вопрос состоит не столько в происхождении, сколько в причинах, по которым микропунклеусы не были распространены на ранних этапах верхнего палеолита. Несважно, на какой стоянке и в каком районе в целом они появились раньше. Можно выделить три момента, существенных при рассмотрении этой проблемы: 1) необходимость изготовления микропунклеусов; 2) новые формы адаптации, вызванные изменением экологических условий; 3) накопление технологических «поу-хау».

Для того, чтобы эта технология появилась, был необходим определенный технологический комплекс, включающий технику изготовления резца и концевых скребков с лезвием, оформленным крутой ретушью от вентрала к дорсалу, отжимную технику, а также технику торцового нуклеуса для снятия пластин. Последняя наиболее распространена в Сибири и на Дальнем Востоке. Менее эта техника известна в Китае, где широко распространены отщеповые комплексы. Торцовый нуклеус, как правило, подготавливался с узкой торцовой части, а латеральная поверхность была длинной. Эта техника является наиболее продуктивной для получения большого количества первичных продуктов. Как представляется, эта техника подразумевала крепление нуклеуса на какой-то основе. У многих торцовых нуклеусов нижняя часть узкая, а фронт имеет субклиновидную форму. Для древнего человека эта техника была более удобной для получения пластин с полировкой ударной площадки. Она была более экономной в плане использования сырья.

Можно предположить, что техника клиновидных микропунклеусов тоже связана с креплением. Для этого у нуклеуса нижняя часть должна была быть острой, а фронтальная часть не очень широкой. Этому требованию удовлетворяли бифасы.

Действительно, попытки изготовить микропунклеусы могли делаться и в более раннее время, несмотря на проблемы, связанные с их стратиграфической привязкой. Но необходимость их изготовления на более ранних этапах верхнего палеолита, не была обуслов-

лена экологическими причинами и тормозилась отсутствием достаточной технологической базы. Поэтому для периода 40–25 тыс. лет можно говорить о незнании настоящей технологии получения микронуклеусов древним человеком. В настоящее время появление микронуклеусов исследователи связывают с территориями современной Монголии, Забайкальем, Хепей (Китай), бассейном Алдана. Но данные точки зрения могли быть обусловлены изучением только отдельных элементов подготовки микронуклеусов. Местом зарождения микронуклеусов китайские ученые относят к провинции Хепей. Наиболее древним памятником здесь является стоянка Шию. В материалах этого памятника действительно имеются следы применения микролитической техники. Но единственный обнаруженный здесь, на этой стоянке экземпляр микронуклеуса, является дискуссионным [8, с. 128].

Таким образом, если исключить материалы данной, единственной в этом роде стоянки, то появление и распространение использования микронуклеусов в Китае начинается только после 20 тыс. лет назад. Для подтверждения гипотезы появления использования микронуклеусов именно на китайской территории, китайские исследователи прилагают большие усилия. Но достаточно убедительных материалов пока не обнаружено.

Начиная примерно с 25–20 тыс. лет т.н. (сильные климатические изменения в Сартанский период) древний человек [9], накопивший описанные выше технологические знания и навыки для получения микропластин с определенной целью, сталкивался с необходимостью адаптации к новым экологическим условиям. Как представляется, техника микронуклеуса во многом зависела от мастера, который создавал каменное изделие. При производстве микронуклеуса древний человек исходил из знаний существовавшей технологии, понимания определенной последовательности технологических операций. Основой для выработки микролитической техники могла быть техника торцового нуклеуса, широко известная и весьма продолжительное время применявшаяся в это время в Сибири [10, с. 19–21]. В течение короткого периода времени микролитическая техника получила очень широкое распространение, что свидетельствует о ее насущности. Эта технология могла быть перенесена в результате миграционных процессов, непосредственных и косвенных контактов между различными группами Северо-Восточной Азии.

Примечания

1. Lipnina L.A., Medvedev G.L. «Micro splitting», «Micro cores» «Universal preforms» // The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia. — Sapporo, 1994. — С. 191–206.
2. Шуньков М.В. Личная беседа, 1993.
3. Kimura Hideaki. The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia. — Sapporo, 1994. — С. 217–229.
4. Gai pei. Microblade Gores of Late Paleolithic Period in China // The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia. — Sapporo, 1994. — С. 76–90.
5. Ан чи-мин. Мезолитическая стоянка Хаилао: происхождение традиции микролитов // Каожухуэбао-3, 1978. — С. 289–316 (на китайском).
6. Петрил В.Т., Чевалков Л.М. О возникновении микролитической торцовой техники скалывания на примере палеолитической стоянки Кара-Бом // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. — Красноярск, 1992.
7. Petrin B.G. The Origin of the Microlithic Tradition in the Altai-Butt Cores and Burins in the Kara-Bom Site // The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia, Sapporo, 1994. — С. 106–111.
8. Chen Chun, Wang Xiang-Qian. Upper Paleolithic microblade industries in north China and their relationships with Northeast Asia and North America // Arctic anthropology. — v. 26 — № 2, 1989. — С. 127–156.
9. Абрамова З.А. Клиновидные нуклеусы в палеолите Северной Азии // Палеолит и неолит. — Л., 1986. — С. 11–17.
10. Derev'anko A.P. Formation and Development of Microblade Industries in Southeastern part of Far East // The Origin and Despersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia. — Sapporo, 1994. — С. 19–33.

Т.И. Нохрина

**Сосуды-тигли
с энеолитических памятников
Южного Урала**

Культурные остатки поселений энеолитического времени Южного Урала наряду с обломками глиняной посуды, каменным инвентарем, всевозможными поделками из глины и талька, содержат единичные медные предметы. В основном это ножички, реже слиточки меди, шилья, медная проволока [1, с. 26; 2, с. 121; 3, с. 114]. Иногда встречаются производственные остатки — капельки меди, обломки посуды с медными каплями на стенках [3, с. 115; 4]. Эти факты, а также спектральный анализ металла позволили Е.Н. Черныху при выделении древней уральской горно-металлургической области выдвинуть гипотезу «о самостоятельном и не связанном ни с какими импульсами зарождения собственной металлургии меди у местных охотничье-рыболовческих племен... кысы-кульской культуры» [5, с. 124], что в дальнейшем было подтверждено работами Л.Я. Крижевской [6] и Г.Н. Матюпина [7]. Л.Я. Крижевская, обосновывая самостоятельность южно-уральского металлургического очага, выделила предпосылки, способствующие этому: во-первых, обширная сырьевая база, во-вторых, высокосовершенное горное дело, в-третьих, высокий уровень технологии производства каменных орудий [6, с. 103–104]. Металлургия энеолитических племен представляет собой примитивную ступень развития, близкую к зачаточным формам, что проявляется, с одной стороны, в отсутствии литейных форм, льячек, а с другой — в единичных находках незамысловатых предметов, сделанных из металлургически «чистой меди» [5, с. 108, 161, табл. X].

При изучении ранних этапов становления металлургического производства Южного Урала можно выделить ряд проблем, среди которых время его появления, приуроченность производства металла к одному или нескольким центрам, либо повсеместное его распространение, способы получения металла, связь с конкретны-

ми археологическими культурами и многие другие. Появление новых данных, способствующих решению какой-то одной или част проблем, связанных с историей металлургии, интересны и заслуживают введения в научный оборот.

В статье использованы материалы, полученные автором Л.А. Дробиной, В.Т. Петриным, А.Ф. Шориным [8] в процессе раскопок семи археологических памятников, расположенных на побережье островов водохранилища Аргазы в Аргаяшском районе Челябинской области. В основном это полихронные поселения, имеющие широкий хронологический диапазон — от неолита до ранней железного века. Находки энеолитического слоя наряду с обычным поселенческим комплексом содержат также остатки металлургического производства, металлическое изделие.

Единственное изделие — медный ножичек размером 68×15 мм изготовленный методомковки, найден на поселении Малый Липовый X (рис. 1, 1). Он аналогичен по форме медному ножу поселения Карагайлы 1 [3, рис. 1, 12].

Самая многочисленная группа находок, связанная с процессом металлургического производства, — 122 фрагмента керамики причем на некоторых из них бесспорные следы контакта поверхности с металлом, а некоторые отнесены в эту группу с известной долей условности. Было отмечено, что поверхность обломков сосудов с капельками меди или оплакованностью изменена — беловатого цвета и шероховатая на ощупь. Это обстоятельство позволило выделить из керамического материала группу фрагментов, цветом и характером поверхности аналогичных вышеописанному. Распределение находок по памятникам следующие: стоянка Осиновый остров III — два фрагмента с капельками меди, девять — беловатого цвета; поселение Аргазы VII — пять оплакованных фрагментов и 39 — беловатого цвета; Березки Vв — три оплакованных фрагмента, девять — беловатого цвета; М. Липовый X — пять фрагментов беловатого цвета; Березки II — один фрагмент беловатого цвета; Березки V — два фрагмента беловатого цвета.

Вся керамика очень фрагментарна, причем преобладают стенки сосудов (104 фр.), нескольких шеек (10 фр.) и придонных частей (8 фр.). Судя по сохранившимся частям, использовались сосуды гораздо меньших размеров, чем те, которые обычно представлены в поселенческих комплексах энеолитического времени, однако по форме, ни орнаментацией от них не отличающиеся. Едва намечающаяся шейка слегка отогнута наружу, либо прямая (рис. 1, 8), в некоторых случаях с внутренней стороны орнаментирована от-

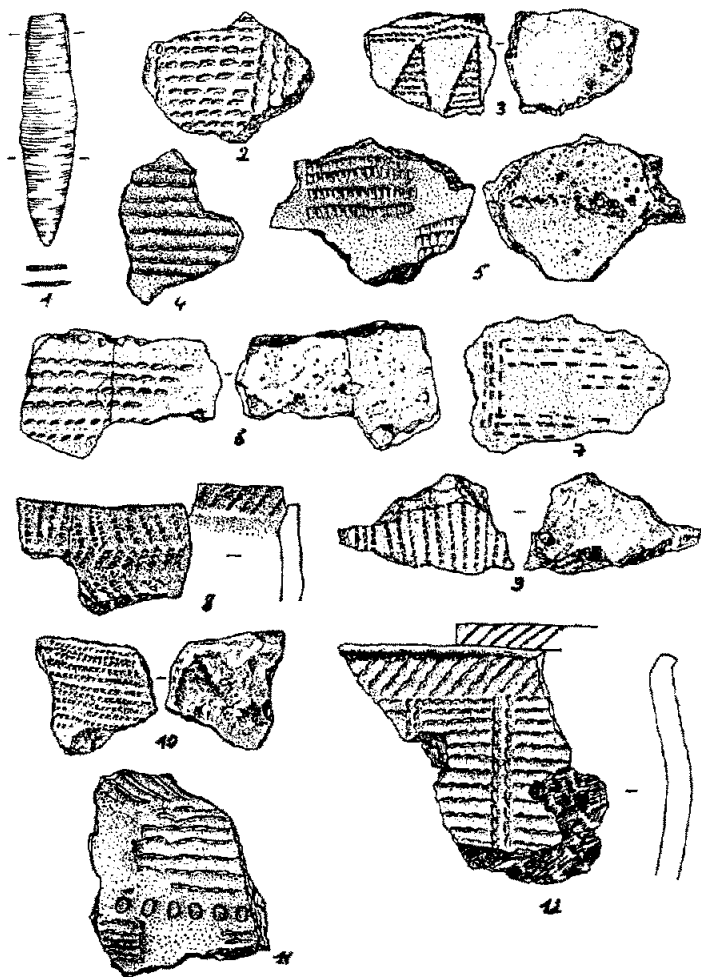

Рис. 1. Медный нож (1) и обломки сосудов-тиглей (2-12):
 1 — М. Липовый X; 2, 10 — Березки Vв;
 3, 7, 9 — Осиновый остров III;
 4, 5, 11, 12 — Березки I;
 6, 8 — Аргази VII.

тисками гребенчатого штампа. Венчик округлый, плоский или приострен. Имеющиеся фрагменты придонных частей позволяют предположить, что дно было округлым или слегка уплощенным. Верхняя часть сосудов подчеркнута косо и прямо поставленными отгисками гребенчатого штампа, либо «ложным шнуром». Получить полное представление о декоре затруднительно из-за фрагментарности сосудов. Можно лишь отметить его вертикальное или горизонтальное членение (рис. 1, 11), с сочетанием незаполненных или заполненных зон, образованных взаимопроникающими треугольниками (рис. 1, 3), рядами прямых, либо наклонных отгисков. Разделительные вертикальные или горизонтальные пояски состоят из одной или нескольких прямых, волнистых, зигзагообразных линий. Орнамент выполнен гребенчатым штампом (рис. 1, 5, 7-10), иногда «шагающей» гребенкой, прочерчиванием или «ложношнуровой» (рис. 1, 2-4, 6, 11, 12). Техника выполнения орнамента и композиция характерны для посуды липчинско-суртандинского круга, причем гребенчатая и «ложношнуровая» керамика залегают совместно, а на некоторых сосудах орнаменты, выполненные в этих техниках, даже взаимовстречаются.

Количественный спектральный анализ (табл. 1) двух капель на сосудах и ножа показал, что они медные, без каких-либо искусственных добавок и могут быть отнесены к группе зауральской меди, как и все образцы с эполеитических поселений Южного Урала.

По всей видимости, описанная здесь керамика представляет собой обломки глиняных сосудов-тиглей, в которых производилась плавка металла. Отсутствие на поселениях шлаков, руды или ее следов, мощных кострищ, позволяет предположить, что непосредственная выплавка меди производилась или в специально отведенном месте на территории поселения, или за его пределами, возможно в местах добычи руды. Выплавка меди производилась небольшими порциями в сосуде-тигле, который разбивался для извлечения остывшего металла. Такой способ считается одним из древнейших. Как отмечает Ю.С. Гришин, следы тигельной плавки обнаруживаются иногда на очень древних памятниках [9]. Размеры встречаемых там сосудов-тиглей невелики, что свидетельствует о низкой технологии получения металла. Интересно отметить, что способ получения металла в сосудах на Урале фиксируется даже в раннем железном веке, наряду с существованием высокоразвитой технологии металлургического производства [10, с. 92; 11, с. 109].

Спектральный анализ металла
энеолитических памятников Аргазинского водохранилища*

Химический состав	Предмет, поселение, шифр лаборатории		
	Нож, М. Липовый X (1912) 25575	Капля меди Осиновый о-в III (1901/205), 27925	Капля меди Осиновый о-в III (1901/58), 27926
Cu	Основа	Основа	Основа
Sn	0,002	0,03	0,015
Pb	< 0,0004	≥ 0,0008	≥ 0,0007
Zn	—	?	—
Bi	—	?	—
Ag	0,004	0,35	0,009
Sb	—	—	—
As	—	—	—
Fe	0,03	2,0	1,8
Ni	0,002	0,03	0,04
Co	—	< 0,002	< 0,002
Mn	—	—	—
Au	—	< 0,001	—

К сожалению, в большинстве случаев мы не располагаем памятниками добывающей отрасли, которые могли бы быть соотнесены с ранним этапом металлургического производства. Характеризуя группу зауральской меди, Е.Н. Черных связывает ее с месторождениями, разбросанными от Южного до Среднего Урала [5, с. 15]. Однако, идентификация медных изделий и образцов руд затруднена, а зачастую невозможна, поскольку многие месторождения полностью исчерпаны русскими промышленными разработками XIX — начала XX вв. или же сохранили следы разработок в более позднее время (бронзовый, либо ранний железный век), которые уничтожили свидетельства более древних разработок.

*Анализы выполнены в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР Е.Н. Черныхом и С.В. Кузьминых, которым, пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность.

Можно предположить, что источниками сырья для аргазинских поселений энеолитического времени были месторождения Медная гора, Березовая гора, расположенные в радиусе 40 км или Карабаша, до которых менее 20 км. По сведениям Ф.П. Доброхотова, в Кыштымском округе (Соймоновская долина) медные руды залегают в тальковой глине в спая известняка с талько-хлоритовыми сланцами и состояли из медного колчедана, малахита и самородной меди [12, с. 87]. В связи с сообщением Ф.П. Доброхотова о сопутствующей меди породе интересно отметить, что практически на всех памятниках, где найдены обломки сосудов-тиглей, обнаружены и скопления кусков талькового камня, а на некоторых памятниках как Аргазии VII и Березки 1, где более всего обломков тиглей (41 и 49 фрагментов соответственно) больше всего и скоплен тальковых кусков, хотя этому может быть и другое объяснение.

Подводя итоги, еще раз отметим, что в материалах, происходящих с археологических памятников Аргазинского водохранилища, фиксируется ранний этап металлургического производства — использование металлургически «чистой» меди, плавка сырья в сосудах-тиглях небольшого размера, бедность ассортимента медных изделий и их типологическая невыразительность. Вместе с тем, выплавка меди на Южном Урале в эпоху энеолита носила, по видимому, повсеместный характер и связана со средой кыскульско-липчинско-суртандинского населения.

Примечания

1. Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1962. — Т. 1. — С. 26.
2. Матюшин Г.Н. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья // КСИА. — 1971. — № 127. — С. 117–125.
3. Крижевская Л.Я. Поздне- и посленеолитическое время на Южном Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М., 1973. — С. 110–117.
4. Матюшин Г.Н. Стоянка Мурат на оз. Узункуль // СА. — 1965. — № 1. — С. 135–153.
5. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. — 1970. — № 172. — 180 с.
6. Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. — Л., 1977. — 137 с.
7. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. — М., 1982. — 328 с.

8. Автор приносит глубокую благодарность Л.А. Дрябиной, В.Т. Петрицу и А.Ф. Шорину за возможность использовать данные их раскопок.
9. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. — М., 1980. — 100 с.
10. Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. — Свердловск, 1963. — 92 с.
11. Крижевская Л.Я. Сосуд анавьинского времени для плавки металла // КСИИМК. — 1959. — № 77. — 109 с.
12. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний и Южный. — Пг., 1917. — 87 с.

Н.Ф. Степанова, С.В. Цыб

Погребение эпохи бронзы у с. Кара-Коба

Эпоха бронзы Горного Алтая до сих пор остается слабоизученной. Долгое время считалось, что в это время Горный Алтай вообще не был заселен или же там проживали «афанасьевцы», сохранившие свою культуру в законсервированном виде с IV—III тыс. до н.э. по I тыс. до н.э. Подобные точки зрения имели право на существование, так как памятники эпохи бронзы были неизвестны.

К настоящему времени ситуация изменилась. Известно более 20 памятников этого времени, не считая петроглифов и случайных находок (местонахождений). Картографирование показывает, что памятники найдены по всему региону: в Онгудайском районе — могильники Северное [1, 2], Каракол [3], Улита [4], в Чемальском — поселения Малый Дуган [5], Усть-Куюм [6], Сары-Бел, Тыткескень-II, III, VI [7, 8], в Усть-Канском — Денисова пещера [9], в Турочакском — поселение Лебедь-1 [10] и др. К сожалению, все раскопанные могильники находились в аварийном состоянии, что не дало возможности проследить полностью погребальный обряд, да и количество раскопанных погребений незначительно. На поселениях не удалось проследить стратиграфию. Все это затрудняет решение проблем эпохи бронзы, в особенности относительной хронологии и позволяет лишь наметить пути решения. Поскольку в ближайшие годы, вероятнее всего, крупномасштабные археологические исследования невозможны, поскольку представляют интерес все имеющиеся материалы, которые до сих пор не опубликованы и, на первый взгляд, не являются уникальными, но относятся к эпохе бронзы.

В 1979 г. раскопана оградка 4 на могильнике Кара-Коба-1 в Онгудайском районе. Могильник Кара-Коба-1 находится в 1,5 км юго-восточнее с. Кара-Коба. Расположен на правобережной террасе р. Урсул, в северной части урочища Нижний Тюмечин. Оградка

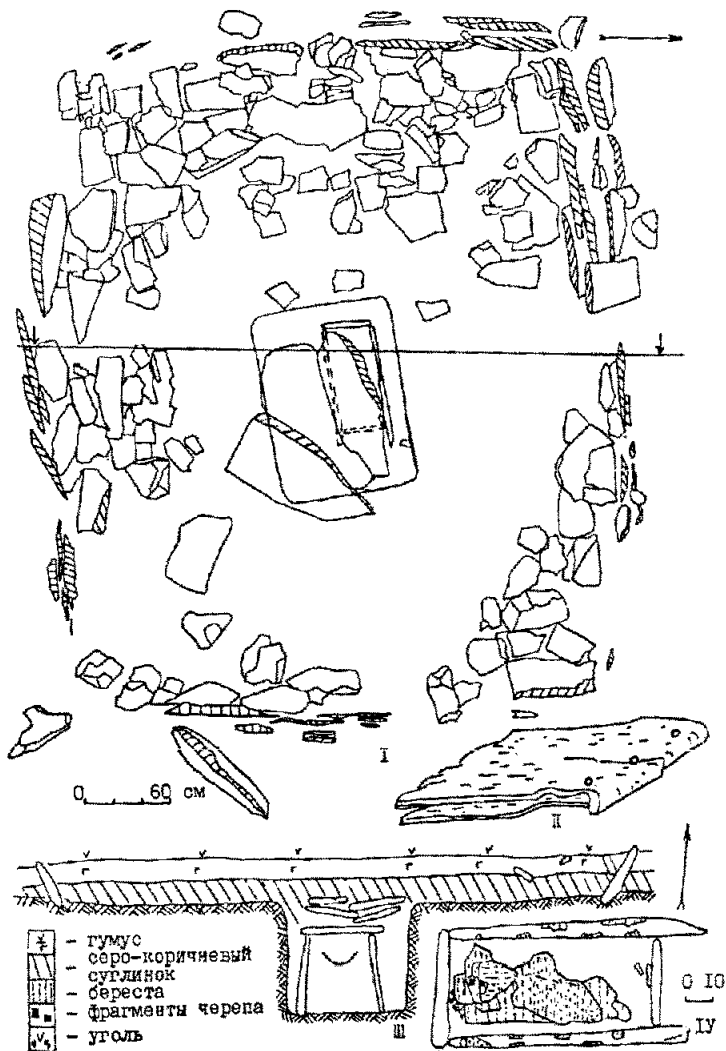

Рис. 1. Могильник Кара-Коба-1. Ограда 4.

расположена в юго-восточной части могильника, на второй надпойменной террасе р. Урсул.

Оградка прямоугольной формы из вертикально поставленных плит, размерами 5,2×4,6 м. Ориентирована с З на В. В южной и юго-западной части прослежено скопление камней (рис. 1-1). В центре ограды — могила прямоугольной формы, ориентированная с ЗЮЗ на ВСВ, размерами 1,4×1,0 м, глубиной в материке — 0,8 м. Перекрыта тремя плитами, кроме того могилу заполняли еще 4 плиты, перекрывающие ящик. Размер плит от 60×51, 75×26 см до 110×40 и 120×55 см. В могилу вшпунен ящик из четырех вертикально поставленных плит (рис. 1-III). Размеры ящика — 85×45 см, глубина по плитам — 60 см. Погребен ребенок, который был завернут в бересту. Сохранились только фрагменты черепа, по которым можно предположить, что головой он был ориентирован на ЗЮЗ. У северной и западной стенок найдены угольки (рис. 1-IV). На бересте сохранились отверстия, через которые она была прошита (рис. 1-II).

Датировать погребение можно только по погребальному обряду, так как инвентаря не найдено. Прямоугольные или квадратные ограды зафиксированы в с. Озерном на могильнике, датированном эпохой бронзы [2, с. 49]. Погребения в каменных ящиках, вшпуненных в грунтовые могилы, с использованием бересты характерны для эпохи бронзы, в том числе для могильника Озерное [1, с. 80-84; 2, с. 49-50]. В тоже время для раннескифских памятников характерны каменные ящики, сооруженные на древней дневной поверхности или слегка заглубленные в материк и не отмечено использование бересты, надмогильные сооружения представляют собой насыпи из камней, а не ограды из вертикально поставленных плит [11, с. 80; 12, с. 49; 13, 14]. Отличается оградка 4 из Кара-Кобы-1 по погребальному обряду и от памятников кара-кобинской группы по надмогильным конструкциям и тем, что каменные ящики у кара-кобинцев вшпунены в глубокие грунтовые могилы — от 1,4 м в материке и более [15, 16, 17]. Поскольку аналогии известны только среди памятников эпохи бронзы и датировать ее можно эпохой бронзы.

Примечания

1. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1979. — С. 80-84.

2. Кубарев В.Д., Соенов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в с. Озерное // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 49–51.
3. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. — Новосибирск, 1988. — 172 с.
4. Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к всесоюзной научной конф. Барнаул, 1991. — С. 57–59.
5. Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган — памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. — Барнаул, 1990. — С. 73–86.
6. Кунгурова Н.Ю. Новая стоянка на р. Куюм // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). — Барнаул, 1990. — С. 34–35.
7. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинина Е.В., Кирюшин К.Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катуня // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 39–40.
8. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескенъ-6 на Катуня // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. — С. 111–123.
9. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Ч. 1. — Новосибирск, 1994. — 261 с.
10. Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь-1 в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 18–23.
11. Степанова Н.Ф. Куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). — Барнаул, 1986. — С. 79–81.
12. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 35–67.
13. Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. — Барнаул, 1994. — С. 37–43.
14. Тишкин А.А., Харченко Т.В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). — Барнаул, 1990. — С. 67–70.

15. Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-1 // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. — Горно-Алтайск, 1983. — С. 42-52.
16. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. — Горно-Алтайск, 1983. — С. 52-89.
17. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа // Проблемы хронологии и культурного разграничения. — Горно-Алтайск, 1988. — 215 с.

В.В. Бобров

Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлево 1

В 1986–1987 гг. отряд Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета проводил реконсцировочные и стационарные исследования в зоне строительства опытно-промышленного утлепровода Белово—Новосибирск в окрестностях д. Журавлево Промышленновского района Кемеровской области. Географически этот микрорайон локализуется в западной части Кузнецкой котловины и приурочен к контактной ландшафтной зоне лесостепи и предгорной тайги. Здесь расположена северная периферия Салаирского кряжа, который ограничивает котловину с юго-запада и к которому примыкает озеро Танай. Северный берег его — открытые беслесные пространства, южный — горнотаежный. По берегам озера и террасам невдалеке от него открыто 18 археологических памятников, из них 11 курганных могильников, которые расположены вдоль северного берега и тянутся цепочкой далее на восток на протяжении четырех километров. В зону строительства попадали могильники Танай I, Танай II, Журавлево 1, Журавлево 5. Обращает на себя внимание насыщенность микрорайона археологическими объектами, что требует научного объяснения, которое возможно после планомерных полевых исследований. Первые раскопки, хотя и охранный характер, на западе Кузнецкой котловины в предгорной зоне трудно переоценить.

Курганный могильник Журавлево 1 расположен в двух километрах к юго-востоку от д. Журавлево, слева от автодороги республиканского значения Ленинск—Кузнецкий—Новосибирск. Местонахождение памятника связано с древней террасой, возвышающейся над согрой на два метра. Могильник занимает обширную площадь. Три кургана расположены цепочкой по линии запад-восток в непосредственной близости от дороги, один курган — на склоне чашеобразной промоины и четыре — на противоположном южном участке за ней,

которые образовывали один ряд. В зону строительства попадало пять курганов.

Курган 1 расположен около промоины, на склоне. На современной поверхности он выделялся незначительной круглой в плане всхолмленностью. Диаметр кургана — 14 м, высота — 0,3 м.

В двух метрах к западу от центра кургана, почти на уровне материка, были расчищены хаотично лежавшие кости скелета взрослого человека. Часть костей в обломках, многие отсутствовали. Соответственно установить характер погребения невозможно.

Курган 2 расположен на противоположной стороне оврага и представлял собой небольшой, едва выраженный холмик, высотой 0,25 м. В плане он круглой формы, диаметром 7 м (рис. 1). В центре кургана на уровне материка расчищены остатки двух погребений, располагавшихся в ряд по линии запад-восток с незначительными отклонениями.

Могила 1 находилась в полутора метрах к западу от центра кургана. Здесь на материковом уровне обнаружены: обломок бедренной кости, плечевая и две локтевые кости, фрагмент черепа подростка, около которого стоял небольших размеров сосуд (рис. 3,1,2). По расположению костей можно предположить, что захоронение произведено на правом боку, скорченно, головой на юго-запад. Возле локтевых костей найдены обломки бронзового кольца (рис. 9,4,5).

Могила 2 располагалась в центре кургана. На небольшом участке были расчищены лежавшие в анатомическом порядке кости скелета взрослого человека. Только череп находился в 1,8 м к юго-востоку от них, а кости рук отсутствовали. Судя по сохранившимся костям скелета, захоронение произведено в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Сопроводительных вещей нет (рис. 3,3).

Курган 3 расположен в пяти метрах к востоку от вышеописанного и представлял собой круглую в плане всхолмленность, едва заметную на поверхности. Диаметр 14 м, высота 0,3 м. В кургане обнаружены две могилы, образующие ряд по линии северо-запад и две пары ям — в его западной и северной частях (рис. 2).

Могила 1 находилась на расстоянии 2,8 м к юго-востоку от центра кургана. На древней поверхности (0,18 м выше уровня материка) была сооружена деревянная рама, от которой сохранились остатки северо-западного и юго-западного бревен. Вероятные размеры рамы 1,7×0,9 м. Внутри нее в анатомическом порядке лежали кости скелета человека. Он был погребен скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Степень скорченности сильная (рис. 3,4).

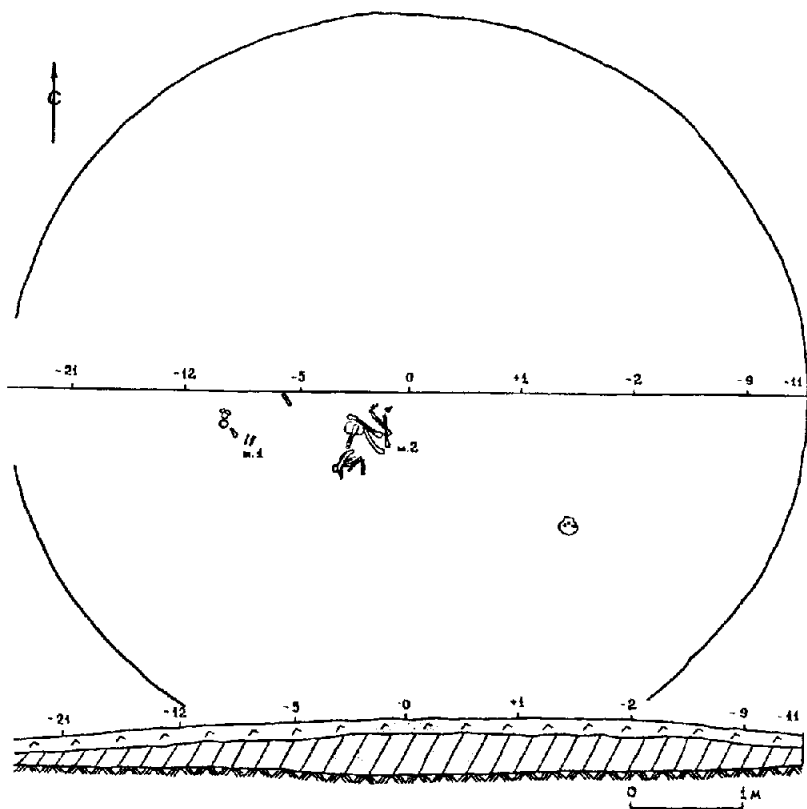

Рис. I План и профиль кургана 2

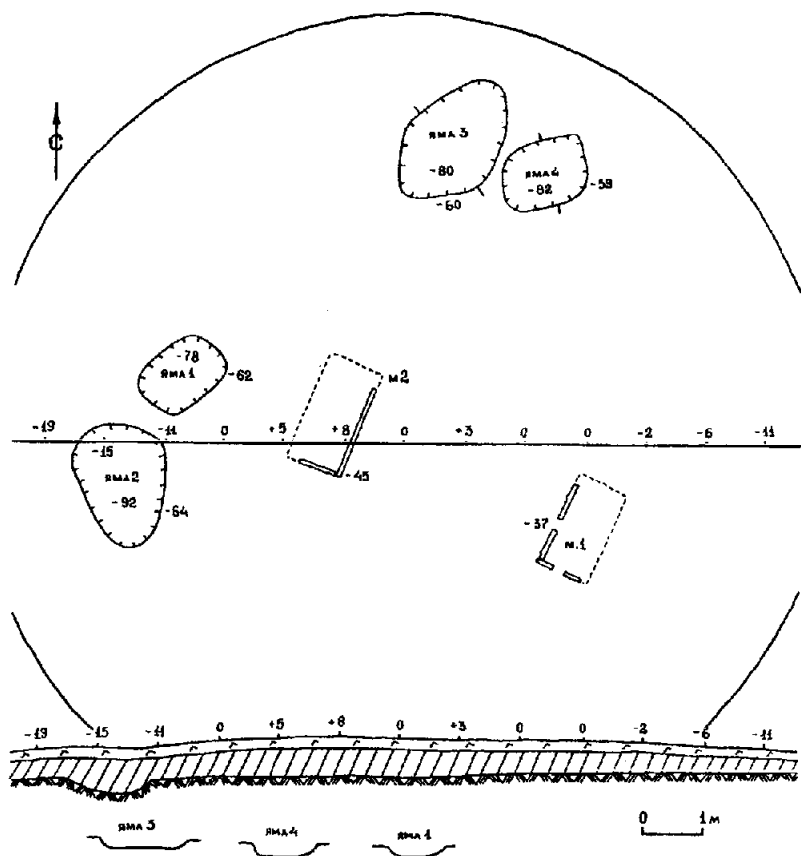

Рис.2 План и профиль кургана 3

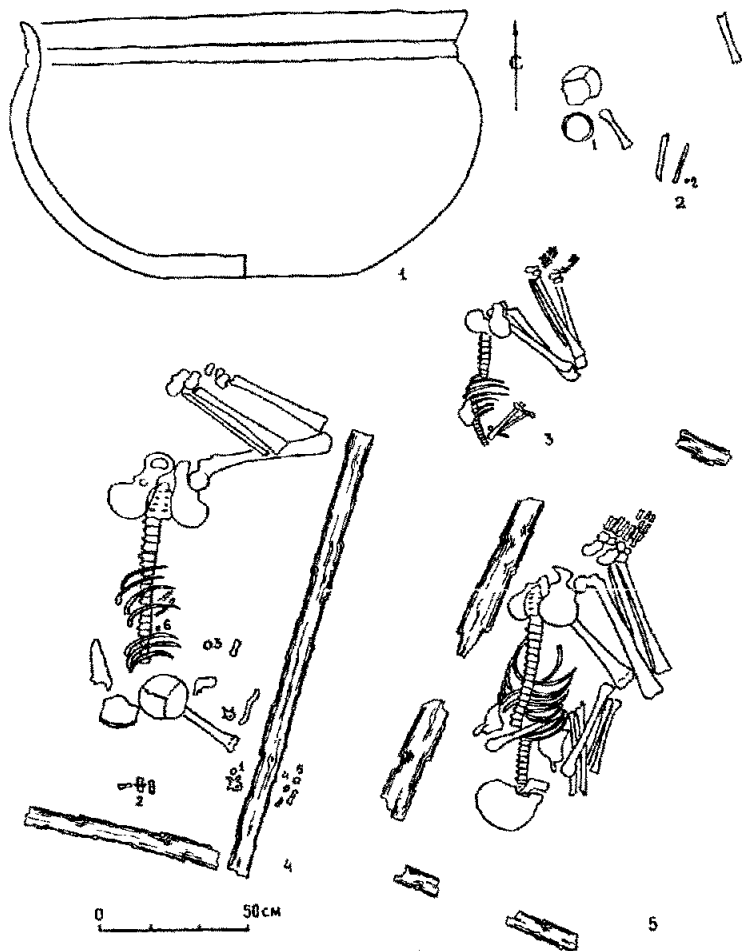

Рис.3 1 - осуд из могилы 1 кургана 2;
 планы могил: 2 - могила 1 кургана 2; 3 - мо-
 гила 2 кургана 2; 4 - могила 1 кургана 3;
 5 - могила 2 кургана 3

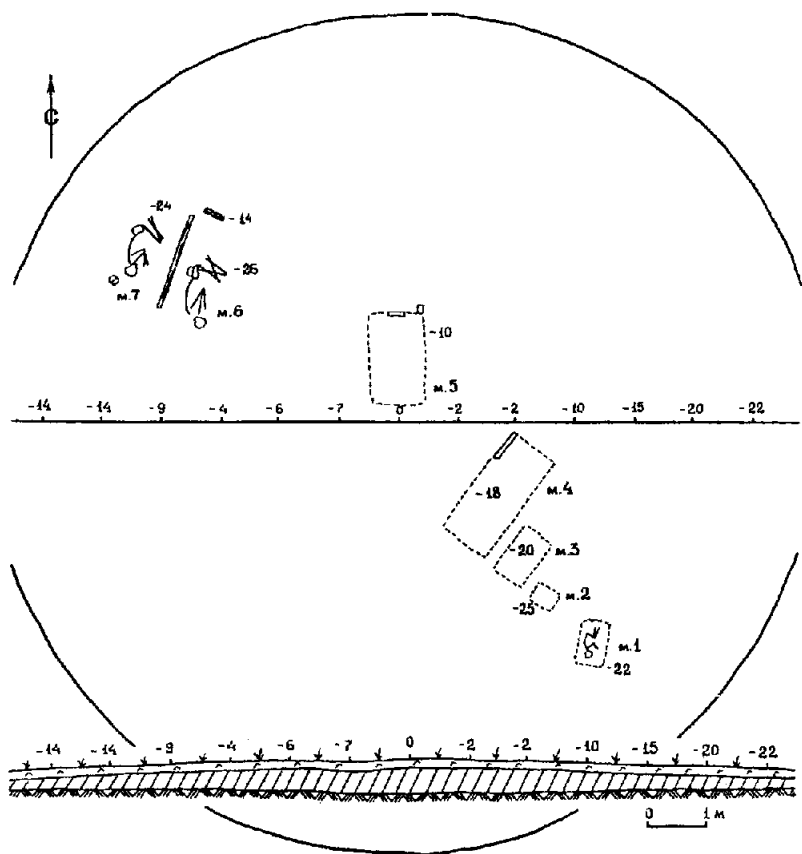

Рис.4 План и профиль кургана 4

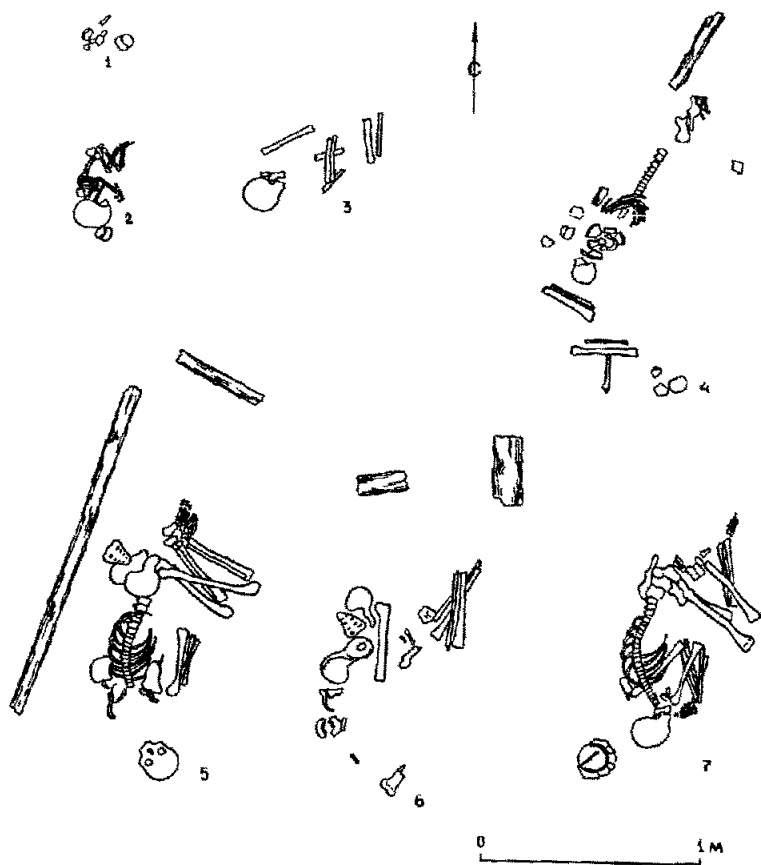

Рис.5 Планы могил кургана 4: 1 - могила 2;
 2 - могила 1; 3 - могила 3; 4 - могила
 4; 5 - могила 6; 6 - могила 5; 7 - мо-
 гила 7

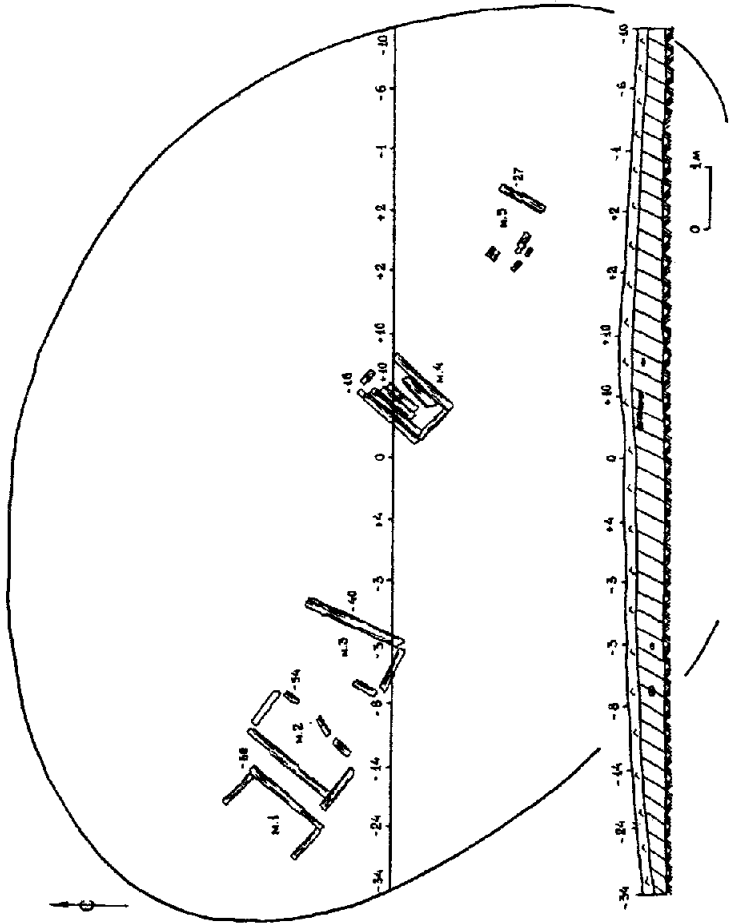

Рис.6 План и профиль кургана 5

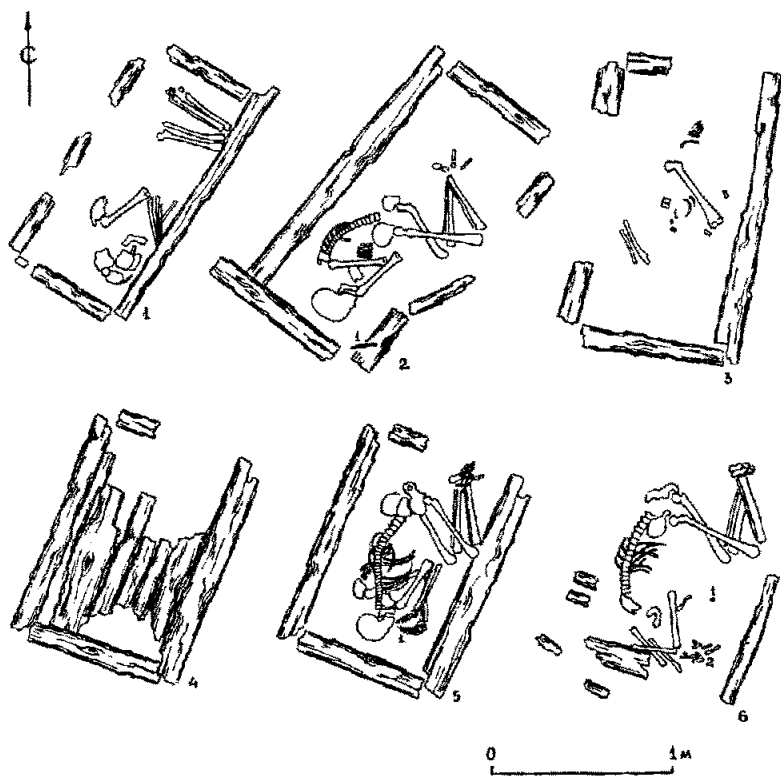

Рис.7 Планы могил кургана 5: 1 - могила 1;
 2 - могила 2; 3 - могила 3;
 4,5 - могила 4; 6 - могила 5

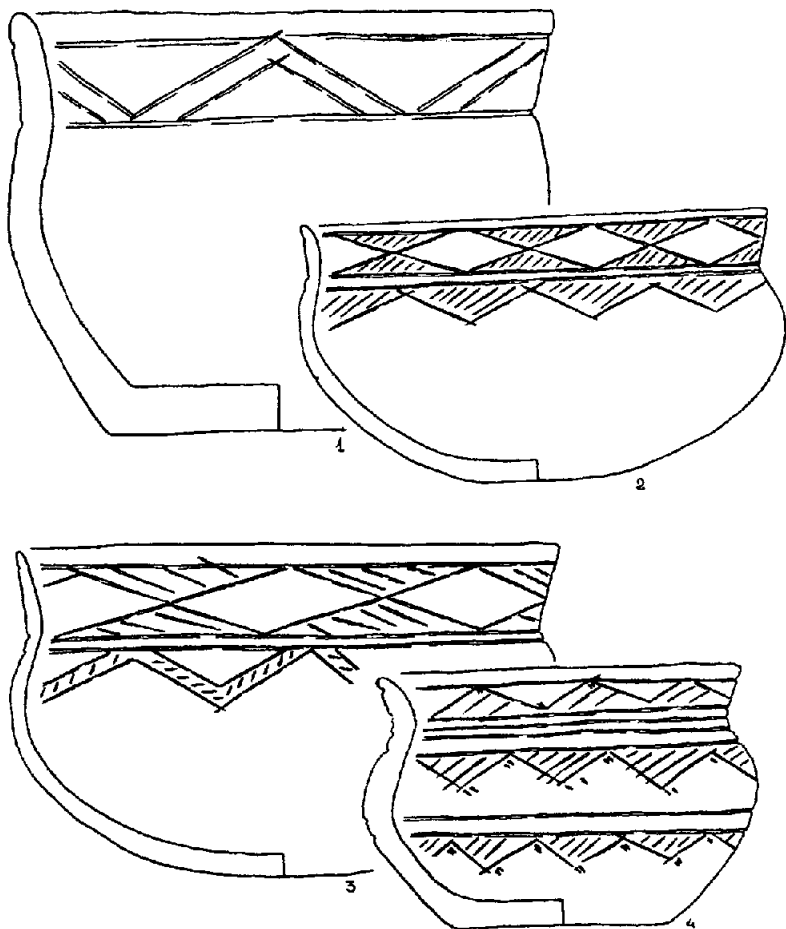

Рис.8 Сосуды из погребений кургана 4:
 1 - МОГИЛА 2; 2 - МОГИЛА 4;
 3 - МОГИЛА 7; 4 - МОГИЛА I

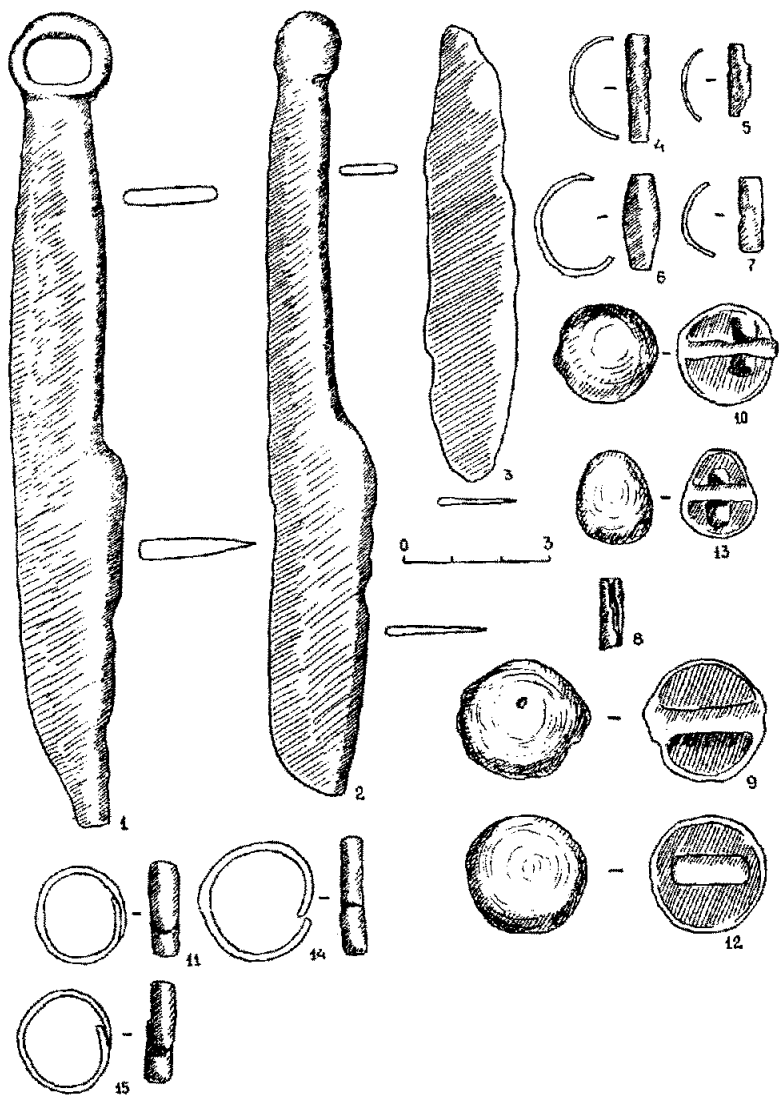

Рис. 9 Бронзовый инвентарь
 из погребений Куравлево I

Могила 2 расположена в центре кургана. Захоронение произведено выше уровня материка на 0,12 м в деревянной раме, от которой сохранились остатки юго-восточного и юго-западного бревен. Предполагаемые ее размеры 1,8×0,9 м. Внутри рамы расчищены кости скелета взрослого человека. Верхняя часть скелета нарушена: некоторые кости отсутствовали, сохранившиеся разбросаны и лежали на разной глубине. Позвоночник и кости нижней части скелета находились в первоначальном положении. Они свидетельствуют, что погребение совершено скорченно, на правом боку, головой на юго-запад (рис. 3,5). С погребенным были найдены три бронзовых кольца, лежавших среди костей в разрушенной части скелета (рис. 9,6,7,11,14). Еще одно кольцо и бронзовая пуговица обнаружены с внешней стороны рамы вместе с двумя фалангами пальцев рук (рис. 9,9,15). Около ребер лежала пронизка, а возле юго-западного бревна рамы — обломок ножа (рис. 9,8,3).

Мы уже отмечали о месторасположении ям в кургане. Все ямы имели в плане неправильную форму, пологие стенки и ровное дно. Размеры их: первой — 1×1,4 м, глубина 0,17 м; второй — 2×1,4 м, глубина 0,28 м; третьей — 2,3×1,5 м, глубина 0,19 м; четвертой — 1,4×1,1 м, глубина 0,23 м. Находок в яме не было.

Курган 4 расположен в восьми метрах к востоку от кургана 3. Это круглое в плане незначительное возвышение с пологими склонами. Диаметр — 14 м, высота — 0,3 м. В кургане, видимо, на уровне древней поверхности, обнаружено семь погребений, расположенных в ряд, который ориентирован по линии северо-запад — юго-восток (рис. 4).

Могила 1 находилась в начале ряда с юго-востока. Выше уровня материка на 0,1 м были расчищены лежавшие в анатомическом порядке кости скелета ребенка. Захоронение произведено в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Около черепа стоял плоскодонный сосуд горшковидной формы, орнаментированный резной техникой (рис. 5,2). По венчику помещен ряд заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вверх, а по тулову два пояса треугольников, но обращенных вершинами вниз (рис. 8,4).

Могила 2 находилась в 0,8 м от вышеописанной. Здесь немногим выше материка лежали обломки черепа и плечевая кость младенца. Около них стоял плоскодонный сосуд с орнаментом по венчику в виде двойного зигзага (рис. 5,1; 8,1).

Могила 3 располагалась в полуметре от могилы 2. На 0,12 м выше уровня материка лежали череп, длинные кости рук и берцовые кости ноги, остальных не было. Возможно, перед нами факт

вторичного захоронения, которое соответствовало погребению в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Предметов не найдено (рис. 5,3).

Могила 4 залегала выше уровня материка на 0,2 м, в 0,4 м от третьей могилы. Здесь на небольшой площади были расчищены кости неполного скелета человека. В юго-западной части находились берцовые кости ноги, длинные кости рук и обломки черепа. Северо-восточнее их располагались остатки черепа и раздавленный сосуд, украшенный резной техникой (рис. 8,2). Около сосуда лежали ребра и часть позвоночного столба в сочленении, а к северо-востоку от них обнаружены обломки тазовых костей, возле которых найден кусок бревна. Погребение явно нарушено. Однако можно полагать, что захоронение было произведено на правом боку, скорченно, головой на юго-запад (рис. 5,4).

Могила 5 находилась в центре кургана. Выше уровня материка на 0,23 м, на участке 1,7×0,8 м, в беспорядке лежала часть костей скелета взрослого человека. Все же некоторая связь в их расположении позволяет предполагать захоронение в скорченном виде, на правом боку, головой на юго-запад. Около костей были найдены два небольших кусочка дерева. Не исключено, что погребенный был внутри деревянной рамы (рис. 5,6). Вещей нет.

Могила 6 расположена в четырех метрах к северо-западу от центра кургана. На 0,1 м выше уровня материка были расчищены кости скелета, лежавшие в анатомическом порядке, и остатки деревянной рамы, от которой сохранились северо-западное и северо-восточное бревна. Погребенный был захоронен в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Вещей нет (рис. 5,5).

Могила 7 расположена вплотную с северо-запада к вышеописанной.

Складывается впечатление, что бревно рамы шестой могилы разделяет два погребения. Расчищенные кости скелета находились на том же уровне. Скелет сохранил анатомический порядок. На этом основании можно установить, что погребенный был сильно скорчен и положен на правый бок, головой на юг. Около лобной кости черепа лежала бронзовая бляшка-пуговица (рис. 9,10), а у теменной — очень плохой сохранности сосуд (рис. 8,3), внутри которого находился бронзовый нож (рис. 9,2).

Курган 5 представлял собой овальную в плане всхолмленность хорошо выраженную с западной стороны. Курган вытянут по линии северо-запад-юго-восток. Размеры 16×11 м, высота 0,35 м. В курган на разных уровнях было обнаружено 5 захоронений, которые распо-

гались в ряд по линии наибольшей протяженности кургана. Все могилы имели деревянные конструкции различной степени сохранности.

Могила 1 — первая с северо-запада в ряду могил. На уровне 0,15 м выше материка была сооружена деревянная рама, углами ориентированная по сторонам света. Размеры 1,6×0,8 м. Внутри сооружения лежали раздавленный череп и в анатомическом порядке длинные кости рук и ног. Остальные кости скелета отсутствовали. Однако можно утверждать, что погребение совершено скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Вещей нет (рис. 7,1).

Могила 2 расположена в тридцати сантиметрах к юго-востоку от первой и на том же уровне. Могила представляла собой сложенную из бревен раму размерами 1,8×1,0 м. Внутри нее в анатомическом порядке лежали кости скелета взрослого человека. Не было только локтевых костей и кистей. Погребенный был положен скорченно на правом боку, головой на юго-запад (рис. 7,2). В южном углу рамы найден бронзовый нож с кольцевым навершием (рис. 9,1).

Могила 3 представляла собой деревянную раму, остатки которой расчищены на уровне 0,15 м выше материка. Она длинными сторонами ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Размеры ее 1,7×1,0 м. Внутри рамы, в центральной части, лежала лучевая кость левой руки, две фаланги, два позвонка; обломки двух ребер, бедренная кость правой ноги и кости стопы (рис. 7,3). Между костей найдена бронзовая бляшка-пуговица (рис. 9,12). Можно только полагать, что погребенный лежал скорченно, на правом боку, головой на юго-запад.

Могила 4 в виде деревянной рамы была сооружена выше остальных могил — 0,3 м над уровнем материка. Рама прямоугольной формы, сложена из четырех бревен встык и сверху покрыта положенными продольно шестью горбылями. Одна треть покрытия в северо-восточной части сооружения не сохранилась. Размеры рамы 1,4×1,0 м. Углами она ориентирована по сторонам света (рис. 7,4). Под покрытием внутри рамы лежали кости скелета взрослого мужчины, сохранившие анатомический порядок. Умерший был погребен в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад (рис. 7,5). На фаланге пальца левой руки было бронзовое кольцо.

Могила 5 — последняя в ряду могил. Захоронение было произведено на уровне 0,2 м выше материка. Могила представляла собой деревянное сооружение, сохранность которого очень плохая. С юго-востока от скелета и параллельно ему лежали остатки бревна длиной 0,8 м, которое могло являться стороной рамы. Перпендикулярно ему, в 0,4–0,9 м к северо-западу, находились пять

обломков дерева, возможно, связанных с поперечным покрытием. Все же о конструкции судить невозможно. Растащенные на этом участке кости скелета сохранили анатомический порядок. Потревоженной была только верхняя часть: в беспорядке лежали длинные кости рук, череп отсутствовал. Можно констатировать, что умерший был погребен в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад (рис. 7,6). Из вещей в могиле найдены: бронзовое кольцо на фаланге пальца и бронзовая бляшка, находившаяся недалеко от коленного сустава (рис. 9,13).

В исследованных курганах могильника Журавлево 1 выделяют два типа могильных сооружений: погребения в деревянных рамах и грунтовые. Количественное соотношение их таково: грунтовых — 7, деревянных рам — 10, из которых два случая более чем сомнительные. Наличие около погребения одного-двух мелких фрагментов дерева еще не повод для целостной реконструкции. Не исключено, что в некоторых случаях мы фиксируем лишь факт необходимости присутствия с погребенным дерева, которое могло быть положено как при сооружении рамы и которое несло какую-то иную функциональную или смысловую нагрузку. При этом могли существовать комбинированные сооружения, когда одна или две стороны были дерновыми, а остальные из бревен. Показателен в этом отношении пример погребений 6 и 7 кургана 4, которые разделяло бревно. Если определять погребения в деревянных рамах хотя бы по остаткам трех сторон, то количество сооружений этого типа в составе могильника сократится до пяти. Погребения с грунтовыми сооружениями располагались на уровне древней поверхности. В деревянных рамах, на таком же уровне, за исключением одного случая (курган 5, могила 3), когда рама и погребение не только то, что рама была сделана из более толстых бревен, но и то, что это единственное сооружение в могильнике с плотным покрытием.

Таким образом, как по характеру надмогильных сооружений, так и по количественному соотношению разных типов, могильник Журавлево 1 практически не отличается от других подобных на мятников ирменской культуры Кузнецкой котловины. Отличительной чертой можно считать отсутствие камня в могильных сооружениях, который как строительный материал не часто, но использовался населением, оставившим могильники Иваново-Родионово, Пьяново [1], Титово [2, с. 50]. Каменные ящики составляют локальную особенность ирменской культуры в пределах Кузнецкой котловины.

Захоронения во всех могилах произведены в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад (у трех погребенны

ориентация на юго-юго-запад). Эта погребальная обрядовая черта также свойственна ирменской культуре. Какой-либо закономерности между типом надмогильного сооружения и степенью скорченности, как это было установлено для Титовского могильника [3, с. 58], здесь не наблюдалось. Возможно, недостаточна серия для ее выявления. Также нет возможности установить связь между типом надмогильного сооружения и бронзовым сопроводительным инвентарем. Скорее всего, эта связь определена половозрастной и социальной традицией. Посуда же была найдена только в грунтовых могилах. Не исключено, что это особенность данного памятника ирменской культуры. Причем сосуды ставили как взрослым, так и детям. Очень редко они находились в погребениях мужчин, а в женских захоронениях являлось необходимым предметом сопроводительного инвентаря.

Бронзовый инвентарь представлен украшениями — кольцами, бляшками, пронизкой и ножами. Украшения представленных типов имеют широкое распространение. Они характерны для ирменской культуры, а также известны в памятниках ряда других культур эпохи бронзы на территории Западной Сибири [1, рис. 4; 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Ножи более специфичная категория археологических материалов, которая является одной из составных частей, определяющих хронологический и культурный облик памятника. Нож из могилы 2 кургана 5 — с кольцевым навершием, прямым обушком и выделенной уступом от лезвия рукоятью. Жало обломано, но ясно, что оно было острым и оформлено изменением под тупым углом линии обушка. Рукоять в средней части имеет незначительное плавное расширение. Этот экземпляр является одной из первых находок такого типа ножей в ирменских памятниках. Ближкие ему формы известны среди случайных находок [3, рис. 13-1], а также в памятниках еловской культуры [5, рис. 56-2,3]. Особенно близок журавлевскому ножу по форме и навершию негатив ножа литейной формы из Еловского поселения [5, рис. 60-2,7]. В целом следует отметить, что пластинчатые ножи с кольцевым навершием появляются на территории евразийских степей в переходную эпоху к поздней бронзе и продолжали существовать в последующее время. Другой нож, отлитый в односторонней литейной форме, иного типа. У него лезвие широкое, рукоять узкая с округлым плоским навершием. Конец лезвия тупой и имеет близкую к вальной форму. Нож с аналогичным навершием найден в Еловском Втором могильнике (к. 18, м. 2) в погребении, которое относится к ирменской культуре [3, рис. 88-5]. По форме лезвия нож из могильника Журавлево 1 аналогичен ножам еловской культуры

и из памятников поздней бронзы Восточного и Центрального Казахстана [9]. Таким образом, ножи, найденные в курганах 4 и 5, позволяют датировать могильник Журавлево 1 в пределах первой трети I тыс. до н.э., что согласуется с общепринятой широкой хронологией культуры в целом.

Сосуды по форме и орнаментации типичны для ирменской культуры. Два сосуда круглодонные и один с уплощенным дном. Такое соотношение формы посуды в одном памятнике является характерной особенностью культуры на территории Кузнецкой котловины, где более 50% сосудов круглодонные [9, 10]. Орнамент выполнен резной техникой. Он помещен в верхней части сосуда и соответствует зонам — венчику и плечикам, только в одном случае украшено тулово. На круглодонных сосудах венчик орнаментирован заштрихованными треугольниками, соединенными вершинами. Орнаментальный пояс ограничен горизонтальными бороздками. Также бороздкой отделен пояс на плечиках от шейки. На одном сосуде эта зона орнаментирована заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз, на другом — зигзагом, выполненным лестничным мотивом. Плоскодонные сосуды значительно отличаются декоративными схемами. На сосуде из кургана 4 могилы 2 украшен только венчик. Композиция довольно проста — между двумя горизонтальными бороздками помещен двойной зигзаг (его можно рассматривать как вписанные треугольники). Этот орнаментальный мотив очень редко встречается в зоне венчика, а среди керамических материалов эпохи поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья зафиксирован впервые. Другой сосуд маленький, со сложной декоративной схемой. Венчик украшен рядом заштрихованных треугольников, обращенных вершиной вверх. Орнаментальный пояс обрамлен бороздками. По шейке навесены еще две бороздки. Плечики и тулово сосуда украшены рядами заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз. По вершинам треугольников помещены наколы. Подобная орнаментация также типична для ирменской культуры. На сосуде из кургана 2 орнамент представлен двумя горизонтальными бороздками в зоне шейки. Посуде из могильника Журавлево 1 и ее декоративной схеме можно привести довольно большой список аналогов из памятников эпохи поздней бронзы лесостепных районов Западной Сибири. Приведенное описание и рисунки материалов вряд ли могут вызвать сомнения в достоверности культурной принадлежности.

Анализ погребальных сооружений, формы посуды, ее орнаментации, набора бронзовых предметов, который представляет собой устойчивый комплекс, позволяет определить место могильника Жу-

равлево 1 среди других памятников ирменской культуры на территории ее ареала. Большая связь устанавливается с памятниками Кузнецкой котловины. При этом описанный памятник имеет отличительные особенности, которые заключаются в отсутствии камня для сооружения могильных конструкций, в типах ножей, не встречающихся в других погребальных памятниках котловины. Не исключено, что одним из аспектов подобных отличий может быть хронологический.

Примечания

1. Мартынов А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Сибирский археологический сборник. — Новосибирск, 1966. — С. 168–174.
2. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник / К вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 47–62.
3. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). — Ч.4. — Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. — Томск, 1974. — Вып. 12 (приложение). — Рис. 32–5, 7, 8; 67–2; 72; 89.
4. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск, 1985. — Рис. 63–9, 10, 17–26.
5. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981. — Рис. 59–7, 8, 9, 10, 11, 16, 21, с. 179.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 129, 131.
7. Комарова М.Н. Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. — Рис. 2–13–16, 23, 24, 26.
8. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. — М., 1972. — Табл. 34–13,15; 37–36; 39–7.
9. Маргулан А.Х. Бегазы-даңдыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979. Приложение, табл. 1–2, 4, 6, 7, 12, 13.
10. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. — Новосибирск, 1981. — С. 131–132.
11. Бобров В.В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. — Кемерово, 1985. — С. 29.

О.И. Горюнова

Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья

Период позднего бронзового века на территории Прибайкалья* выделен А.П. Окладниковым на материалах Шиверского могильника на р. Ангаре, в комплексе которого найдено медное втульчатое изделие в виде изображения змея [1; 2 с. 125]. По названию могильника этап получил наименование «шиверский». Время его существования определено XIII–IX вв. до н.э. В виду малого количества инвентаря, этот период остался слабо охарактеризован. Раскопки А.П. Окладникова [3] и М.М. Герасимова [4] на могильнике Фофаново в западном Забайкалье добавили материалы единичных захоронений к общим сведениям по позднему бронзовому веку Прибайкалья. Тем не менее до начала 70-х гг. фактологическая база практически не пополнилась. Раскопки Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета, проводимые с начала 70-х гг. на многослойных поселениях и могильниках Прибайкалья, позволили выделить новые памятники, сопоставимые с карасукским временем [5, 6, 7, 8, 9]. Их комплексы характеризуют, в основном, два признака: сохранение каменного и костяного инвентаря глазковского облика, а в металлообработке — изготовление изделий карасукских типов.

В настоящее время на территории Прибайкалья выделяется несколько локальных групп, датируемых поздним бронзовым веком [10, 11]: собственно шиверская, шумилихинская, мухорская, фофановская и северобайкальская (рис. 1).

Шиверская группа представлена 12 погребениями одноименного могильника, исследованного А.П. Окладниковым [12]. Захоро

---

*Под Прибайкальем понимается территория верхнего течения рр. Ангары и Лены, западного побережья оз. Байкал и нижнего течения р. Селенги [1; 2, с. 9].

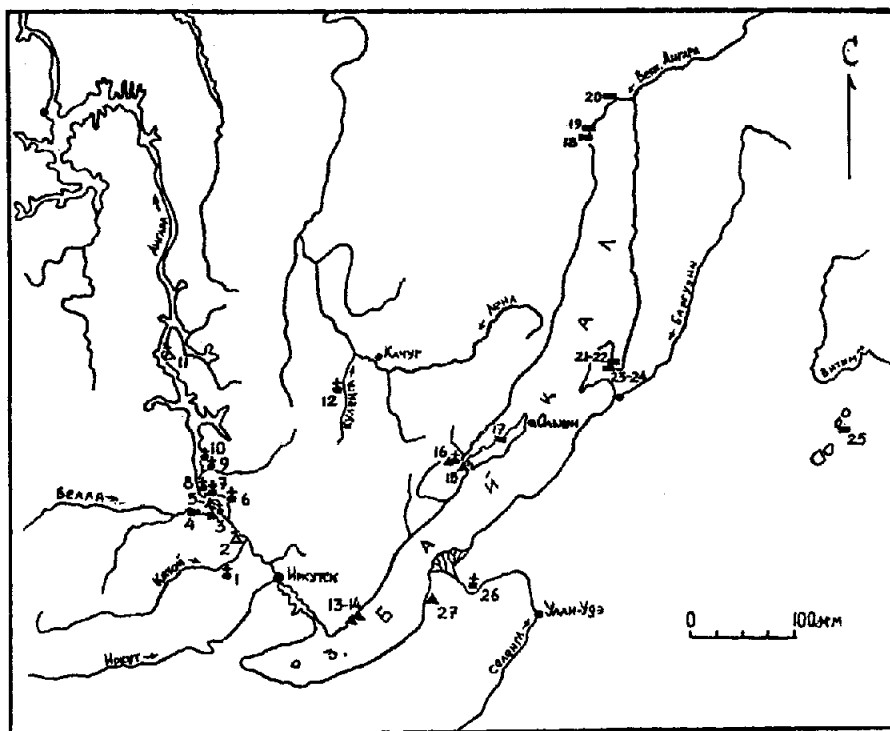

Рис. 1. Карта расположения основных памятников позднего бронзового века Прибайкалья (▲ — погребения шиверской группы; 2 — Идап, 11 — Шиверский могильник; ▲ — поселения мухорской группы: 5 — Усть-Белая, 13 — Обухенка, 14 — Мал. Сенная, 15 — Улан-Хада, 16 — Улярба, 27 — Посольская, ▲ — погребения мухорской группы: 3 — Шумилиха; ● — погребения шумилихинской группы: 1 — Ода, 3 — Шумилиха, 5 — Усть-Белая, 6 — Пономарево, 7 — Лесковка, 8 — Частая, 9 — Усть-Ида, 10 — Городище, 12 — Обхой, 16 — Шидэ I и Улярба; ■ — поселения северобайкальской группы: 4 — Горелый лес, 17 — Шаманский мыс (Шаманка), 18 — Богучанская, 19 — Байкальское, 20 — Лысая Сопка, 21 — Окуеная 4, 22 — Окуеная 3, 23 — Катунь 1, 24 — Соропсыя, 25 — Харга I.

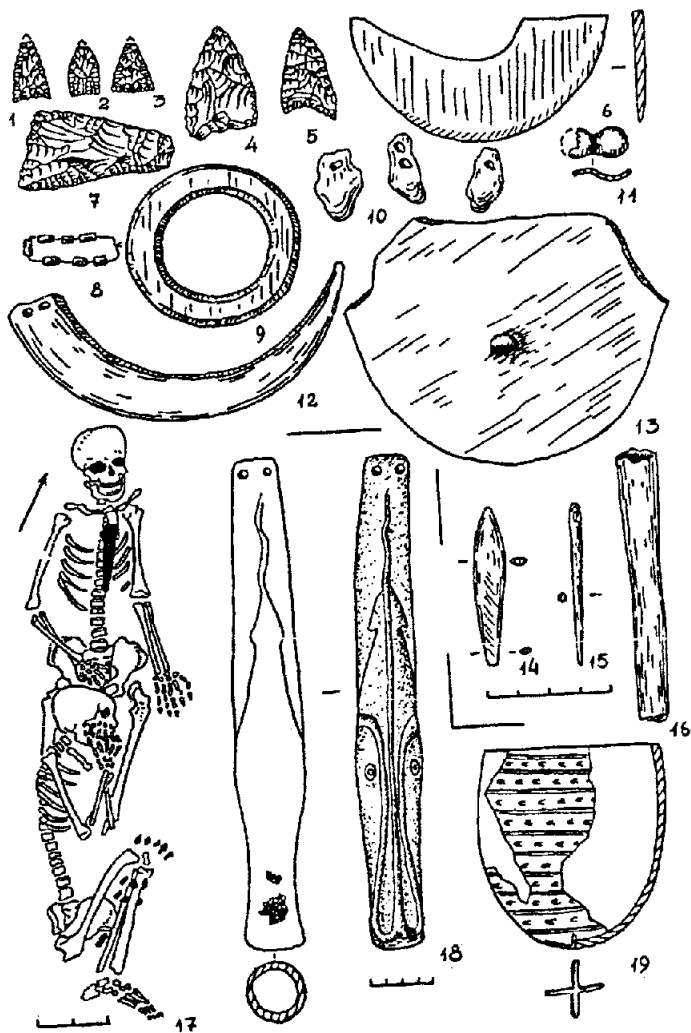

Рис. 2. Комплексы шиверской группы
 (1-10, 12, 14-19 — Шиверский могильник № 1, 5-8;
 11, 13 — Идан № 1-2).

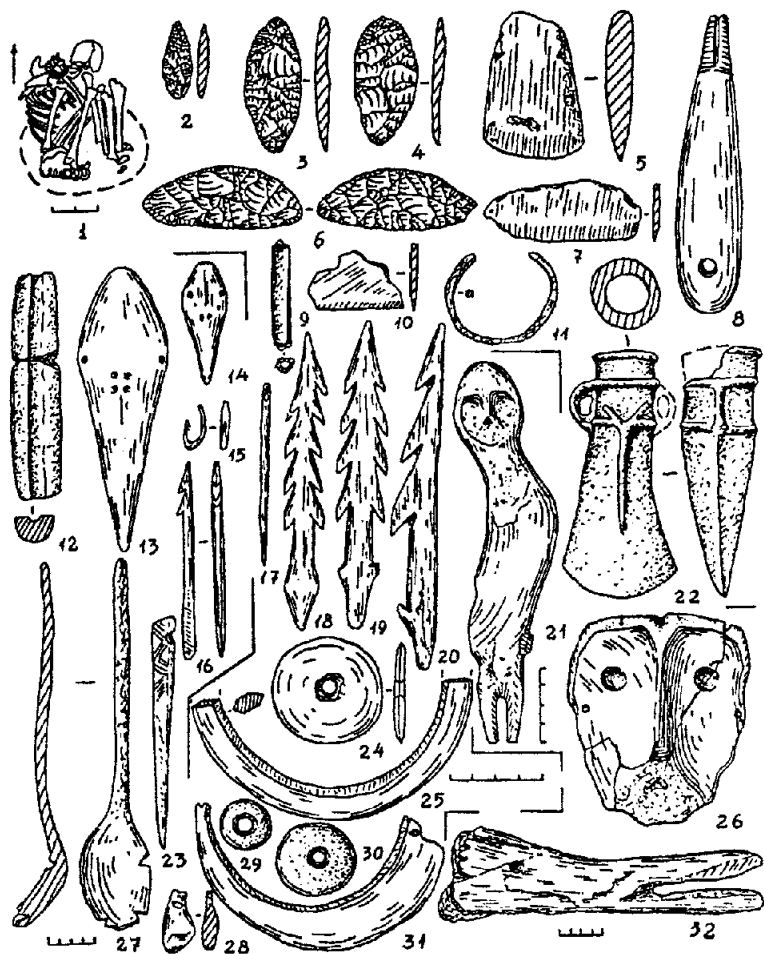

Рис. 3. Комплексы шумилихинской группы:
 (1-32 — Шумилиха №№ 9, 14, 19, 25, 29
 31-33, 37-38, 43, 45).

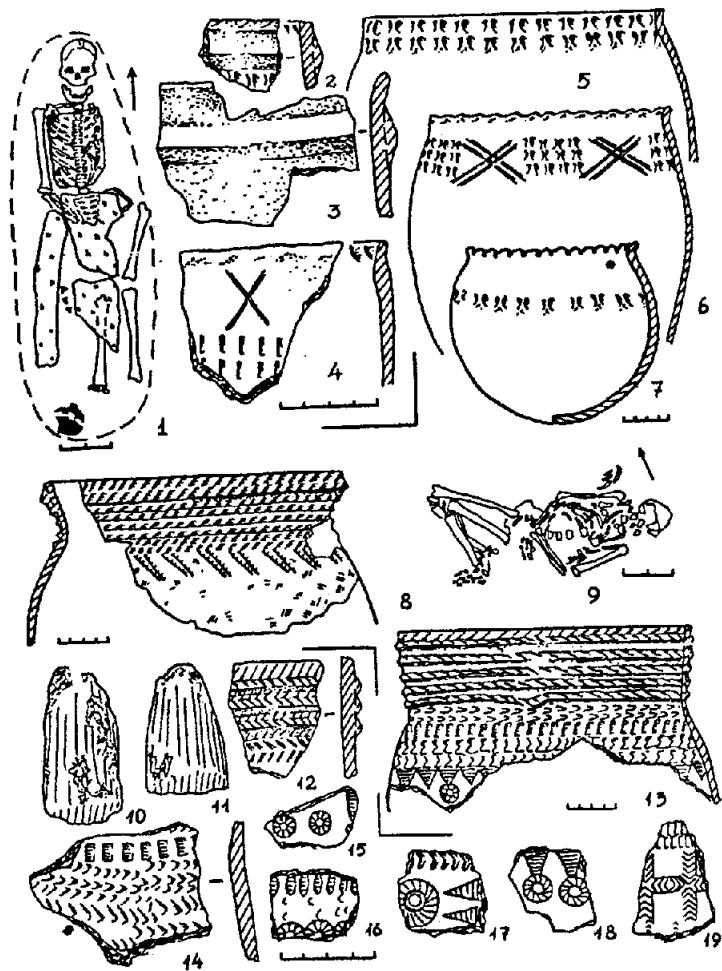

Рис. 4. Комплексы позднего бронзового века:
 1-7 — мухорская группа (1, 7 — Шумилиха № 1,
 2-6 — Улан-Хада, I верхний слой); 8, 12-19 — северобайкальская
 группа (8 — Горелый мыс, I слой 12, 14-16, 19 — Катунь I, IV слой;
 13 — Окунева 3, II слой; 16-17 — Шаманский мыс (Шаманка);
 9-11 — фофановская группа (Фофаново).

нения располагались под надмогильными сооружениями, выложенными из плит породы. Трупомещение, в основном, вытянутое на спине; в двух случаях (№ 5 и 11) — в скорченной позе, на боку. В могиле № 5 (двойное погребение) — оба трупомещения встречены вместе (рис. 2-17), что свидетельствует о их существовании в одном хронологическом срезе. Вероятно, к этой же группе следует отнести захоронения с трупомещением в скорченной позе, на боку, исследованные в 1956 г. в местности Идан [13, с. 184-185]. Ориентация погребенных — головой на северо-запад (вниз по течению реки). Преобладают одиночные захоронения; в двух случаях (№ 5, 7) — двойные (оба взрослых; взрослый и ребенок). Детские захоронения встречаются и индивидуальные (№ 9, 10). В могиле № 5 — ярусное размещение костяков; внизу — вытянутое на спине, поверх его (в районе нижней половины туловища) — скорченный костяк, расположенный на левом боку. Тазовые кости последнего подвергнуты действию огня. Сопровождающий материал немногочислен: костяная игла (рис. 2-15), игольники (рис. 2-16), наконечники стрел (рис. 2-14), обойма вкладышевого орудия с кремневыми вкладышами, каменные ножи — бифасы (рис. 2-7), пластинчатые ножи из нефрита (рис. 2-6), каменные наконечники стрел с вогнутой и прямой базой (рис. 2-1-5), кольцо и диск из светлого нефрита (рис. 2-9), украшения из клыков марала (рис. 2-10) и расщепленных клыков кабана (рис. 2-12), бусинки из пирафиллита (рис. 2-8) и перламутра [12, с. 121-133]. В целом инвентарь повторяет типологические формы, известные в глазковских памятниках раннего развитого бронзового века Прибайкалья.

В одном погребении (№ 1) зафиксирован круглодонный сосуд, простой, закрытой формы (рис. 2-19). Керамика гладкостенная. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Узор состоит из горизонтальных прочерченных линий, между которыми пояски, состоящие из овальных оттисков штампа. Расположение орнамента — зональное. На дне сосуда крестом пересекающиеся линии, изображающие солярную символику [12, с. 122-123]. Изделия из металла обнаружены в трех погребениях: № 5 Шиверского могильника, №№ 1 и 2 в местности Идан; в погребении № 6 Шиверского могильника отмечен окисел меди на костяке. Металлический предмет из Шиверского могильника представляет собой втульчатое изделие из меди, отлитое в двусторонней форме (рис. 2-18). Оно выполнено в виде стилизованного изображения эмси. Вероятно, предмет служил штандартом-навершием [12, с. 126, 167]. По стилистическим и технологическим признакам

литое изображение «змея» ближе всего к карасукским художественным изделиям [2, с. 125], что позволило А.И. Окладникову датировать этап XIII-IX вв. до н.э.

В погребении № 1 могильника Идан найден обломок бронзового зеркала круглой формы, на одной из сторон которого сохранились следы отлетевшей рукоятки, крепившейся к зеркалу на четырех стерженьках (рис. 2-13). В погребении № 2 того же могильника обнаружена ложечковидная подвеска восьмеркообразной формы, изготовленная из бронзы (рис. 2-11). Подобные изделия находят аналогии в карасукских памятниках и датируются поздним бронзовым веком.

Шумилихинская группа выделена в начале 70-х гг. О.И. Горюновой [5], на материалах основной группы захоронений могильника Шумилиха на р. Ангаре (28 погребений). Аналогичные захоронения (рис. 1) в настоящее время встречены на территории Приангарья, Приольхонья и Верхней Лены: Пономарево № 14, Ленковка № 3 (1960) падь Частая № 2, Усть-Белая № 2 (1957), № 1, 2 (1986), Усть-Ида № 19 и Городище II, Ода, Шидэ I, Улярба II № 20, 30, 3 (33), 4 (40), Улан-Хада IV № 5а, 3а, Обхой № 13, Макрушино [11, 14, 15, 16, 17, 18].

В Приангарье почти все погребения шумилихинской группы без надмогильных сооружений (исключение — Городище II и Усть-Ида № 19), в Приольхонье — преобладают под овальными выкладками, состоящими из плит породы. Могильные ямы в виде вертикального колодца. Трупомещение единообразное — в скорченной позе, сидя (рис. 3-1). Как правило, погребенные ориентированы лицом вниз по течению реки. Захоронения индивидуальные; выделяются 3 двойных погребения: Шумилиха № 32 (детское), № 37 (взрослый и ребенок) и Улан-Хада IV № 3а (однополые подростки). Обряд погребения детей — аналогичен взрослым, что говорит о едином, устойчивом ритуале. Различия состоят в количестве и наборе инвентаря, что объясняется половозрастным неравенством. В захоронениях встречаются отдельные пятна охры (на инвентаре, на скелетах).

Характерной особенностью является сохранение для каменных и костяных орудий глазковского облика. В погребениях найдены: топоры и тесла из нефрита (рис. 3-5), листовидные ножи-бифасы (рис. 3-6), накопечники коний и стрел лавролистной формы (рис. 3-2-4), скребки сверла, выпрямители древков стрел с желобком в центре из песчаника (рис. 3-12), абразивы из мелкозернистого сланца, стерженек составного рыболовного крючка с отверстием для крепления острия в расширенном основании (рис. 3-8),

пластинчатые ножи из нефрита (рис. 3-7), кольца и диски из нефрита и мрамора (рис. 3-24, 25, 29-30), проколки [7, с. 18-21]. Многочисленны изделия из кости: одно- и двусторонние гарпуны с выступами-шипами для крепления линия или с ромбовидной системой крепления (рис. 3-18-20), остроги (рис. 3-16), цельнорезный крючок (рис. 3-15), острия (рис. 3-23), наконечники стрел, ложила, скребки из лопаток животных, игольники, иглы (рис. 3-17), отжимники и ложки (рис. 3-27), украшения из клыков марала (рис. 3-28) и расщепленных клыков кабана (рис. 3-31). Большую группу составляет скульптура малых форм. Преобладает образ человека (рис. 3-21, 26) — Шумилиха, № 24, 38; встречается лось (рис. 3-32) — Шумилиха № 38, змея (там же), рыбки-приманки сигообразных и налимообразных форм (рис. 3-13, 14) — Шумилиха № 14, 29, 45. В отличие от глазковских антропоморфных скульптур — шумилихинская группа объемная, обработка двусторонняя, отмечается детализация образа — передача признаков пола [7, с. 24-25; 18, 19, 20].

Изделия из металла немногочисленны (9 предметов); они представлены: 3 грубочками, возможно, игольниками (рис. 3-9) — Шумилиха № 32, 36; Улярба II № 4 (40); 2 незамкнутыми кольцами-браслетами (рис. 3-11) — Шумилиха № 25, 32; 2 обломками изделий, вероятно, ножей (рис. 3-10) — Шумилиха № 31, 33; двухушковым кельтом (рис. 3-22) — Шумилиха № 37 и прямоугольной, литой в двусторонней форме бляшкой — Городище II. Кельт по форме корпуса, сечению, наличию ушек, упрощенному геометрическому орнаменту и валику вокруг втулки отнесен нами к «поясковым» карасукского типа и датированы IX—VIII вв. до н.э. [5; с. 26].

В погребениях шумилихинской группы впервые для комплексов бронзового века Приангарья найдены кости домашних животных: изделия из лопаток быка — № 29, 22; зуб лошади — № 14, подвески из челюстей козы или барана — № 22 [21, с. 30, 32], что свидетельствует о знакомстве со скотоводством.

Необычно помещение погребенного в могильной яме — сидя, в скорченной позе, известно в широком культурном и территориально-хронологическом диапазоне Северной Евразии [22]. Единичные захоронения встречены в памятниках верхнего палеолита, энеолита и раннего бронзового века (в комплексах древнейшей и катакомбной культурных общностей). Часто подобное трупопомещение фиксируется в позднеандроновских комплексах Центрального Казахстана (конец II тыс. до н.э.) — в бегазы-дандыбаевской культуре [22].

Аналогии погребальному обряду находим и в памятниках Восточной Монголии, где захоронения сидя, в скорченной позе датируются в пределах от позднего неолита до эпохи плиточных могил, преобладая в бронзовом веке [23, 24].

Отнесение погребений шумилихинской группы к позднему бронзовому веку подтверждается стратиграфическими наблюдениями на могильнике Улан-Хада IV. Для установления относительной хронологии интерес представляет погребение № 5, содержащее 3 одновременных впускных захоронений разных периодов бронзового века [25]. Самое верхнее (5а) — с трупом помещением сидя, в скорченной позе, было совершено после того, как труп нижележащего погребения (5б) разложился и кости согнутых в коленях ног упали направо. Могильная яма нижнего-двойного захоронения (5в) находилась в стороне от вышележащих погребений (сочетает трупом помещением на спине: вытянутое и с согнутыми ногами).

В целом, способ помещения покойных в могильную яму, характерный для ряда культур, преимущественно бронзового века сопредельных территорий, химический состав металла, появление втульчатых орудий, изготовление металлических изделий способом литья в закрытой форме, наличие орудий карасукского облика, знакомство со скотоводством и некоторые стратиграфические наблюдения — позволили датировать шумилихинскую группу поздним бронзовым веком (IX—VIII вв. до н.э.) несмотря на полученные даты C_{14} , которые определяют ее возраст неолитическим временем: 4040 ± 40 л.н. — 4850 ± 70 л.н. [26]. Считаем даты по шумилихинской группе погребений позднего бронзового века сильно удревленными.

Мухорская группа позднего бронзового века Прибайкалья (названа по заливу оз. Байкал, где расположен основной памятник) представлена стратифицированным комплексом 1 верхнего слоя поселения Улан-Хада (рис. 1). Комплекс выделен в 1974 г. Н.А. Савельевым и О.И. Горюновой [6, с. 58–59; 8, с. 50–51]. Аналогичная керамика известна с местонахождений западного и юго-восточного побережья Байкала: Посольская стоянка (раскопки Е.А. Хамзиной, 1959 г.), Улярба 1 (сборы Л.П. Зяблипа, 1959 г.), Малая Сенная и Обухейха (раскопки К.Х. Купнаревой и И.Н. Жлопина, 1959 г.); с побережья р. Ангары: Усть-Белая и Шумилиха, погребение № 1 могильника Шумилиха [27, с. 7; 7, с. 27].

Для керамики мухорского типа характерны круглодонные сосуды простой и сложной закрытой формы. Поверхность посуды гладкостенная. Встречаются сосуды с «воротничками» (рис. 4–2,3). Орнамент более упрощен по сравнению с развитым бронзовым веком.

Исчезают старые мотивы узора. Появляются новые элементы орнамента — ногтевые зацепы, которые становятся ведущим элементом узора (рис. 4-2, 5-7); широко распространена солярная символика, выполненная прочерченными линиями (рис. 4-4, 6). Основной мотив — в виде горизонтальных сплошных или разорванных солярной символикой линий. Ряды выполнялись зацепами или вдавлениями прямоугольного штампа.

Каменный инвентарь повторяет основные типологические формы комплексов развитого бронзового века [8].

Захоронение № 1 могильника Шумилиха — с трупом помещением вытянутом на спине (рис. 4-1); ориентация головой на север (вниз по течению реки). Погребенная обернута в бересту. Сопровождающий инвентарь представлен круглодонным сосудом, сложной закрытой формы. Поверхность — гладкостенная. Орнамент состоял из пояса ногтевых зацепов (рис. 4-7). Подобный погребальный обряд встречен в детском захоронении № 22 (1948 г.) Фофановского могильника, в инвентаре которого найдены: 2 топора из нефрита (рис. 4-10, 11), подвески из клыков марала и бронзовый кинжал карасукского облика [3, с. 89]. По определению А.П. Окладникова последний датируется XIII-XII вв. до н.э.). Керамика орнаментированная ногтевыми зацепами появляется в лесостепном Приобье, Барабе и Среднем Прииртышье в комплексах позднего бронзового века — X(IX)-VIII вв. до н.э. [28, с. 147, 150]. Учитывая вышеназванные аналогии, а также стратиграфическое расположение 1 верхнего слоя Улан-Хады считаем правомерным отнести комплекс к позднему бронзовому веку и датировать его X-VIII вв. до н.э. [6; 8; 29]. По погребению № 1 могильника Шумилиха получена дата по C_{14} — 3900 ± 40 (ГИН-4125) л.н. [29, с. 22]. Комплексы поселений развитого бронзового века, подстилающие слой позднего бронзового века, датируются методом C_{14} в пределах XVIII (XVI)-X вв. до н.э. [30]. Тем самым, дата по погребению № 1 могильника Шумилиха, выглядит удревленной.

Фофановская группа погребений (5 могил) позднего бронзового века Западного Забайкалья выделена в 1959 г. М.М. Герасимовым при раскопках одноименного могильника (III группа по М.М. Герасимову). Комплекс выделен из разновременных захоронений стратиграфически [4]. Было установлено, что захоронения III группы совершены после того, как почвенный слой глазковского времени был покрыт новым слоем лессовидного суглинка. Для захоронений характерно: отсутствие надмогильных сооружений, трупом помещенное — на спине, с согнутыми в коленях ногами (рис. 4-9), ориентация головой от северо-востока до юго-востока. Встречаются индивиду-

дуальные, двойные (№ 38) и коллективные (№ 41) погребения. В последнем случае — размещение костяков ярусное. Почти все захоронения грабленные. Вещей сохранилось малое количество: игольник из кости и фрагменты обоймы костяного вкладышевого орудия.

Рассмотренные захоронения относятся к позднему бронзовому веку по стратиграфическим наблюдениям и датируются X–VIII вв. до н.э.

Северобайкальская группа позднего бронзового века представлена комплексами поселений, распространенных на территории восточного и северного побережья оз. Байкал. Отдельные находки керамики северобайкальского типа обнаружены на о. Ольхон: Хатха и Шаманский мыс (Бурхан). В стратиграфических условиях комплексы выделены на поселениях: II слой Окуневой 4, III слой Окуневой 3, IV слой Катунь 1, Лысая Сопка, IV слой Байкальской 4, II слой Северобайкальска 1 и Богучанской 13 [9, с. 134–136; 32, с. 145; 33, 34].

Комплексы отнесены к позднему бронзовому веку во второй половине 80-х гг. О.И. Горюновой на основе их стратиграфического положения на многослойных стоянках Катунь 1 и Окуневая 4, где они залегают между слоями развитого бронзового века и переходного периода к железному веку.

Каменный инвентарь комплексов характеризовать сложно в связи с его малым количеством на стратифицированных памятниках. Изделия из металла на стоянках не обнаружены.

Для северобайкальской группы характерны круглодонные сосуды сложной (реже — простой), закрытой формы (рис. 4–13). Поверхность гладкостенная, встречается штриховая. Преобладают сосуды с высокими шейками, украшенные параллельными горизонтальными налепными валиками — «воротничками», оформленными скобчатыми насечками (рис. 4–12, 13). Тулово орнаментировано сложными построениями, сочетающими параллельные линии, выполненные отступающей лопаточкой, пояса ромбов, прямоугольников и треугольников (заштрихованы горизонтальными, падающими линиями или шахматной сеткой), штамповые отгибки розеток, крестообразных знаков (рис. 4–13–16, 19). Расположение орнамента — зональное. Рисунок покрывает верхнюю часть сосуда; дно не орнаментировано.

Керамика подобного типа зафиксирована в I слое поселения Горелый Лес на р. Белой — Верхнее Приангарье [35, с. 174], ниже которого расположен слой развитого бронзового века. Комплекс малочислен, представлен одним сосудом сложной, закрытой формы, с высокой шейкой и расширенным туловом (рис. 4–8). По-

верхность керамики — штриховая. Вдоль венчика и по шейке расположены ряды валиков — «воротничков», украшенные насечками зубчатого штампа. От последнего «воротничка» на тулово свисают наклонные парные линии, выполненные тем же штампом. Различия в приемах орнаментации сосуда с Горелого Леса и типично северобайкальской керамики, вероятно, носят локальный характер в рамках одного керамического пласта.

Впервые подобная керамика была выделена В.В. Свининым на Северном Байкале и датирована им поздним неолитом [32, с. 58]. Последующие исследователи поселения Лысая Сопка [33], базируясь на орнаментальных особенностях керамики, посчитали возможным отнести ее к раннему бронзовому веку, определив временем — середина II тыс. до н.э. Учитывая своеобразие керамики Т.А. Абдулов и Н.П. Пилипчук предложили выделить ее в особый северобайкальский тип [33, с. 64]. Опираясь на стратиграфическое положение комплексов с подобной керамикой на памятниках Окупева 4, слой II, а впоследствии Катунь 1, слой IV, О.И. Горюнова и Ю.П. Лыкин уточнили датировку вначале — 2 половиной II тыс. до н.э. [9, с. 139], затем — X–VIII вв. до н.э. Последнюю датировку поддерживает и Ю.С. Гришин, который сравнивает северобайкальскую керамику с орнаментами на кельтах красноярско-ангарских типов и на основе этого относит ее к позднему этапу карасукского времени [36].

Форма северобайкальской керамики (высокая, прямая шейка и довольно раздутое тулово), ряд элементов орнамента и их композиция — имеют существенное сходство с посудой карасукского времени Южной Сибири [37, табл. XIII, XVI], что подтверждает предложенную датировку (X–VIII вв. до н.э.). Территория распространения памятников северобайкальской группы охватывает восточное и северное побережье Байкала (до Приольхонья) и встречается в верхнем Приангарье. Некоторое сходство в оформлении сосуда (украшение высокой шейки налечными валиками — «воротничками», орнаментированными скобчатыми насечками) отмечается на керамике со стоянки Харга 1 (район Еравнинских озер Бурятии), датируемой Л.Г. Ивашиной ранним бронзовым веком — I тыс. до н.э. [37, с. 59–68, 122]. На наш взгляд возраст поселения Харга 1 автором раскопок несколько удривнен.

В настоящее время не совсем ясным остается вопрос культурно-хронологических взаимосвязей между выделенными на территории Прибайкалья комплексами разных групп, датируемых поздним бронзовым веком.

Примечания

1. Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // ВДИ. — 1938. — № 1(2). — С. 244–260.
2. Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях р. Селенги // КСИИМК. — 1950а. Вып. 35. — С. 85–90.
3. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.-Л.: Наука, 1950б. — Ч. 1–2: Ист.-археол. исслед. — 412 с. — (МИА. — № 18).
4. Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 году // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. — С. 23–48.
5. Горюнова О.И. К вопросу о сидячих погребениях в Прибайкалье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1975. — Вып. 3. — С. 171–175.
6. Горюнова О.И. Периодизация неолита и палеометалла побережья оз. Байкал // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. — Якутск, 1982. — С. 57–59.
7. Горюнова О.И., Смотрова В.И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха: (Анализ материалов и датировка памятника) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 17–28.
8. Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов Евразийских степей в древности. — Барнаул, 1993. — С. 94–117.
9. Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники и-ова Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С. 130–147.
10. Горюнова О.И. Бронзовый век на территории Предбайкалья // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. — С.-Пб., 1992. — С. 50–53.
11. Горюнова О.И. Современное состояние вопроса о позднем бронзовом веке Прибайкалья // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. — Владивосток, 1993. — С. 81–85.
12. Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1975. — 319 с.
13. Рыгдылов Э.Р., Хороших П.П. Погребения в местности Идан: (Восточная Сибирь) // Советская археология. — 1958. — № 3. — С. 184–185.

14. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.-Л.: Наука, 1955. — Ч. 3: Глазковское время. — 347 с. — (МИА. — № 43).
15. Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1974. — 319 с.
16. Грязнов М.П. Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 году. — Архив Ин-та археологии АН СССР; Р.-1, № 2023. — 242 с. — Л., 1960.
17. Панковская Г.И., Смотрова В.И. Древний могильник Улярба на Среднем Байкале // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 71–85.
18. Смотрова В.И. Исследования могильника Улярба // Археологические открытия 1983 года. — М., 1985. — С. 242–243.
19. Горюнова О.И. Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1974. — Вып. 2. — С. 129–140.
20. Студзицкая С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре: (по материалам могильника Шумилиха) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 38–45.
21. Иваньев Л.Н. Фауна позвоночных животных из могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 29–32.
22. Хлобыстина М.Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // КСИА. — 1991. — № 203: Исследования памятников неолита и бронзы. — С. 32–38.
23. Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в Монголии в 1967 году // Изв. СО АН СССР. — Новосибирск, 1968. № 11, вып. 3. — С. 104–115.
24. Волков В.В. Погребение в Норовлин Уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1975. — С. 76–79.
25. Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. — Иркутск, 1992. — С. 32–41.
26. Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по C_{14} погребений Прибайкалья в эпоху голоцена // Советская археология. — 1989. — № 1. — С. 19–32.
27. Савельев Н.А., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л., Горюнова О.И., Петрова Н.А., Панковская Г.И. Могильник в местности Шумилиха: (описание исследованных погребений) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 7–17.

28. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1985. — 200 с.
29. Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала — Иркутск, 1992. — С. 41–56.
30. Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 40–54.
31. Лыхин Ю.П. Работы в Чивыркуйском заливе // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1987. — С. 143–145.
32. Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье оз. Байкал в 1963–65 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–65 гг.: Материалы к докладам на научной сессии ИА АН СССР. — Иркутск, 1966. — С. 50–69.
33. Абдулов Т.А., Филиппчук Н.П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале (по материалам 1979 года) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 55–70.
34. Рыков Г.К. К вопросу о северобайкальской культуре // Первая Дальневосточная конференция молодых историков: Тез. докл. — Владивосток, 1991. — С. 17–19.
35. Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес: (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1974. — Вып. 1. — С. 160–199.
36. Гришин Ю.С. О керамике стоянки Лысая Сопка на Байкале // КСИА, 1986. — Вып. 185. — С. 66–70.
37. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М.-Л.: Наука, 1949. — 364 с.
38. Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1979. — 157 с.

О.М. Рындина

Комплексная природа орнамента и методика ее исследования

Любое явление, связанное с жизнедеятельностью человеческого коллектива, неминуемо несет на себе отпечаток всего социального организма в целом, однако различные составные последнего имеют при этом далеко не равнозначную степень отражения. Комплексность столь притягательного для исторических дисциплин предмета исследования, как народный орнамент, обусловлена, во-первых, теснейшей его связью с мировоззренческими основами самих создателей узоров (семантический аспект исследований), во-вторых, выражением традиционных эстетических установок, сложившихся в определенной этнической среде (художественный аспект) и, в-третьих, обусловленностью технико-предметных характеристик орнамента общим состоянием бытовой сферы культуры (прикладной аспект). Для всестороннего раскрытия орнаментального феномена необходимо углубленное изучение различных сторон его проявления. Историографическая ситуация сложилась таким образом, что орнаментальное творчество народов Западной Сибири изучалось, исходя прежде всего из его изобразительных характеристик [1]. При этом оставались в тени сами анализируемые признаки, вернее они были сведены к минимуму. И если методы исследования семантического поля орнамента, предполагающие его экстраполяцию на мировоззренческую картину, мало предрасположены к формализации, то художественный (в том числе и изобразительный) и прикладной аспекты исследования — благоприятная почва для применения четко разработанного набора анализируемых признаков. Однако, здесь всецело господствует триада рассматриваемых черт: материал—техника—мотив, дополненная описанием круга орнаментированных предметов. А ведь для того, чтобы лучше понять целостность, пусть даже в определенных рамках, необходимо ее расчленить, проследить закономерности функционирова-

ния отдельных составных и установить характер и направление их взаимодействия.

В данной статье предлагается набор признаков и их возможных значений для описания орнамента с точки зрения прикладного и изобразительного начал последнего. Список этих признаков был составлен автором статьи совместно с Н.В. Лукиной для статистической обработки орнамента на ЭВМ, но в сокращенном варианте он может быть использован и для визуальной обработки материала, например, с помощью ручных перфокарт. Именно таким образом обрабатывался массив данных по обско-угорскому орнаменту, включая практически весь этнографически обозримый материал и приводимые здесь примеры являются результатами проведенного анализа, итоги которого к настоящему времени еще не опубликованы. При описании признаков в статье сохраняется сплошная нумерация.

1-4 признака содержат общие сведения об орнаментированном предмете:

1. Порядковый номер предмета.

На одном предмете возможно бытование нескольких узоров, например, на восточнохантыйской берестяной коробке их число достигает 10, а на южнохантыйской вышитой женской рубашке приближается к 20. Соответственно при статистической обработке на ЭВМ предмет должен описываться 10-20 строками в матрице данных. Благодаря порядковому номеру сохраняется целостность информации о нем, что создает равновозможные варианты для анализа данных как на уровне отдельных узоров, так и на уровне орнаментированных предметов. В случае ручной обработки данных этот признак не обязателен.

2. Этнос: ханты, манси, селькупы, венцы и т.д.

3. Этноподразделение: южные, северные, западные, восточные и т.д.

4. Время фиксации материала.

5-15 признаки характеризуют прикладную сторону орнамента, то есть его слитность с вещью, к которой он приложен.

5. Категория орнаментируемого предмета: одежда, украшение, утварь, орудия труда, средства передвижения и т.д.

У различных этносов и этнических групп существует определенная область предметов, в которой декоративные потенции народа достигают своего наивысшего расцвета. Для северных групп обских угров это — меховая одежда и утварь (женская сумочка для рукоделия), для восточных хантов — берестяная утварь, а для южных хантов и восточных манси — женская одежда из холста.

6. Орнаментированный предмет: сак, шуба, рукавица, нагрудное украшение, весло, кряк для колыбели, кройльная доска и т.д.

Поскольку конкретные орнаментированные предметы даже в рамках одной этнической культуры отличаются большим разнообразием, а количество градаций у признаков при машинной обработке ограничено, то 5–6 признаки могут взаимоперекрещиваться следующим образом: 5 — одежда и украшения: сак, шуба, рукавица, нагрудное украшение, пояс и т.п.; 6 — утварь: студа, табакерка, коробка, кузов и т.п.; 7 — орудия труда и средства передвижения: весло, выбивалка для снега, пряслице, наконечник стрелы и т.п.; 8 — сакральные предметы: головной убор шамана, «медвежьи» рукавицы, шаманский коврик, «богатырский шлем» и т.п.

7. Орнаментируемая часть предмета: стенка, дно, крышка, одна пола, две полы, рукав, воротник, ручка, лопасть, почти весь предмет и т.д.

8. Характер расположения орнамента на украшаемой части предмета: кайма по краям, полоса по низу, полоса по верху, полоса вдоль середины, локализация в центре, сплошное заполнение и т.д.

7–8 признаки отражают композиционное решение декорируемой поверхности. Особенности этого решения позволяют выявить общие закономерности в развитии целого ряда орнаментированных предметов, что имеет историческую и этническую окраску. Так, орнаментальная топография хантыйской женской одежды проводит четкую грань между северной и южной группами этноса с одной стороны, и восточной, с другой. У первых расположение узоров на поверхности изделия согласовано с традицией ношения распашной одежды встык, а у последних декоративное убранство подчинено специфике запахивающейся одежды. Кроме того, на основе композиционного своеобразия можно вести речь о двух линиях в развитии одежды у северных и южных хантов. Одна проходит через суконные сахи, украшенные металлическими отливками, кафтаны с бисерным убранством, холщевые вышитые сахи и обусловлена особенностями распашной одежды. Вторая ставит в единый ряд вышитые рубахи и сахи, хлопчатобумажные сахи с аппликативными орнаментами и шубы, а ее специфика становится понятной при обращении к покрою глухой одежды. Важность такого орнаментального показателя, как композиция на предмете, заключается еще и в его семантической окраске, ведь располагая орнамент по строго установленным традиционным канонам, мастерица тем самым отражает и пространственные ориентации, выработанные в данной этнической среде.

9. Соотношение внешней и внутренней сторон орнаментируемого предмета: узор на внешней стороне, узор на внутренней стороне, одинаковые узоры на внешней и внутренней сторонах и т.д.

Данный признак также уточняет детали орнаментальной композиции, которые могут иметь серьезный смысловой подтекст. Так, обско-угорская береста имеет наружный декор, кроме низких сосудов подпрямоугольной формы, служащих черпаками и чашками. У последних узоры покрывают внутреннюю поверхность, подчиняются определенным изобразительным правилам, а попытки объяснения композиционного и узорного своеобразия ведут к обско-угорской церемонии медвежьего праздника.

10. Соотношение вещи и орнамента: единое целое, орнамент как составная конструктивная часть, как наложение и т.п.

Акцентирование исследовательского внимания на этом признаке позволяет проследить преломление на конкретном материале весьма распространенной декоративной тенденции. Нерасчлененность предмета и исполненного на нем орнамента на начальном этапе декоративной эволюции, последующее расширение художественных прав орнамента, что ведет в конечном итоге к доминированию его над вещью. Так, воротники к женским восточноантыйским шубам изготавливались из кусочков сборного меха, расположенных с учетом цвета в шахматном порядке. Исполнение орнамента в данном случае означало одновременно и изготовление самой вещи. На суконных воротниках к сакам, которые служили чехлом для шуб и в виде самостоятельной одежды нашивались литые узорные пластиночки из олова, повторяя в основных чертах меховую композицию. Позднее пластиночки заменило нашивание бисера, а затем воротник трансформировался в нагрудное украшение, состоящее из бисерных лент.

11. Материал предмета: дерево, береста, кора, ровдуга, мсх, металл, кость, ткань и т.д.

12. Материал орнамента: дерево, береста, краски, нитки, бисер, оленин волос и т.п.

13. Техника: штамп, аппликация, раскраска, выскабливание, мозаика, трехгранно-выемчатая резьба и т.п.

14. Принцип цветового решения орнамента: цвет предмета не меняется, выявляется скрытый природный цвет материала, искусственно меняется цвет предмета, сочетаются цвета, не меняемые в процессе орнаментации и т.п.

Такие признаки, как орнаментальный материал и техника традиционно присутствуют в исследованиях орнамента и нет необходимости обосновывать их важность. Выделение предметной основы

и собственно орнаментального материала и рассмотрение их с учетом техники, подводит к принципу цветового решения и дает основание вести речь о различной стадиальности в подходах к орнаментации определенного материала. На более ранней стадии, как правило, наблюдалось совпадение двух материальных компонентов: исполнитель создавал орнамент, наблюдая за природными свойствами материала и искусно используя их: в выскабливании на бересте применялся различный цвет ее закопченной поверхности в той части, с которой снята верхняя пленка, в мозаике — различная форма и окраска сборных кусочков меха и т.п. На более поздней стадии развития природные возможности орнаментируемого материала дополняются искусственно созданными, что дистанционирует материал вещи от материала орнамента: фигурный кант и бисер в меховой мозаике, аппликация с подкладным фоном из ткани на бересте, нашивание бисера на ткань и т.п.

15. Особенности исполнения мотива: окаймление по линии узора тканью, окаймление по линии узора оленьим волосом, фигурный кант по краям и т.п.

Технические особенности исполнения орнамента, отраженные в данном признаке, оказываются порой более информативными с точки зрения этнической специфики, чем собственно орнаментальная техника. У северных и восточных хантов существовали узоры, нанесенные на ровдугу краской, но лишь у последних бытовало их оконтуривание оленьим волосом, в результате чего орнаментальная линия приобретала криволинейность и шипообразные окончания. Очевидно, здесь следует искать разгадку в специфичности криволинейных узоров на бересте у восточных хантов — шипообразные окончания.

Последующая часть признаков характеризует изобразительную сторону орнамента.

16. Цветовой спектр узора: монохромный, диахромный, полихромный.

Совершенно очевидна связь данного параметра с № 14. Вместе с тем, он имеет и относительную самостоятельность, обусловленную сдерживающим фактором традиции. Так, широкое использование для орнаментации покупных материалов создает благоприятные возможности для перехода от природной моно- и диахромности к полифонии цвета. Вместе с тем, на первых порах этого не наблюдается: двухцветные узоры, сплетенные из бисера, аппликативные полосы на сажах выполняются из одного и того же материала, что также предполагает двойной цветовой набор с учетом материала предмета.

17. Название узора: зооморфное, растительное, бытовое, астральное и т.п.

Наряду с выходом в семантику, орнаментальное название содержит в себе сведения, позволяющие проследить историю развития конкретного мотива. Однако, при этом следует помнить и о значительной доле субъективизма, кроющегося в поминативной информации.

18. Характер орнаментальной линии: контурная, ширококонтурная, двойной контур, точечная и т.п.

Данный показатель способен расчленивать кажущееся орнаментальное единство и соединить разрозненные состояния. Среди обско-угорских узоров, выскобленных на бересте, выделяются изображения на чашках и черпаках, которые обладают двойным контуром с одной стороны, и преобладающая масса ширококонтурных орнаментов самой различной конфигурации на коробках и сосудах. Первая манера исполнения узоров связана с наиболее древним способом обско-угорской вышивки — «продернутая вышивка», — также предполагавшем двойной контур, а ширококонтурность орнамента помимо бересты хорошо представлена в «хантыйской» и «мансийской» вышивке (единый способ), в раскраске на ровдужной обуви и рукавицах, в меховой мозаике на одежде и утвари. Однако, этот орнаментальный показатель вырабатывается параллельно на различных материалах и предметах, в различных техниках и является сквозной орнаментальной характеристикой на определенном срезе развития декоративного творчества.

19. Соотношение фона и узора: преобладание узора, преобладание фона, равенство фона и узора, зеркальное равенство фона и узора.

Будучи связанным с техникой, материалом и характером орнаментальной линии, этот показатель способен высветить проблемы, касающиеся закономерностей развития орнамента. Так, равенство фона и узора, прежде всего зеркальное, вполне объяснимо применительно к меховой мозаике, но оно возобладало в творчестве обских угров почти на всех материалах и при всех технологиях, очевидно по причине сильных декоративных импульсов, исходивших от меховой мозаики.

20. Заполненность фона и узора: узор заполнен мелкими включениями, фон заполнен мелкими включениями.

Применительно к хантыйской бересте данная черта играет роль этногруппового маркера: лишь у северной группы присутствуют изобразительные включения в фоновой части, а в восточной группе разнообразием и конфигурацией своих дополнительных элементов выделяются александровские ханты.

21. Геометрические особенности мотивов: прямолинейные, криволинейные, смешанные.

За указанными геометрическими особенностями у обских угров кроются и межгрупповые различия: развитие криволинейных форм выделяет декоративное искусство северных манси и хантов (р. Кызым) и восточных хантов. Более того, различный характер криволинейности, очевидно, свидетельствует о различных путях ее формирования на бересте у северных групп и восточных хантов.

22. Характер связи мотивов и узора: лепточный, из отдельных фигур, смешанный (например сложнооформленный зигзаг с набором элементов в его изгибах).

На различных материалах обские угры выработали разнообразные приемы соединения мотивов, но при этом наблюдается склонность к слитному узорному полку, заданному зигзагом.

23. Роль мотива и узора: основной (наиболее существенный), окаймляющий сверху, окаймляющий снизу, образующий ярусы, образующий зоны-секции, вспомогательные элементы и т.п.

Подобная традиция необходима в силу наличия внутренней специфики в развитии основных и окаймляющих узоров. Основные мотивы более выразительны, разнообразны и информативнее: их основные и переходные формы подробнеешим образом отражают сложный путь, пройденный орнаментальным искусством. Окаймляющие прежде всего интересны тем, что представляют собой наиболее реликтовые орнаментальные формы. К тому же степень развитости тех и других может существенно различаться по этническим подразделениям и свидетельствовать об особенностях исторического пути самих создателей узоров. Так, орнаментальное творчество северных манси выглядит более консервативным, поскольку в нем не только представлены все основные формы окаймляющих узоров, известных другим группам обских угров, но и имели место различные варианты этих форм, в то время как для основных узоров отмечается стагнация. У остальных групп обских угров ситуация противоположная: все внимание при исполнении уделено ведущим мотивам сложнейшей конфигурации, а окаймляющие предельно просты.

Три последних признака отражают композицию в самом орнаменте, вернее один из ее показателей — симметрию.

24. Категории симметрии узора: бордюр, розетка, сатка.

25. Вид симметрии узора: $a:m$, $a \cdot m$, $a:2$; $4 \cdot m$, $2 \cdot n$; $(a:a)$; $4 \cdot m$, $(a/a):2 \cdot m$ и т.д. [2].

26. Сравнительный ритм: горизонтальный, вертикальный, диагональный и т.д.

Первые две характеристики взаимосвязаны: вторая детализирует первую и обе вполне приемлемы для этнографического исследования орнамента. Именно предпочтение, отдаваемое сетчатой структуре орнамента, выделяет творчество восточных манси, поскольку в обско-угорском искусстве господствуют бордюры. Но у различных этнических групп наблюдается определенная специфичность в отношении приоритетности того или иного вида бордюрной симметрии: южных хантов отличала склонность к виду $a:m$, северных — $a \cdot m$, северных манси — a , и это при том, что для всех были типичны виды $a:m \cdot m$ и $a:m \cdot \bar{a}$.

Все перечисленные признаки определяют единый и цельный предмет-орнамент и в силу этого взаимозависимы. Определить количественную меру этой зависимости между различными характеристиками можно лишь с использованием методов статистической обработки, например, факторного анализа [3]. Но уже в обосновании признаков, приведенном в данной статье, связь эта прослеживается с достаточной очевидностью. Чтобы нагляднее продемонстрировать комплексность действия этих признаков, приведу результаты исследования орнаментального генезиса на примере одного лишь предмета — рукавиц.

Наиболее ранним этапом здесь следует признать декор на ровдужной поверхности изделия, выполненный в технике раскраски и мозаики. Описанными способами наносилось стилизованное изображение, скорее всего медведя, так как только этот стилизованный рисунок прослеживается у всех групп обских угров. Кроме того, изображение медведя фиксировалось в конце XIX века на северомансийских рукавицах. Восточнохантыйская розетка была построена на основе S-образной фигуры, но имела черты весьма заметного сходства со стилизованными формами медведя. Именно у этих двух групп отмечены следы исходного декора рукавиц. Замена ровдуги на ткань, добавление к мозаике аппликации при сохранении стилизованных изображений знаменовала собой следующий этап, отраженный в материалах по северным группам хантов и манси.

В дальнейшем новации коснулись не материала и техники, а самого орнаментального сюжета: стилизованные изображения сменились бордюрами, непрерывными горизонтальными у северных манси, северных и южных хантов и составленными из треугольников, вертикальными у восточных хантов. Связанные на спицах шерстяные изделия восприняли композиционные и конфигурационные особенности своих матерчатых предшественников. Это произошло в рамках орнаментальной культуры восточных манси и северных хан-

тов. Параллельно с рукавицами на этом этапе развивался декор вязаных шерстяных чулок, а позднее — гольфов. С учетом последних к цепочке орнаментального генезиса присоединились и южные ханты. Именно на вязаных изделиях отчетливо проявились композиционные особенности мансийских узоров — предпочтение сетчатой структуре.

Примечания

1. См. Прокофьева Е.Д. Орнамент селькупов // КСИЭ. — М.-Л., 1950; Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Сб. МАЭ. — М.-Л., 1953, Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // ТИЭ. — М.-Л., 1963; Хомич Л.В. Ненцы. — Л., 1966; Богомолов В.Б. Орнамент томских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978 и др.
2. Характеристика видов орнаментальной симметрии содержится в книге Шубникова А.В., Кошкина В.А. Симметрия в науке и искусстве. — М., 1972.
3. См.: Енюков И.С. Методы, алгоритмы, программы многомерного статистического анализа: пакет ППСА. — М., 1986.

П.И. Шульга

Поселение Чепош-2 на средней Катунь

В ходе проводимых автором работ по выявлению и изучению древних поселений III тыс. до н.э. — I тыс. н.э. на территории Республики Алтай и Алтайского края (Чарышский, Солонешенский и Алтайский районы) обнаружено более 100 поселений афанасьевской культуры, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [26, 27, 28; 5, с. 205; 29, 30, 31, 32, 33]. Раскопки проводились преимущественно на памятниках I тыс. до н.э. Анализ полученных материалов позволил предварительно вычленить две группы поселений, условно названных «скотоводческими» и «земледельческими» [29, с. 85; 30, с. 10]. В рамках 1 группы выделялись памятники с пазырыкской керамикой (поселение Куротинский Лог-1 у с. Туэкта и др.) и керамикой смешанного типа (Элекмонар-4, Узнезя-1 и др. на Средней Катунь [33, с. 65]. «Земледельческие» поселения подразделены на памятники с керамикой чепошского и кастахтинского типов.

Ниже публикуются материалы поселения Чепош-2, расположенного в 2 км к юго-востоку от кладбища с. Чепош Шебалинского района Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, на южном склоне (5–13°), уплощенной террасовидной возвышенности, ограничивающей долину с северо-востока. Река Катунь протекает на расстоянии более 1 км к юго-западу. Водных источников поблизости нет (рис. 1). Южная часть поселения уничтожена карьером. Сохранившаяся северная к началу работ имела площадь около 6 тыс. м². По сообщениям местных жителей при разработке карьера находили кости, глиняные горшки и бронзовые предметы. Вещи утрачены. Разведки 1985–1987 гг. выявили у с. Чепош комплекс разновременных археологических памятников (рис. 1). В 150 м к ЮЗ от поселения Чепош-2, рядом с Чемальским трактом находится афанасьевское поселение и могильник Чепош-3, где в 1987 г. нами был вскрыт один курган с захоронениями афанасьевской культуры [34].

В 2,3 км к юго-востоку от кладбища с. Чепош, у подножья горного склона находится поселение Чепош-1. Через 300 м к юго-востоку, также между Чемальским трактом и горным склоном, у опор ЛЭП, найдено поселение Чепош-4, с керамикой афанасьевского облика [25]. В 800 м к северу от кладбища с. Чепош у края высокой левобережной террасы р. Нижний Чепош, выявлено крупнейшее в Горном Алтае средневековое городище диаметром 170 м, с тройной линией защитных сооружений, шириной до 18 м. В целях датирования автором закладывались шурфы (Шульга, отчет за 1987 г.). На противоположном, правом берегу р. Н. Чепош, найден развал сосуда эпохи бронзы, обломки литейных форм. Неподалеку, на ручье Чичка — поселение с афанасьевской керамикой. Выше по реке Н. Чепош, на впадающей в нее р. Каралька, обнаружены размываемые стоянки каменного века [27]. Поселение Чепош-2 открыто автором в 1985 г. [27]. Его раскопки проводились в 1986 и 1987 гг. Вскрыта площадь 700 кв. м.

Памятник однослойный. Культурный слой мощностью 20–25 см отличался от выше- и нижележащего гумуса большим количеством мелких камней, сланцевых плиток, галек, отчего выглядел более светлым и неоднородным. Мощность гумуса — 50–85 см. Особенно хорошо культурный слой прослеживался в юго-западной части поселения, где находились остатки древней мусорной свалки, разрушенной карьером (рис. 16) — на один м² здесь приходилось до 80–120 фрагментов керамики. Количество находок постепенно уменьшалось по направлению к северу и в стороны от краев карьера. Раскопки показали, что основная часть поселения с жилищами и очагами уже уничтожена карьером. На исследованной территории найдено 30 хозяйственных ям, из них ямы №№ 3, 11, 12 являлись остатками временных летних сооружений без очагов, где производились определенные хозяйственные работы, в частности, помол зерна, на что указывают зернотерки. Здесь же встречаются обломки глиняных пряслиц, галечки со следами сработанности и слабообожженные чаши (рис. 2), в которых хранение и приготовление жидких продуктов было, по-видимому, невозможно. Несмотря на частое присутствие мелких угольков, найдено лишь одно небольшое кострище. Почти нет закопченной керамики, со следами нагара. Все это говорит о том, что на вскрытой окраине поселения приготовлением пищи не занимались.

Хозяйственная яма № 3. Размеры ямы 280×140 см. При выборке ямы обнаружено около 70 фрагментов керамики и небольшое количество мелких обломков костей животных. Яма заглублена в материк на 41–64 см. На дне ее находились рваные камни и пли-

ты. Как почти все из рассматриваемых ниже ям, фиксировалась на 15–20 см выше материка. Заполнение состояло из гумусированной земли с вкраплениями углей. В своей юго-восточной части нижней части яма имеет ответвление (выход?), возле которого лежала плитка-терочник. Дно ямы № 3, как и других больших, выравнивалось по горизонтали.

Хозяйственная яма № 11. Размеры ямы 400×180 см. В центральной части находились рваные камни, 37 фрагментов керамики и продолговатые гальки. Глубина ямы от уровня материка выше по склону — 42 и ниже — 20 см, т.е. яма также врезалась в материк и выравнивалась. Вход обращен вниз по склону на юго-восток.

Хозяйственная яма № 12. Размеры — 310×295 см. Заполнение состояло из гумусированной земли с большим количеством материкового песка и щебня, что могло быть следствием намеренного ее заравнивания в древности. При выборке заполнения обнаружено 40 фрагментов керамики (рис. 3, 9, 10), костяной наконечник стрелы (рис. 5, 2) и продолговатые гальки. Глубина ямы в западной части — 70 см; с северо-востока, где расположен вход, она выводилась на уровень материка.

Отдельное сооружение, очевидно, представляло собой скопление ям №№ 16, 17, 18, 19, 21. Их контуры проявились на уровне материка, так как они заглублялись на 2–10 см с уровня пола жилища.

Яма № 16 имела размеры 160×120 см, глубину до 30 см. В центре — скопление рваных камней, среди которых половина — зернотерки. В заполнении обнаружено несколько фрагментов керамики, два из них являются обломками горшка из ямы № 21 (рис. 3, 5). Части этого горшка распределялись в заполнении ямы № 21 от поверхности до 80 см. Несколько фрагментов его было найдено в ямах №№ 1, 15, 16, 17 в квадратах 3/2 и Б/3. В надматериковом заполнении над описываемыми ямами находок нет. Столбовые ямы не выявлены. Очевидно, временное сооружение над ямами №№ 16, 17, 18, 19, 21 занимало около 50 м². Постройка функционировала на последнем этапе существования поселения, так как в западине культурный слой уже не образовался. Вероятно, какое-то сооружение располагалось в северной части поселения над ямами №№ 26–30, где найдено значительное количество керамики, а в ямах №№ 26, 28 — обломки зернотерок. Можно предположить, что прямоугольная яма № 25 также является остатком жилища, заглубленного в материк на 53 см. В заполнении — рваные камни и более десятка фрагментов керамики (рис. 4, 4, 9, 10).

Остальные ямы сильно различаются по размерам. №№ 13 и 30 с отвесными стенами, диаметром 30–40 см., глубиной 60 и 47 см. Ямы №№ 4, 8, 9, 10, 21, 26, 27, 28 диаметром от 60 до 100 см заглаблились в материк от 50–70 см до 123 см (яма № 21). Все они имели в профиле бочонковидную форму, поэтому диаметр верхних краев ям всегда на 15–25 см меньше, чем в средней части. В заполнении всех ям встречены фрагменты или развалы сосудов, кости животных.

Единственный очаг в соседстве с двумя хозяйственными ямами найден в квадрате С/9. Очаг представляет собой пятно золы диаметром 60 см, мощностью до 10 см, расположен на 5 см выше материка. Супесь под очагом слабо прокалена. Каких-либо сооружений у очага не отмечается. Из этого можно сделать вывод, что очаг функционировал непродолжительное время.

Яма № 5 диаметром 220 см. Стенки ее от уровня материка были обмазаны глиной и прокалены. Вероятно, данная яма представляла собой печь для обжига керамики.

Жертвенник. Находился в квадрате Х/2. Выложен в виде круга диаметром около 1 м из сланцевых плиток размерами до 30×10×7 см. Пространство между плитками заполнено гумусом, насыщенным мелкими обломками кальцинированных косточек. Мощность заполнения — 15–18 см. В северо-восточной части жертвенника, в слое кальцинированных косточек (часть из них принадлежит мелкому рогатому скоту) находился бронзовый кинжал с обломанным в древности острием. Верх рукояти несколько расплюсчен ударами по направлению к перекрестью. Длина рукояти до перекрестья 7 см.

Клинок имеет ребро жесткости. Его ширина у основания 2,6 см, на месте слома — 1,4 см. Общая длина кинжала 14,5 см, первоначальная — около 17 см. Несмотря на уменьшенные формы, кинжал мог применяться по назначению в ритуальных действиях; его рукоять без навершия удобно захватывается рукой, клинок, по видимому, неоднократно проковывался (отбивался) и затачивался.

Всего в культурном слое и хозяйственных ямах поселения найдено 45 неполных развалов сосудов и 4476 фрагментов керамики, из них 417 венчиков, 140 фрагментов днищ. Почти все сосуды орнаментировались. Орнамент, как правило, наносился под венчиком. Поясок из округлых ямок встречен на 49 фрагментах, где ямочки всегда располагаются в один ряд, а в сочетаниях — на 70%. Орнаментированная зона сосуда расширяется книзу, когда к пояску из ямок добавлялись, образуя елочку, пояски из наклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампа (22%), иногда — из проречен-

ных косых линий (рис. 2,3). В некоторых случаях так украшалась значительная часть поверхности сосуда (рис. 3,5,6). Гребенчатый орнамент встречен на 6% фрагментов (рис. 3,19,20,22,23), в чистом виде — на 2%. По срезу венчики орнаментировались гладким, иногда гребенчатым штампом или косыми насечками (8%). Орнаментация венчика сочетается со всеми основными видами орнамента и встречается на всех типах сосудов. «Жемчужник», формованные или налепные валики на поселении отсутствуют.

Керамика подразделяется на четыре группы. Первая, самая многочисленная — баночные сосуды, почти все закрытого типа (рис. 2,1-10). Частично реконструируются 20 сосудов. Вторая группа представлена чашами (рис. 2, 11, 12, 16-19). Почти все они орнаментированы только пояском из ямок. Сосуды слабого обжига, в культурном слое расслаиваются от влаги. В хозяйственных ямах их сохранность удовлетворительная. Реконструируется 15 чаш. Подобные чаши, также слабообожженные, в большом количестве встречены при раскопках почти всех поселений Средней Катуни (Элекмонар-4, Партизанская Катущка, Аскат-2, Куротинский Лог-1 и др. [33, рис. 1,5-7]. Таким образом, на поселенческом материале выявляется группа керамики, ранее в Горном Алтае по погребальным комплексам почти неизвестная. Большое количество чаш обнаружено автором и на типично пазырыкских поселениях в окрестностях Больших Башадарских и Туэктинских курганов (Куротинский Лог-1 и др.).

Третья группа представлена горшками. Частично реконструируются четыре сосуда; однако, судя по числу венчиков, их доля на поселении значительнее (рис. 3,5,6).

Четвертую группу составляют кринкообразные сосуды (рис. 3,1-4). Частично реконструируются пять сосудов. Характеризуются раздутым туловом и короткой шейкой. Сосуды всех групп плоскостонны.

Как уже отмечалось, на поселении обнаружено 16 обломков зернотерок и курантов. Куранты типично ладьевидные, сильно сработанные (рис. 5,9,10). Большинство фрагментов и все половины зернотерок (рис. 5,8) найдены в хозяйственных ямах, где их, очевидно, использовали. Найдены обломки от десяти пряслиц и одно целое. Поверхность их не орнаментирована, все однотипны (рис. 5,4-6).

Широко представлены каменные орудия [16]. Определены 3 песта для растирания твердой породы (рис. 5,14,15), грузило-утяжелитель, 2 галечки с заполированной поверхностью для растирания металлической фольги. Несколько галечек, возможно, использова-

пось при выделке шкурок. Для 43 округлых и плоских галечек одинаковых пропорций, толщиной 0,5–1,5 см, диаметром 4–8 см, характерны поперечные, реже — продольные следы затертости (рис. 5, 12, 13). Вероятнее всего ими растирали грубодисперсное вещество не растительного происхождения (шамот, дресва). На некоторых галечках видна забитость. В месте древней свалки найдена плоская овальная галечка со сверленной лункой в центре. Лунка заполнена красной охрой (рис. 5, 7).

Изделия из кости, другой остеологический материал были только в хозяйственных ямах, так как в культурном слое поселения кость не сохраняется. В ямах №№ 12, 21 обнаружены костяной черешковый трехгранный наконечник стрелы (рис. 5, 2) и проколка, изготовленная из кости козули, путем незначительной подработки (рис. 5, 1). Из 73 определимых костей лошади принадлежало 19 фрагментов, крупнорогатому скоту — 19, овце (козе) — 26, собаке — 3, козуле — 4, лисе обыкновенной — 1, дикому кабану — 1 фрагмент. Кроме того 77 мелких неопределимых костей отнесены условно мелким рогатым животным — домашним и диким; 13 фрагментов принадлежали крупным рогатым животным [8].

Жители поселения Чепощ-2 вели комплексное хозяйство. В отличие от полукочевых соседей, значительную роль в их хозяйстве играло земледелие, не меньшее место занимало скотоводство. Судя по полученным поселенческим материалам раннего железного века [7, 35], с учетом природно-климатических условий и этнографических параллелей, можно говорить, что первое место в стаде занимала лошадь, затем — крупнорогатый скот и, сравнительно немного, содержалось мелкорогатого скота, так как на покрытых лесом склонах на этом увлажненном участке реки Катунь, при высоком снежном покрове, добывать корм было затруднительно. Население охотилось ради мяса, шкур, пушнины, для чего, конечно, использовались собаки. находка грузила указывает на занятие рыбной ловлей.

Датировка поселения. Костяной двухщипный трехгранный наконечник стрелы из ямы № 12 не дает узкой даты. Такие наконечники известны на Алтае с эпохи бронзы. Двух- и однотипные костяные наконечники стрел найдены в курганах Кер-Кечу V–IV вв. до н.э. [18, с. 73, рис. 11, 1] и в Ближних Елбанах на памятниках большеберченского этапа [9, табл. XV, 35]. Подобные трехгранные трехщипные бытуют в Горном Алтае по меньшей мере с VI в. до н.э. [25, с. 59; 6, с. 58; 13, с. 35–36] и выходят из употребления в III–II вв. до н.э. [25, с. 59; 11, с. 57; 12, с. 74–77] еще до окончательного угасания пазырыкской культуры. В более

позднее время известны двухшипные, но гораздо более крупные наконечники в лесостепном Алтае, на Ближних Елбанах, в погребениях фоминского этапа [9, табл. 51, 7–11]. Уточнить время существования поселения позволяют два, найденные в развалах, сосуда (рис. 2,9; 4,1). Сосуд с двумя рядами жемчужника, чередующегося с подтреугольными вдавлениями уголка лопатки, и расположенными по венчику пояском из косых оттисков гребенчатого штампа, аналогичен керамике большепереченской культуры VII–VI вв. до н.э. [9, табл. X,9, XIII,3 и др.]. Та же орнаментация, но с заменой гребенчатого штампа гладким на сосуде из землянки № 5 [9, табл. XIV, 12]. Два пояска жемчужин, чередующихся с подтреугольными вдавлениями, имеют сосуды бийского этапа большепереченской культуры VI–V вв. до н.э. [9, табл. XXII, 5; 1]. Обломки рассматриваемого сосуда лежали на одном уровне на площади около 1,5–2 м² и перекрывали яму № 24, откуда происходят фрагменты керамики, украшенные пояском из наколов в чистом виде и в сочетании с гладким штампом, два фрагмента орнаментированы елочкой (рис. 4,5–8). Орнаментация и формы сосудов из ямы № 24 типичны для всего керамического комплекса поселения Чепош-2. В пользу ранней датировки говорит находка в квадрате Ж/4 на древней свалке мусора в слое с типичной для поселения керамикой развала баночного сосуда, украшенного двумя рядами подтреугольных вдавлений и находящимся между ними пояском округлых вдавлений (рис. 2,9). Ближайшие, надежно датированные фрагменты баночного сосуда с подобной орнаментацией, происходят из остатков тризны под каменной насыпью Второго Башадарского кургана [21, рис. 42,6], датированного серединой VI в. до н.э. [21, с. 336; 17, с. 14].

Кинжал из квадрата X/2, на наш взгляд, определяет более поздний этап существования поселения. Необходимо подчеркнуть, что жертвенник находился в культурном слое и часть его заполнения в виде кальцинированных косточек выходит за пределы выкладки на 10–20 см, соседствуя с обычной для поселения керамикой. Навершие кинжала не сохранилось или его не было вовсе. Перекрестие представляет собой промежуточный вариант между «дуговидными» и «сломанными под углом». Оно наиболее близко декорированным головами кабанов [18, рис. 6,7; 25, рис. 16,1] или баранов [19, с. 193]. Кинжалы и мечи с такими перекрестиями относятся к IV в. до н.э. Таким образом, имеющиеся материалы позволяют нам датировать поселение в пределах VII–IX вв. до н.э.

Рис.1а. Схема расположения поселений, выявленных в 1984-1987 годах между сёлами Чепощ и Элекмонар.

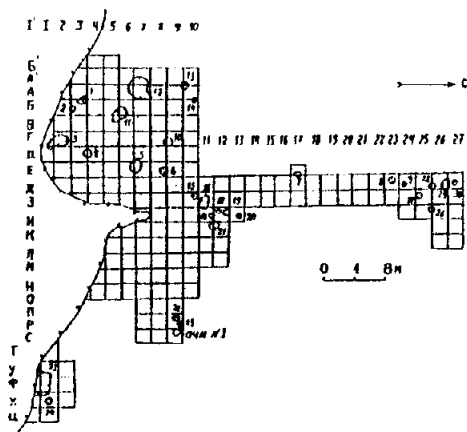

рис.1б. Поселение Чепощ-2. План раскопа.

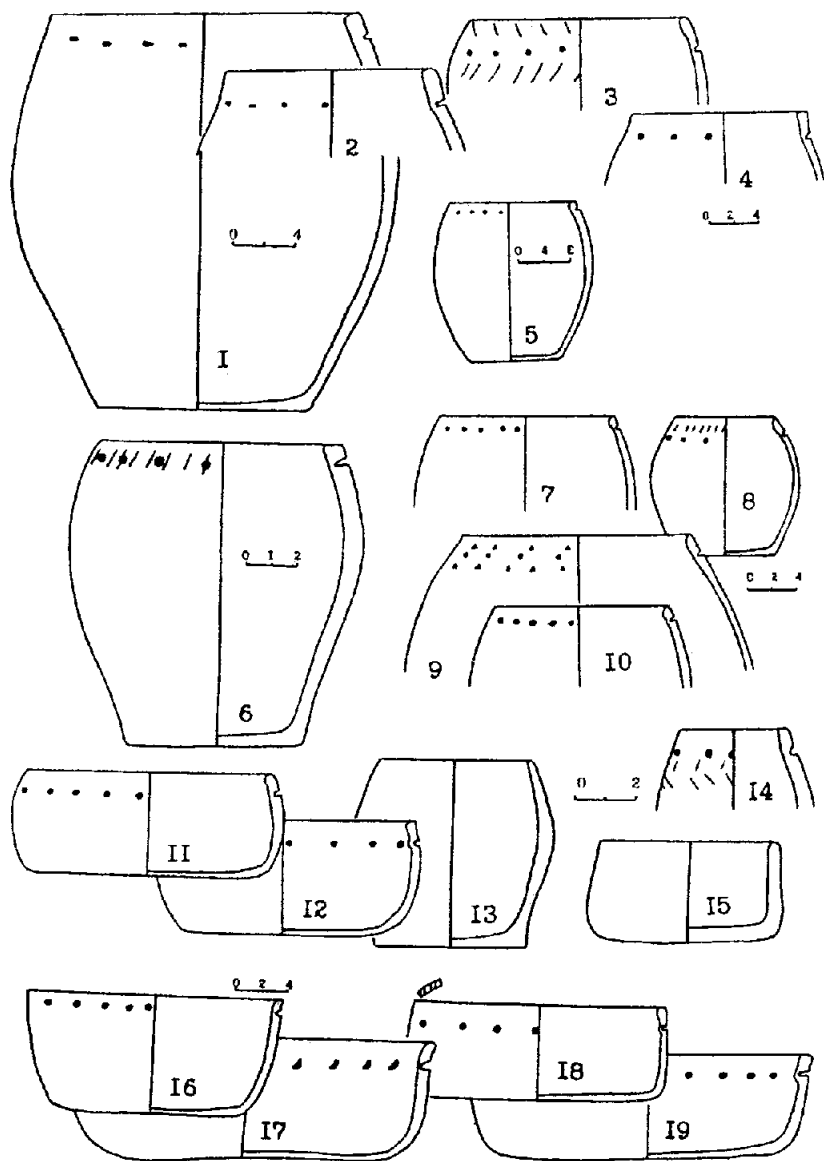
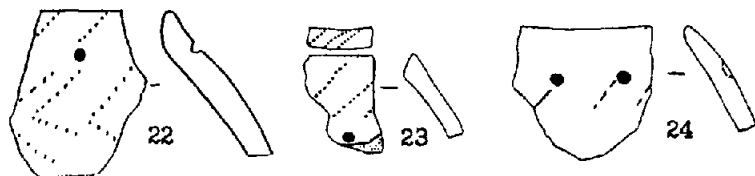
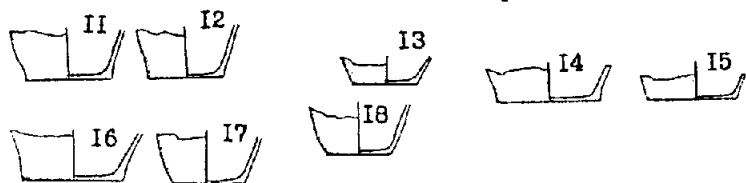
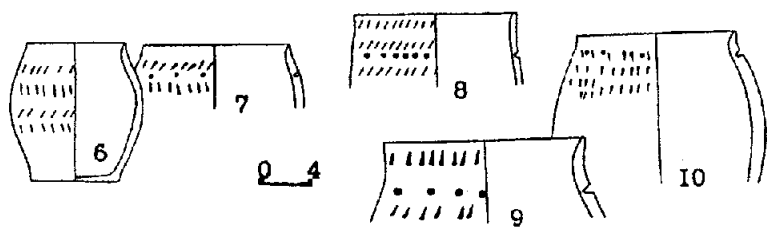
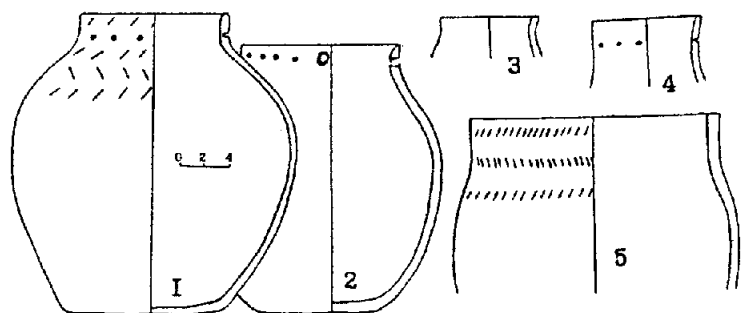

Рис.2. Поселение Чепеш-2. Керамика.

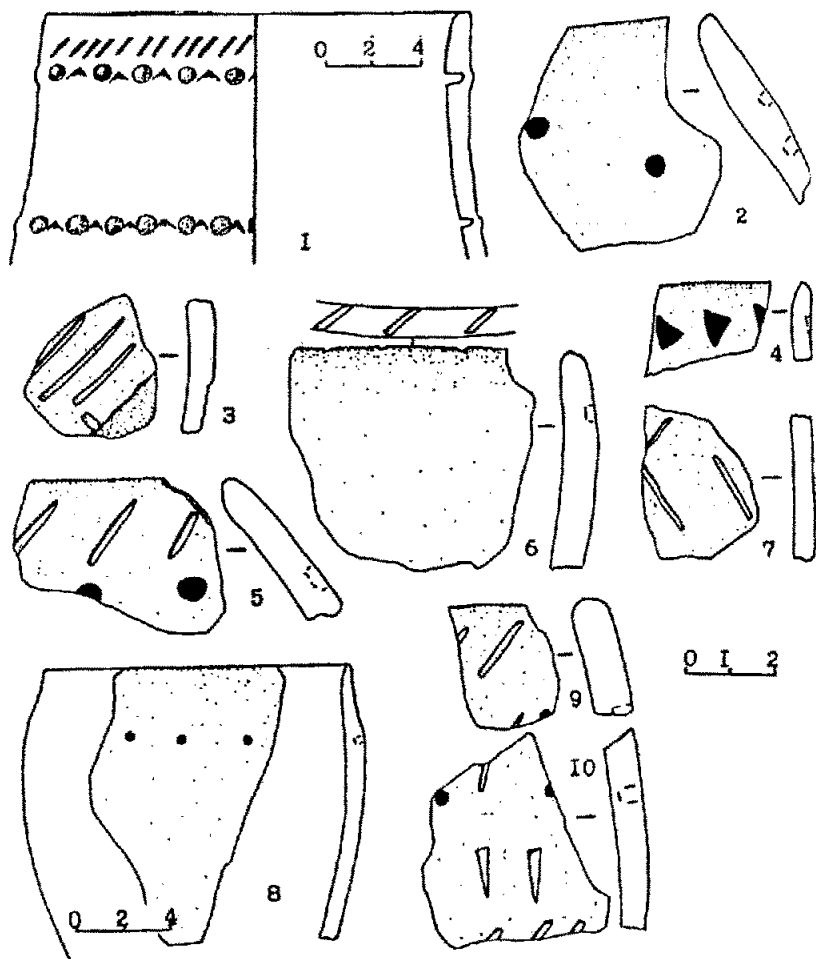

Рис.4. Поселение Чеш-2. Керамика из ям № 24,25 и перекрывающего их слоя /1-3/: яма №25 - 4,9,10; яма №24 - 5-8.

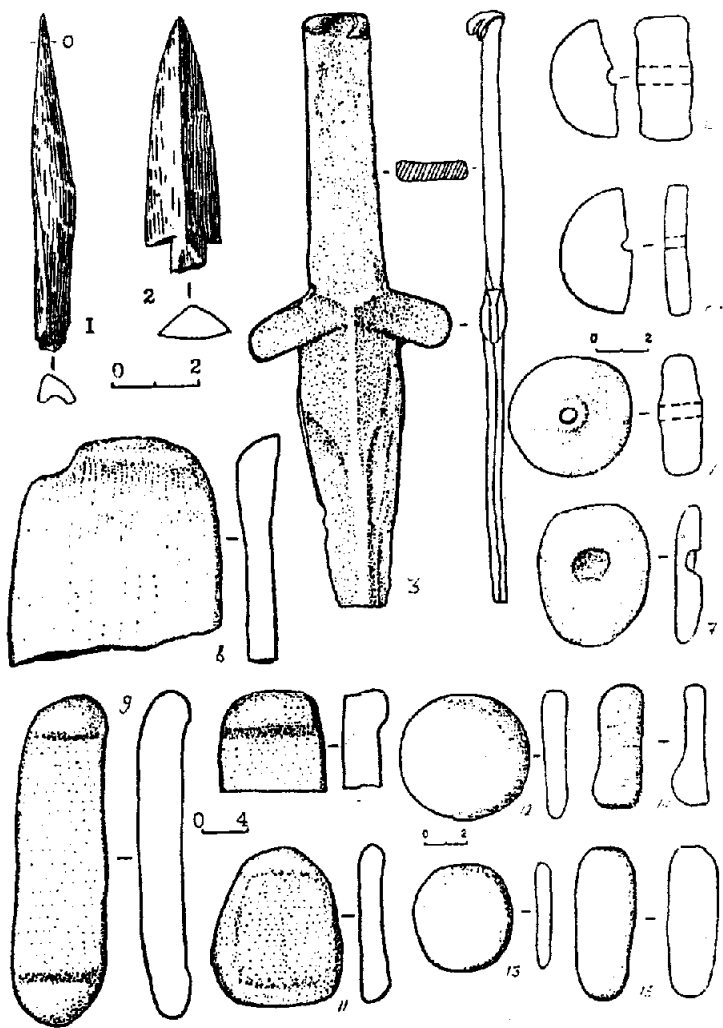

Рис. 5 Поселение Чепоч-2. Инвентарь.
 1-2 — кость; 3 — бронза; 4-6 — керамика; 7-13 — камень.

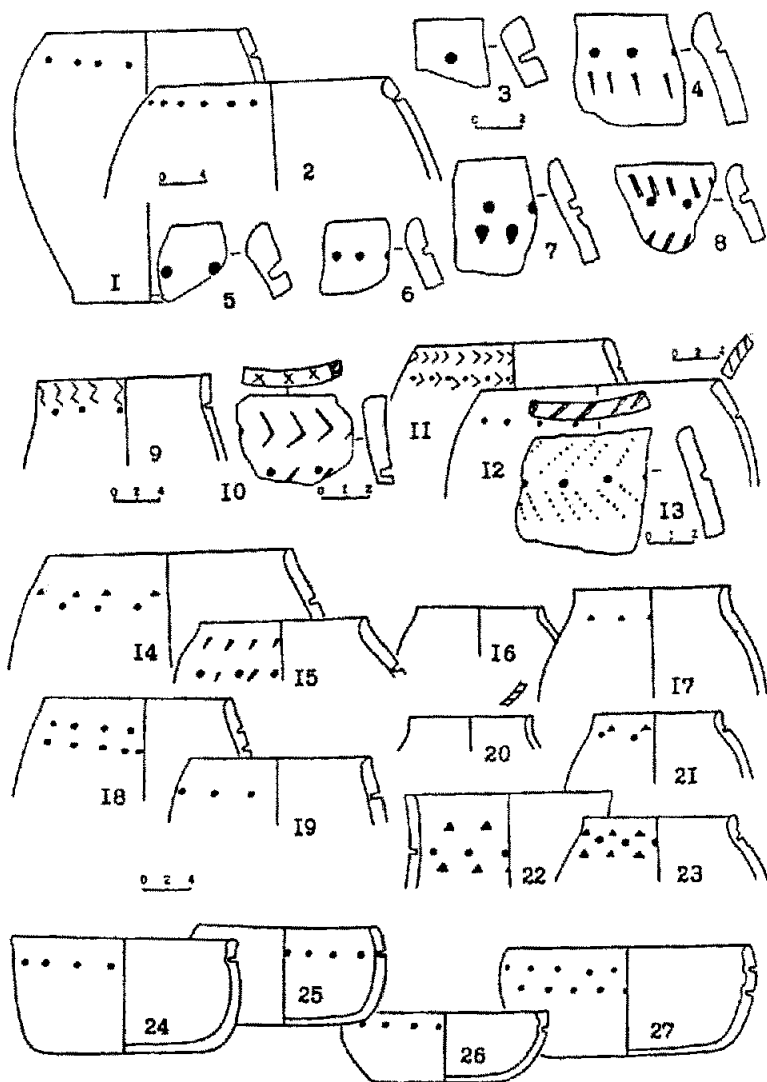

Рис. 6. Поселение Узнезя-4 /1-8/; поселения Кастахта-3 /9-27/.

Предложение отнести Чепош-2 к майминской культуре I половины I тыс. н.э. [3, с. 62] неправомерно. Керамика относимых к майминской культуре городищ Сайлапского и Курлапского [22], поселения Ушлеп-5 [15], а также соответствующего слоя поселения Майма-1 (с керамикой которого нам удалось ознакомиться с любезного разрешения М.Т. Абдулганеева) совершенно иная — «средневекового» облика по обжигу, профилировке, орнаментации и известна нам по поселенческим материалам Горного Алтая, где она хорошо вычленяется стратиграфически. Некоторые элементы орнаментации керамики Сайлапского и Курлапского городищ и слоя I тыс. н.э. на поселении Майма-1 (сочетание наколов с елочкой, напесенной гладким или гребенчатым штампом и вертикальных вдавлений стеблем травы), наблюдаемые и в чепошской керамике, могут быть объяснены как стадийными изменениями, приведшими к исчезновению «жемчужника» и налепных валиков в нач. I тыс. н.э. в северных предгорьях Алтая, так и возможной культурной преемственностью более поздних «майминских» поселений.

Наиболее сложным является вопрос этнокультурной принадлежности поселения Чепош-2 [4]. Поселение Чепош-2 и, возможно, еще слабоизученные Узнезя-4 (рис. 6, 1-8), Куюм (рис. 1) на фоне поселений раннего железного века Средней Катуни и северного Алтая, пока стоят особняком. Одиночные фрагменты, близкие керамике чепошского типа, найдены на поселении Узнезя-1 [23, рис. 3, 2, 8], Дуган (правый берег р. Куюм, неподалеку от поселения Куюм [24], Тыткескен-3 [14, рис. 7, 5], в сборах на многослойном поселении Майма-1 [10, рис. 6; 7, 1-4]. Однако, за исключением двух сосудов с большепереченской и кастахтинской (бападарской) орнаментацией (рис. 4, 1; 2, 9), влияние соседних культурных групп почти не отразилось на керамическом комплексе поселения Чепош-2. Здесь полностью отсутствует обычная для других поселений керамика эпохи неолита, бронзы, скотоводческих поселений раннего железного века, средневековья, что объясняется, очевидно, его расположением в неудобном для скотоводов Горного Алтая месте.

Наиболее близкой чепошской нам представляется кастахтинская керамика на поселениях Кастахта-3 (в 10 км к СВ от с. Усть-Кокса), Текпенек-Боочи-2 и 3 (в 400-600 м к З и СЗ от Второго Башпадарского кургана), получивших условное название «земледельческие».

Для памятников этой группы характерны следующие признаки:

1. Поселения на Средней Катуни расположены на пологих склонах южной экспозиции, а не в логах или у подножия скло-

нов — обычного месторасположения поселений скотоводов Горного Алтая с эпохи энеолита до современности [32].

2. На поселениях Чепош-2 и Кастахта-3 (вскрыто 300 м²) встречено значительное количество орудий земледельцев — соответственно 21 и 14 обломков зернотерок и курантов, тогда как на «скотоводческих» поселениях Аскат-2, Партизанская Катунка (слой раннего железа) найдено лишь по одному обломку сработанных камней, которые можно определить как курапты. На Элекмонаре-4 зернотерок пока не найдено (вскрыто 52 м²). Крайне редки они на десятках распаханых поселений. Однако, до получения более представительных материалов, этим наблюдениям нельзя придавать слишком большого значения, так как на типично пазырыкском поселении Куротинский Лог-1 близ Больших Туэктинских курганов на вскрытой площади 132 м² найдены: обломок нижнего камня зернотерки, две заготовки курантов и четыре целых или обломанных куранта.

3. Важнейшее отличие «земледельцев» от скотоводов проявляется в орнаментации керамики. На сосудах из поселений Чепош-2, Узнезя-4 (рис. 6,1-8) и Кастахта-3 (рис. 6,9-27) нет налепных валиков и «жемчужника», характерных для всех скотоводческих поселений Горного Алтая [31, 33] и северных предгорий [9].

Несмотря на определенное сходство с чепошской, кастахтинская керамика наиболее близка башадарской (насыпь Второго Башадарского кургана, расположенные в 300–400 м от него поселения Текпенек-Боочи-2 и 3) [21, рис. 40–44], датируемой VI в. до н.э. Интересно, что фрагмент днища, украшенного вдавлениями в виде концентрических окружностей с поселения Текпенек-Боочи-2, имеет единственную в Горном Алтае аналогию с насыпи Второго Башадарского кургана [21, рис. 44]. Горшки из жилища на поселении Текпенек-Боочи-3 по профилировке, отсутствию на многих из них орнаментации, соответствуют сосудам, разбитым во время тризны на Втором Башадарском кургане. С этого же поселения (проводилась только шурфовка) происходит и орнаментированный елочкой фрагмент, близкий черепкам от сосуда, найденного на месте тризны в насыпи Второго Туэктинского кургана [21, рис. 93], также относимого к середине второй половины VI в. до н.э. [21, с. 336; 17, с. 14]. Представляется наиболее верным, что поселения с керамикой этих типов оставлены населением, проживавшим в Горном Алтае еще до прихода пазырыкских племен. Автохтонное население, ведущее комплексное хозяйство, продолжало сосуществовать с пазырыкцами и даже принимало участие в похоронах пазырыкских вождей в VI в. до н.э.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа в Верхнем Приобье // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 51–56.
2. Абдулганеев М.Т. Валиковская керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул, 1994. — С. 106–109.
3. Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. до н.э. — сер. I тыс. н.э. / по материалам поселений // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 59–63.
4. Абдулганеев М.Т. ошибается, приписывая автору идентификацию «земледельческих» поселений с каракобинскими могильниками. См.: Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации... 1994. — С. 62 и Шульга П.И. Исследование поселений... 1990. — С. 85.
5. Абдулганеев М.Т., Алексин Ю.П. и др. Работы Алтайского университета // АО, 1986. — М., 1988. — С. 202–206.
6. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-1 и Кырлык-2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 51–88.
7. Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 94–106.
8. Все определения костей животных сделаны А.В. Гальченко.
9. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА, 1956. — № 48. — 256 с.
10. Киреев С.М. Поселение Майма-1 в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 165–191.
11. Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1987. — С. 55–60.
12. Кубарев В.Д. Курганы Сайлогема. — Новосибирск, 1992. — 219 с.
13. Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. — Кемерово, 1976. — Вып. 7. — С. 3–41.
14. Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. — Барнаул, 1994. — С. 43–58.

15. Кунгуров А.Л. Средневековое поселение Ушлеп-5 // Курганы древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 99–107.
16. Все определения сделаны Н.Ю. Кунгуровой.
17. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–V вв. до н.э.). — Автореф. канд. дис. — Л., 1985. — 16 с.
18. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар 1, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1983. — С. 3–39.
19. Могильников В.А. Меч с зооморфными изображениями из Верхнего Приобья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 191–195.
20. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры и населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 60–107.
21. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая. — М.-Л., 1960. — 489 с.
22. Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая /по материалам Сайлацского и Курлацского городищ // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 62–71.
23. Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 19–26.
24. Устное сообщение Н.Ф. Степановой.
25. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. — Горно-Алтайск, 1989. — 215 с.
26. Шульга П.И. Работы по рекам Катунь и Урсул // АО — 1984. — М., 1986. — С. 207.
27. Шульга П.И. Работы в Шебалинском и Онгудайском районах Алтая // АО. — 1985. — М., 1987. — С. 295.
28. Шульга П.И. Значение экологического фактора в жизни населения Горного Алтая в I тыс. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. — Кемерово, 1987. — С. 55–57.
29. Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1990. — С. 83–87.
30. Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае. — Автореф. канд. дис. — Кемерово, 1990. — 16 с.
31. Шульга П.И. К вопросу о взаимодействии населения Горного Алтая и предгорий // Проблемы хронологии и периодизации

- археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул, 1991. — С. 131–132.
32. Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1991. — С. 155–159.
33. Шульга П.И. Раскопки «скифского» поселения Аскат-2 на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 64–65.
34. Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1993. — С. 86–89.
35. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 48–60.

А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин

**Результаты исследования
памятника эпохи раннего железа
Усть-Иштовка 1 на Алтае**

В ходе разработки глиняного карьера для кирпичного завода у с. Вяткино Усть-Пристанского района Алтайского края был обнаружен в 1986 г. древний могильник, расположенный на мысу, близ устья р. Иштовка (рис. 1-1). Несколько погребений разрушено во время проведения работ в карьере.

Первоначально необходимые охранные работы по поручению Алтайского краевого совета ВООПиК проводил В.Б. Бородаев, который обследовал на площади, подготовленной под карьер 3 погребения. Что касается такой информации в последней публикации Ю.П. Алехина, то она ошибочна [3, с. 68]. Затем археологические исследования были продолжены осенью 1986 г. одним из авторов статьи. В результате раскопок 12 могил получено значительное количество фактического и информационного материала о погребальном обряде населения, проживавшего на левом берегу р. Обь в эпоху раннего железа [1, с. 203-204]. Найденные вещи ныне хранятся в Алтайском краевом краеведческом музее г. Барнаула (инв. № 14773/1-7) и в музее археологии Алтая при Алтайском государственном университете.

В 1987 г. охранные работы на уже известном могильнике у с. Вяткино проводил Ю.П. Алехин, который обнаружил и исследовал 5 погребений, материалы которых опубликованы [3, с. 68-69, рисунок]. К тому времени основная часть памятника была уже уничтожена карьерами, постройками и в ходе естественного разрушения береговой линии мыса.

Могильник Усть-Иштовка 1, получивший название по своему месту расположения, дал богатый и разнообразный вещевой комплекс, в котором нашли свое отражение результаты взаимодействия нескольких культур населения, проживающего в тот период времени вблизи предгорий Алтая. Материалы погребений таковы:

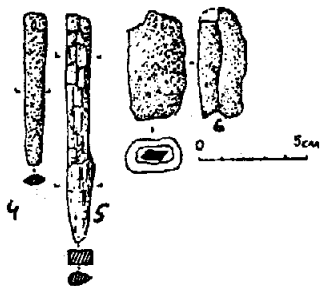
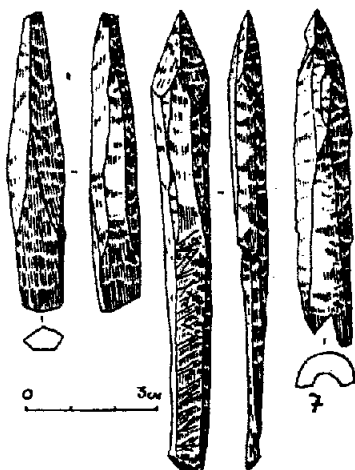
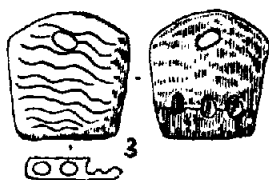
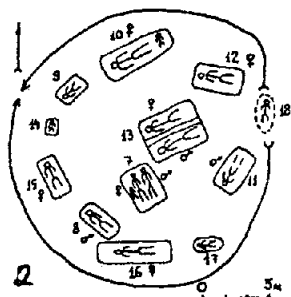
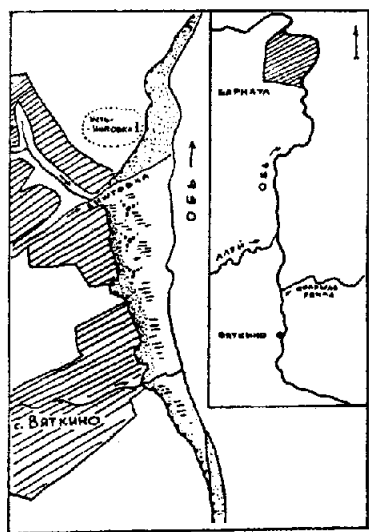

Рис. 1. 1 — расположение могильника Усть-Иштовка I; 2 — соотношение могил 7-18 на месте разрушенного кургана; 3 — костяная пряжка из могилы 4; 4 — нож из могилы 9; 5 — нож из могилы 8; 6 — железный предмет из могилы 4.

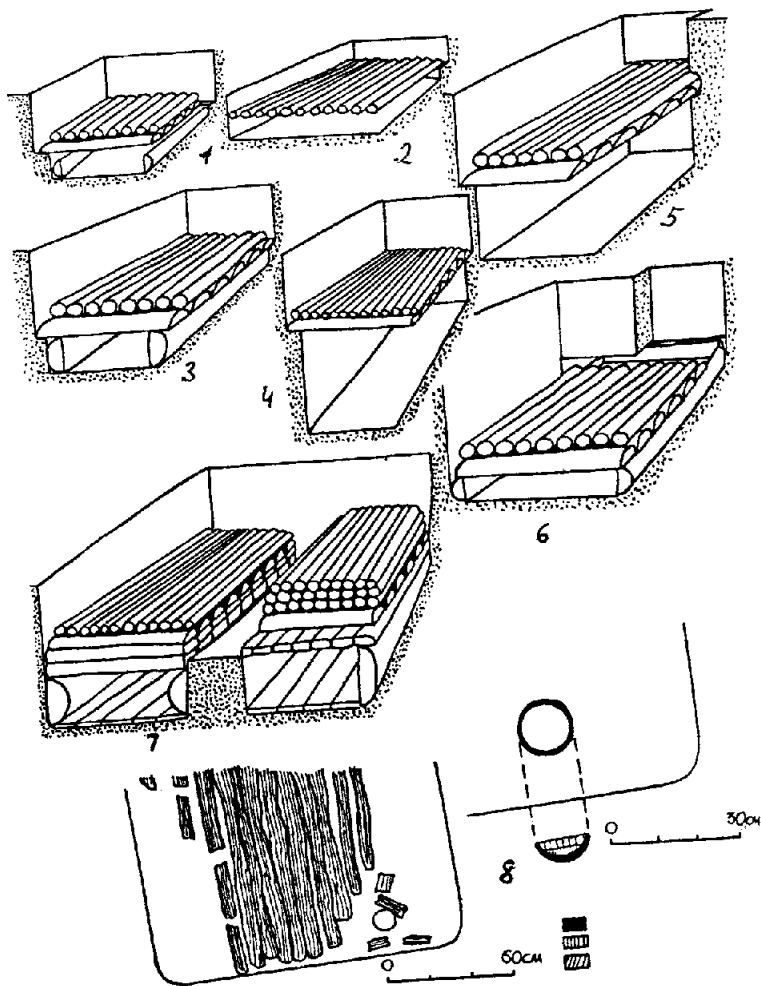

Рис. 2. Реконструкция погребальных сооружений
могильника Усть-Иштовка I
(1 — мог. 4, 2 — мог. 7, 3 — мог. 11, 4 — мог. 10,
5 — мог. 8, 6 — мог. 15, 7 — мог. 13); 8 — деталь могилы 7.

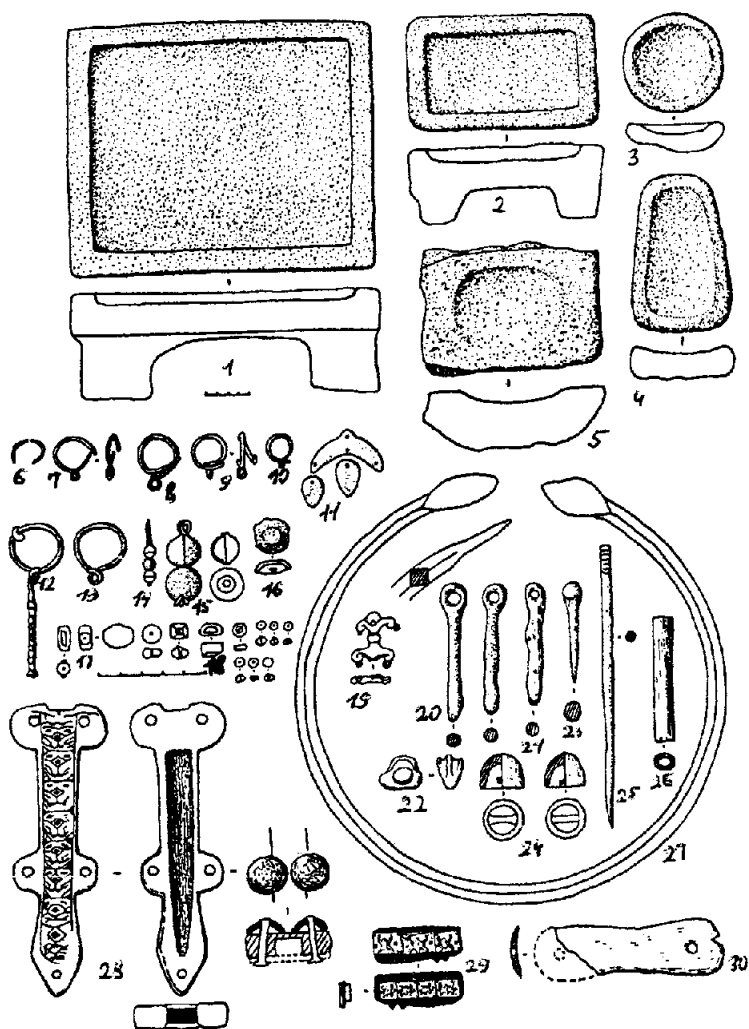

Рис. 3. Инвентарь могильника Усть-Иштовка I.

Мог. 2 (4), мог. 7 (2, 7, 6, 18, 26), мог. 8 (22), мог. 9 (20),
 мог. 10 (5, 10, 14, 15, 28, 29), мог. 11 (24), мог. 12 (1, 9, 16, 17, 19),
 мог. 13 (3, 12, 18, 21, 23, 27), мог. 15 (8, 11, 30), мог. 16 (25).

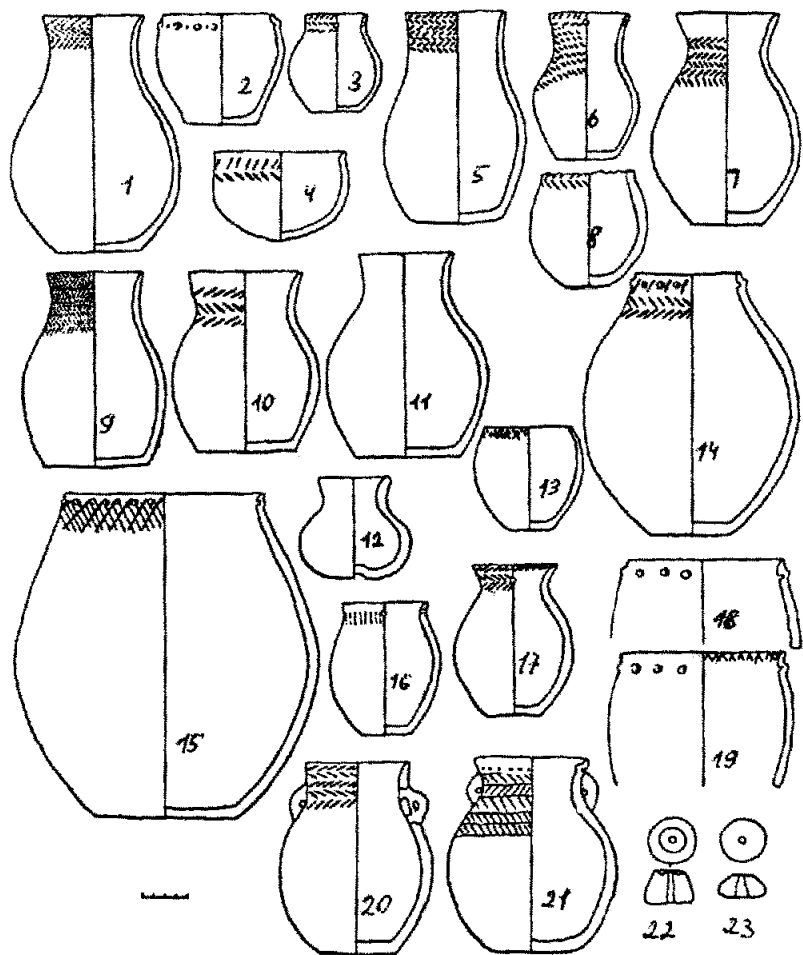

Рис. 4. Керамика могильника Усть-Иштовка I.
 Мог. 1 (1), мог. 2 (4, 14, 23), мог. 4 (2), мог. 7 (3, 8),
 мог. 8 (5), мог. 9 (6), мог. 10 (7), мог. 11 (16, 17),
 мог. 12 (21), мог. 13 (15, 22), мог. 15 (12, 20), мог. 16 (11, 13).
 Сборы из разрушенных погребений — 10, 18, 19.

Могила 1 наполовину разрушена карьером. Размеры сохранившейся части 1,1×0,75, глубина 0,55 м. На дне лежали таз, нижние конечности и локтевая кость правой руки мужчины (все половозрастные определения по костям людей сделаны А.Р. Кимом), который был уложен вытянуто на спине, головой на север. Между стенкой и голенью правой ноги лежал кувшин с трехрядным елочным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом (рис. 4-1). На высоте 0,2-0,25 м от дна, на стенках могильной ямы, фиксировался тлен от деревянного перекрытия.

Могила 2. Размеры сохранившейся части 1,6×1,3 м, глубина 1,3 м. На дне ямы находились таз и нижние конечности женщины, которая, судя по сохранившимся костям, лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Сохранилось деревянное перекрытие, располагавшееся на продольных заплечиках могильной ямы на высоте 0,2 м от дна. Перекрытие представляло собой раму из поставленных на ребро брусьев, сверху которых находились доски, держащие накат из 2-3 рядов бревен, часть из которых березовые. В одном углу сохранившейся части погребальной камеры стоял горшок (рис. 4-14), а в другом — курильница (рис. 3-4), здесь же найдены пряслице, фрагмент керамики и еще один сосуд (рис. 4-4,23).

Могилы 3, 5, 6 полностью разрушены карьером. Из могилы 5 происходят обломки сосуда (рис. 4-19).

Могила 4 имела следующие размеры: 2,55×1,25 м, глубину от поверхности карьера 0,8 м. По периметру ямы был оставлен материковый уступ шириной 0,1-0,2 м, высотой от дна — 0,28 м. Погребение разграблено. Судя по всему, умерший человек был уложен вытянуто на спине, головой на СЗЗ. На материковые уступы было положено деревянное перекрытие, а на дне находилась рама из приставленных друг к другу колотых сосновых бревен (рис. 2-1). В заполнении могильной ямы найдены угли, обломки железного предмета (обойма?), втулка, костяная пряжка (рис. 1-3,6) и обломки сосуда, украшенного ближе к венчику рядом жемчужника, разделенного ямками (рис. 4-2).

Могила 7. Располагалась почти на поверхности карьера, частично разрушена. Яма имела размеры: 2,25×1,45 м, глубиной 0,2 м. Сохранилось деревянное перекрытие (рис. 2-2). В юго-восточном углу обнаружены остатки круглодонной чашки, диаметр которой 0,12 м, высота 0,05 м, сделанной из дерева. Сверху в чашке зафиксирован слой золы, а ниже древесный уголь, который, видимо, некоторое время тлел после сооружения перекрытия. На дне могилы были погребены вытянуто на спине, головами на ССЗ, мужчина, женщина

и младенец. Умерший мужчина в возрасте 25–30 лет. Ноги разрушены бульдозером. У головы умершего найдена задняя нога барана в сочленении с частью таза и железный нож (рис. 1–4). У левого локтя, в небольшом подбойчике в материковой стенке могилы, стоял каменный алтарик с бортиком на четырех ножках (рис. 3–2). В ногах найдена трубочка из птичьей кости с обрезанными эпифизами и обломки небольшого сосуда.

Возраст погребенной женщины — 25–30 лет, череп завален вправо и вниз (лицом к младенцу), справа от него лежала кость ноги барана в сочленении с астрагалом и фалангами, у правого колена находился небольшой сосудик со срезанным бульдозером венчиком (рис. 4–8). У головы погребенной найдены: две бронзовые проволочные серьги (рис. 3–6,7), 6 пастовых и 2 бронзовые бусины (рис. 3–18).

Возраст младенца — до одного года. Лицо было повернуто к локтю скелета женщины. Справа от головы стоял кувшинчик с елочным орнаментом и двумя отверстиями для подвешивания (рис. 4–3).

Могилы 8. Яма размерами 2×1 м. На глубине 0,7 м обозначился материковый уступ шириной до 0,1 м у юго-восточной стенки, на противоположной же стенке зафиксирован подбой шириной около 0,1 м. На уступе и в подбое находилось деревянное перекрытие (рис. 2–5), которое образовывало потолок погребальной камеры высотой 0,8 м от дна. Общая глубина могилы — 1,15 м. Между поперечными и продольными горбылями обнаружен слой травы, предохраняющий попадание земли внутрь камеры. На дне ямы был погребен умерший мужчина 45 лет вытянуто на спине головой на СЗ. Дно и скелет человека засыпаны золой. Слева от черепа найдены кости ноги и таза барана, а также железный нож (рис. 1–5). У левой голени, на боку, поверх слоя золы, лежал кувшин с елочным орнаментом (рис. 4–5), а у правой — костяное кольцо (рис. 3–22). В заполнении могильной ямы встречен древесный уголь.

Могилы 9. Яма размерами 1,4×0,8 м, глубиной 0,9 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На глубине 0,7 м прослежен тлен от перекрытия. На дне могилы лежал скелет ребенка 7–8 лет, который был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Справа от черепа находился кувшинчик с отверстиями для подвешивания, украшенный 9 рядами косо поставленных оттисков гребенчатого штампа (рис. 4–6). У кисти левой руки найдена бронзовая подвеска (рис. 3–20), подобная же подвеска оказалась у правого колена (рис. 3–20). Кости скелета лежали на слое золы. В заполнении ямы встречались крупные куски древесного угля и куски спекшейся глины.

Могила 10. Яма длиной 3 м, шириной в северо-восточном конце 1,1 м, в юго-западном — 0,9 м, глубиной 0,9 м. Материковые уступы шириной 0,1–0,15 м обозначились на глубине 0,3 м. На них лежали остатки перекрытия, представляющего собой настил из сосновых горбылей, перекрытый в один ряд бревнами и жердями. Высота погребальной камеры 0,5–0,6 м. На дне вытянуто на спине лежал скелет женщины 20–25 лет черепом на ЮЮЗ. У правого колена на боку лежал раздавленный кувшин (рис. 4–7), а у левого бедра, ближе к колену — пустой футляр из рога лося для небольшого кинжала-стилета. На срединных лопастях футляра имелись следы железных заклепок диаметром 2,5 см полусферической формы. К ним припаяны шпеньки, притягивающие к футляру с задней стороны, видимо, какое-то органическое (кожаное?) покрытие. На лицевой стороне ножен имеется орнамент в виде вертикального ряда сильно стилизованных морд кошачьего хищника (рис. 3–28). Футляр лежал орнаментированной стороной вниз, возможно, он отвалился от крепления, находившегося на бедре умершей. Под черепом оказалась россыпь из 105 пастовых бисерин зеленоватого, голубого, желтого и белого цвета, а также золотая серьга (рис. 3–10) и две подвески. Одна такая вещь сделана из бронзовой проволоки сечением 1,5–2 мм с закрученными концами, между которыми находилась крупная темно-синяя пастовая бусина и подвеска из серебряной фольги, полностью окислившейся (рис. 3–15); вторая представляла собой бронзовый стержень из двух скрученных проволочек с распущенными концами, между которыми закреплены (снизу-вверх) две золотые полусферы, образующие разомкнутый шарик, затем круглая черная пастовая бусина и еще две аналогичные полусферы; оставшийся стержень туго обернут золотой проволокой, сечением около 0,5 мм (рис. 3–14). С правой стороны черепа расчищены 7 штампованных нашивок бляшек из серебряной фольги, закрепленных на ткани, образующей «кулек». На одной стороне нашито 3 бляшки, на другой — 4. Ткань, по-видимому, составляла основу головного убора, к которому крепились нашивки, подвески и бисер. Скелет частично перекрыт плотным слоем золы. В ногах у умершей, перпендикулярно ей, головой на ЮВ лежал скелет младенца. Справа от его черепа найден срединный обломок куранта с углублением, использованный, похоже, вместо алтарика (рис. 3–5).

Могила 11. Яма размерами 2,5×1,1 м, глубиной 0,65 м. Ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Могила имеет сложную конструкцию. На два крупных продольных горбыля, поставленных вровень с узкими материковыми уступами высотой от дна ямы 0,3 м, уло-

жепы окоренной стороной вверх такие же крупные горбыли-подперечники. Они составляют плотный и прочный потолок погребальной камеры, на котором находился настил из 10-11 березовых бревен, затем забросанный большим количеством, видимо тоже березовых, веток. Ветки, вероятнее всего, предотвращали попадание в камеру земли. Торцовых плах не было. Могила имеет впускное погребение. Сама конструкция внутри ямы подготовлена для взрослого человека. Спустя некоторое время она была вскрыта. Основная часть скелета мужчины 30-35 лет вынута и на ее место положен ребенок 2,5-3 лет. Кости первого умершего были сложены в юго-западной части могилы после вторичного перекрытия камеры. Среди них найдены два одинаковых бронзовых изделия (рис. 3-24). Судя по сохранившимся костям голени и стоп первого скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В аналогичной позе находился похороненный позже ребенок. Слева от ног взрослого стоял кувшинчик (рис. 4-16), второй сосуд лежал у левой руки ребенка (рис. 4-17). Следует отметить хорошую сохранность костей и черепа мужчины, уложенных на перекрытие и плохое состояние скелета ребенка и голени взрослого в погребальной камере. Это свидетельство относительной одновременности обоих захоронений.

Могила 12 размерами 2x1,5 м, глубиной 1,6 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В юго-восточной стенке ямы вырублен подбой высотой 0,3 м и шириной 0,2 м. Стенки ямы укреплены рамой из приставленных друг к другу сосновых горбылей окоренной стороной наружу. Рама перекрыта березовыми горбылями. На поперечины уложено 6 березовых бревен. В подбой вставлена рама, но настил его не закрывает (рис. 2-6). На дне ямы (у юго-западной стенки) на подстилке из тонких досок лежал скелет женщины 20-25 лет, которая была уложена вытянуто на спине головой на СЗ. Слева от головы находились кости задней ноги барана, таза, крестца и 2 обломка железного предмета (ножа?). На костях правой кисти руки найдены 4 пастовые бусины (рис. 3-17). У левой голени находились бронзовые бляшки (рис. 3-16) и железный стержень. Здесь же стоял алтарь с бортиком на 4-х ножках (рис. 3-1) и сосуд с «ушками» для подвешивания, украшенный наклонными отпечатками гладкого штампа, разделенными прочерченными линиями (рис. 4-2). Под головой найдена золотая подвеска в форме лотоса из двух штампованных половинок, спаянных между собой и золотая серьга (рис. 3-19,9).

Могила 13 имела следующие размеры: 2,5x2,7 м, глубина 0,2 м от поверхности карьера. В яме были сделаны еще два углубления

прямоугольной формы (2,5×1 м), в которых находились погребения. Перекрытия каждой из этих камер было своеобразным (рис. 2-7).

Погребение 1. Дно погребальной камеры выстлано тонкими досками, на которых обнаружен скелет женщины 35-40 лет. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ. По обеим сторонам черепа найдены две схожие бронзовые серьги (рис. 3-12,13), к одной из которых подвешен стерженек, обвитый прокованной проволокой. В области шеи зафиксированы остатки железной гривны, квадратной в сечении, с уплощенными концами, без наверший (рис. 3-27). Слева от черепа обнаружена бронзовая булавка с шариком-навершием (рис. 3-23), а у плеча — небольшая круглая курильница, лежащая вверх дном (рис. 3-3) и крестец барана. Другой крестец овцы находился у кисти левой руки, отдельные позвонки и железный нож находились слева от черепа. У стопы правой ноги найдено пряслице (рис. 4-22).

Погребение 2. Дно камеры покрыто тонкими досками, на которых лежали кости скелета мужчины 40-50 лет, погребенного вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В ногах умершего находился развал крупного горшка (рис. 4-15) и небольшой банки. Слева от головы найдены железный нож и крестец барана, на груди — костяная подвеска (рис. 3-21).

Могила 14. Яма размерами 0,8×0,45 м и глубиной 0,4 м ориентирована СЮ. На дне ямы вытянуто на спине головой на С лежал погребенный ребенок, возраст которого 2 года. Находок нет.

Могила 15. Яма размерами 2,15×1,1 м и глубиной 1,1 м ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Прослежены следы плохо сохранившегося деревянного перекрытия на глубине 0,9 м. По периметру ямы оставлен материковый уступ шириной 0,1-0,2 м. На дне могилы вытянуто на спине, головой на СЗЗ была погребена женщина 16-18 лет. Справа от головы находился кувшин с «ушками» для подвешивания и елочным орнаментом (рис. 4-20), второй сосуд небольших размеров найден у левого колена (рис. 4-12), там же лежала обломанная костяная пластина с отверстием (рис. 3-30). Под черепом найдена серьга (рис. 3-8) и лунница с двумя семячковидными подвесками (рис. 3-11). У верхней части левого бедра лежал плохо сохранившийся железный нож.

Могила 16. Яма размерами 3,3×1,25 м, глубиной 1,3 м ориентирована СЗ-ЮВ. По ее периметру оставлен уступ шириной 0,25-0,3 м, на котором прослежен тлен от перекрытия. На дне могилы лежала погребенная женщина 18-20 лет вытянуто на спине. Слева от головы в углу ямы стоял горшочек (рис. 4-13), у левой ноги —

кувшин без орнамента (рис. 4–11). Бронзовая булавка (рис. 3–25) находилась у черепа. Кости задней ноги барана и части таза, а также остатки плохо сохранившегося железного ножа, зафиксированы слева от головы погребенной. У правой стопы лежал камень подтреугольных очертаний без следов обработки.

Могила 17. Захоронение ребенка около 2-х лет в яме размерами 1×0,75 м, глубиной 0,1 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Находок нет.

Могила 18. Полностью разрушена. Размеры и глубина не установлены. Примерная ориентация могильной ямы по линии ЮС.

В районе с. Вяткино в 1925 г. М.Д. Копытов обнаружил остатки разрушенного погребения. От сборов того времени в Бийском краеведческом музее сохранились только три наконечника стрелы (рис. 1–7). Все они разнообразной формы и не очень выразительны, чтобы уверенно отнести их к комплексу Усть-Иштовка 1. К сожалению другой документации, кроме описи коллекции № 9616 (старый инвентарный № 852) не сохранилось, не исключено, что М.Д. Копытов собрал остатки погребения, осыпавшегося в Обь и относящего к восточной части Усть-Иштовка 1 (рис. 1–1).

В сообщении Ю.П. Алехина об охранных раскопках на могильнике Усть-Иштовка 1 [3; с. 68] говорится о том, что В.Б. Бородаевым вскрыто 6 групповых погребений большереченской культуры (V–III вв. до н.э.), находившихся на мысу, а А.Л. Кунгуровым там же исследовались 12 могил этой же культуры (IV–III вв. до н.э.), но располагавшихся под одним курганом, причем сопроводительный инвентарь последних выделяется богатством и разнообразием. Таким образом, основываясь на том, что в V–I вв. до н.э. районы лесостепного Алтая заселяли оседлые племена большереченской культуры, различимые только по локально-территориальным признакам существования [2, с. 36–37], Ю.П. Алевин заключает, что все исследованные погребения могильника Усть-Иштовка 1 относятся к староралейскому (грунтовым) и каменскому (подкурганные) типам захоронений [3, с. 69]. Однако, деление на два типа погребения данного памятника, на наш взгляд, сомнительно, так как группировка могил исследованных В.Б. Бородаевым и Ю.П. Алевиным, находящихся вблизи (20–30 м) от раскопанного подкурганного комплекса захоронений, напоминает такое же компактное устройство, схожи они и по погребальному обряду и по инвентарю, а кажущаяся разница «в богатстве» объясняется количеством исследованных погребальных объектов и степенью их разрушения. Что касается утверждения Ю.П. Алехина о влиянии населения Горного Алтая в V–III вв. до н.э. на носителей культуры, оста-

вивших могильник Усть-Иштовка 1, основанного на констатации факта двух находок (костяная деталь ножей с изображением морды хищников и обломанной костяной пряжки с изображением головы архара), то подобный подход, на наш взгляд, ничего не определяет и не подтверждает. Эти вещи с таким же успехом могли попасть из любых других мест или изготовлены местным мастером и т.д. Тем более при детальном сравнении изображений, найденных в известных памятниках Горного Алтая скифского времени, с композицией на детали ножей из Усть-Иштовки, будет отмечено больше различий, чем сходства. Действительно, мотив изображения головы хищника был очень широко распространен в изделиях горноалтайских мастеров, среди них часто имеется реалистическое исполнение облика волка. Последнее связано, несомненно, с тем, что скотоводам волки наносили огромный ущерб в хозяйстве, и поэтому этот зверь изображался как ярый хищник со всеми известными деталями [28; с. 279]. Что касается изображения кошачьих голов, то почти на всех подчеркнуты огромные размеры клыкастой пасти со ртом, доходящем до ушей [там же, с. 282]. На вещи из Усть-Иштовки пасть зверя закрыта. Но не это главное. В Горном Алтае нам неизвестно ни одного подобного композиционного исполнения стилизованных голов кошачьего хищника как на изделии из могилы 10. Изображения горноалтайских мастеров более детализированные, реалистичные, несмотря на то, что кошачьи головы накладывались в разные заданные формы [27, 28]. Отличия также фиксируются и в манере исполнения художественного образа. Своеобразно отражены на изделии из Усть-Иштовки общие формы и конкретные детали определенных черт (глаза, нос, верхняя губа) кошачьего хищника. Возможно, данная композиция или отдельный образ были скопированы с какого-то оригинала, в результате чего появилось более стилизованное изображение, хотя нетрудно увидеть, что здесь запечатлены морды тигра, или, скорее всего, львицы, образ которых менее всего отражен в горноалтайских произведениях.

Что касается изображения архара на обломанной костяной пряжке из Усть-Иштовки [3], то оно также выполнено стилизованно, бездетально, чтобы говорить о каком-то непосредственном влиянии горноалтайского искусства, хотя, может быть, по композиционному решению при вкладывании в форму подпрямоугольной пластины образа данного животного имеет место и сходство. Не исключено, что и эта вещь является отражением копирования определенного изобразительного приема и образа.

В связи с этим, говорить об огромном влиянии племен Горного Алтая в скифскую эпоху на население, оставившего погребальный комплекс в Усть-Иштовке, на наш взгляд, представляется не реальным. Скорее всего, здесь отражены черты опосредованного взаимовлияния нескольких культур, существовавших в тот промежуток времени вблизи предгорий Алтая. Обозначенный последний географический район, уже начиная с VII-VI вв. до н.э., являлся своеобразной контактной зоной соприкосновения племен близлежащих территорий (Горный Алтай, лесостепное Приобье, Восточный Казахстан и др.), результатом чего стало смещение культурных традиций, которые трансформировались на проживающее там население. Вероятнее всего, именно с носителями предгорной быстрянской культуры усть-иштовцы имели непосредственные контакты.

Главной задачей этой статьи является публикация результатов исследований, проведенных в 1986 г., поэтому не будем подробно останавливаться на всех полученных материалах, хотя имеющих ряд специфических черт, все же большинство их находят многочисленные аналогии. В памятниках так называемого локально-территориального варианта каменной (большереченской) культуры [18, с. 118] и сопредельных территорий. Сейчас подобных Усть-Иштовскому могильнику известно большое количество в лесостепном Барнаульском Приобье: (Камень II, Раздумья IV, VI, Дресвянка I, Зайцево II, Масляха I, II, Рогозиха I, Новотроицкое I, II, Андронов I, VI, Кочки, Гоньба, Таскаево, Соколово III, Займище, Елунинский и другие [20, 24, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43 и др.]), в Кулунде (Михайловский VI [42]; Кирилловка III [18] и др.), в Новосибирском Приобье (Н. Шаран I, II, Ордынское I, Быстровка I, III [31, 18] и другие).

Наличие могильника Усть-Иштовка в найденном месте отражает юго-восточную границу бытования носителей каменной культурной традиции в конце IV-III вв. до н.э., начавших сливаться со староалейским племенем. Причем проникновение в эти районы Приобья в данное время проходило мирным путем, на что косвенно указывает отсутствие предметов вооружения.

Зафиксированные погребальный обряд, устройство и конструкции погребальных сооружений характерны для перечисленных выше приобских могильников [15, с. 46-47], а публикуемый предметный комплекс имеет типы вещей, которые бытовали в лесостепных районах Алтая в V-III вв. до н.э., а некоторые использовались и позже в II-I вв. до н.э.

Наиболее представительным и многоликим материалом, который найден в могилах Усть-Иштовки, являются керамические со-

суды (рис. 4). Аналогии этим изделиям многочисленны и находятся в известных близлежащих памятниках раннего железа Верхней Оби [4, табл. XXII—6,9; XXV—10 и другие; 5, рис. 2-1,3 и т.д.], а также в вышеперечисленных курганных могильниках. Но имеются определенные особенности найденных в Усть-Иштовке сосудов. Во-первых, отсутствуют валик и имитация швов в орнаментации, во-вторых, нет отражения форм используемых кочевниками кожаной и деревянной посуды. Как правило, наличие подобных черт в керамике связывается с влиянием населения Восточного Казахстана и других степных районов [20, с. 91]. В некоторых горшках из Усть-Иштовки имеются отверстия или налепные «ушки» с отверстием для подвешивания. О староалейском компоненте керамического комплекса Усть-Иштовка свидетельствует форма некоторых сосудов (рис. 4-2,4,8,13,15,16,19), а также присутствие характерных мотивов староалейской орнаментации — жемчужник, елочка. Эти орнаменты крайне редки в курганных погребениях [1]. Причем проникновение в эти районы Приобья в данное время произошло мирным путем, на что косвенно указывает отсутствие предметов вооружения.

Достаточно многочисленную группу составляют найденные в могилах курильницы, отличающиеся друг от друга (рис. 3-1-5). В научной литературе подобные вещи именуется по разному. Так, обнаруженные такие изделия в Горном Алтае С.И. Руденко называл каменными жировыми светильнями [27, с. 81-82, рис. 33]. Такая «светильня» найдена во втором Пазырыкском кургане, датированном второй половиной V в. до н.э. [14, с. 10]. Она аналогична нашему изделию из могилы 12, а каменная «светильня» из Каракольского кургана [28, рис. 5-М] схожа с предметом из могилы 7. А.П. Уманский называет подобные изделия алтариками и относит их к предметам культового назначения («предметы культа семейных богов, вроде домовых»), отмечая, что на изделиях ни нагара, ни жира, ни следов краски не обнаружено [39, с. 55]. Используются и другие наименования: курильница-алтарик, плошка-алтарик [35, с. 38]. Однако более распространенный термин для обозначения таких вещей из камня или глины, как «курильница». Найдено их на Алтае уже огромное количество [42, с. 65-66 и др.], они имеют разнообразие форм и отделки, поэтому требуется отдельное исследование этой категории вещей, разработки типологической классификации и широкой интерпретации подобных изделий. Сейчас стоит только отметить, что каменные курильницы на Алтае датируются в рамках VI-II вв. до н.э., наибольшее распространение фиксируется в курганах каменной культуры IV-II вв. до н.э.

Найденные украшения в могилах Усть-Иштовки имеют большое количество аналогий. Подобные серьги, сделанные из бронзовой или золотой проволоки, свернутой в кольцо с петелькой внизу — обычное украшение скифской эпохи [6, с. 68, рис. 7-13, 14; 4, табл. XXVI-3, 4; 9, с. 45-50; 11, табл. XXVIII, XXIX, X III; 27, табл. XXVII-3 и мн. другие]. Серьги с оформленными стерженьками — это явление, отражающее традиции позднескифского времени и наиболее широко распространены в III-II вв. до н.э. [29; 37, рис. 1-3, 4, с. 108; 40, рис. 3-4, с. 123 и другие]. Подвески в виде лунницы и лотоса, также характерны для скифского времени Алтая [11, табл. XX].

Что касается формы, конструкции и принципам креплений ножен для кинжала, деталь которых сделанная из рога, найдена в Усть-Иштовке, часто встречены при исследованиях погребений в Горном Алтае и датируются IV-II вв. до н.э. [10, 11, 12]. Миниатюрные кинжалы, для которых делались подобные ножны, известны в позднепазырыкских курганах III-I вв. [10, с. 51]. Находка изделия в Усть-Иштовке у бедра погребенного еще раз подтверждает реконструированный В.Д. Кубаревым способ крепления ножен такого типа [там же, с. 52].

Найденные в могилах 9 и 13 (погребение 2) три подвески (рис. 3-20, 21), так называемые «костыльки», являются одними из хронологических показателей. Данный тип изделий встречается преимущественно в погребениях и местонахождения их там различно (у головы, в районе пояса, у ног и т.д.). До сих пор неясно, для каких целей изготовлялись и как использовались эти вещи. На сегодняшний день бронзовых и костяных подвесок — «костыльков» больше всего известно из памятников лесостепного Алтая: Березовка 1 (3 шт.) [26, рис. 6-10, 11, 12, с. 85-87], Бийск 1 (4 шт.) [5, рис. 4-13-16, с. 99-101], Сростки II (1 шт.) [7, с. 51-53], Алферовский (?) (1 шт.) [26, с. 86], Аэродромный (6 шт.) [13, рис. 2-5-10, с. 81, 85, 87], Раздумье IV [24, рис. 8-10, с. 54], Масляха I (2 шт.) [20, рис. 6-4, 17, с. 78-79], Масляха II (1 шт.) [36, рис. 1-Н, с. 98], Михайловский VI (1 шт.) [42, рис. 2, с. 65-66], Рогозиха 1 (3 шт.) [39, рис. 6-6, рис. 5-1, 2, с. 54, 58], Новотроицкое 1 (1 шт.) [37, рис. 1-2, с. 107] и другие [41, рис. 2-4, 5, с. 95-96]. Найдены такие изделия в Горном Алтае: Кайнду (1 шт.) [22, рис. 6-8, с. 249-250], Барбугазы 1 (2 шт.) [12, рис. 25-6, 7, с. 85-86], Туекта [8, табл. XXVIII-15, с. 171-172 или 25, рис. 7-Ж, с. 19-20], а также в памятниках сопредельных территорий: Тува, Казахстан, Монголия [12, с. 86], в Новосибирском Прибыье [31, рис. 2-12, с. 34-37] и в Барабе [25, рис. 47-22, 23,

с. 83]. Первое объяснение «костылькам» дает в своем отчете о раскопках в 1930 г. на могильнике Березовка 1 С.М. Сергеев, называя их так: «язычки от пряжек» и «толстая бронзовая игла». В.И. Полторацкая, отмечая характер стертости петелек бронзовых «костыльков» от употребления в подвешенном состоянии, приводит таким вещам широкий круг аналогий, датирует второй половиной I тыс. до н.э., считает, что они, скорее всего, использовались в качестве амулетов и констатирует ограниченное число находимых в могилах таких подвесок (не более 3-х экземпляров) [26, с. 86–87]. М.П. Завитухина относит «бронзовые стерженьки с отверстием в верхнем конце» к числу предметов неизвестного назначения, довольно часто встречающихся в курганах V–I вв. до н.э., заметив, что их местонахождение в ненарушенных могилах — у пояса погребенного, а один из известных ей костыльков, был найден с продетым в отверстие ремешком [5, с. 100–101]. В.Д. Кубарев считает, что две бронзовые подвески в виде «костыльков», найденные в кургане 26 могильника Бабугазы 1, имеющие округлую петлю в верхней части и выемку-перехват в средней, использовались в качестве застежек [12, с. 86]. При этом исследователь без спосок на источники отмечает, что «подобного типа “костыльки” находят в более ранних комплексах скифской эпохи (VI–IV вв. до н.э.), а другие, с гладким каплевидным стержнем, нередко изготовленные из кости, относятся к более позднему времени» [там же]. Он также определяет еще одну особенность таких находок: чаще всего в погребениях встречаются парами, а реже в одном или трех экземплярах [там же]. А.П. Уманский костыльки-подвески относит к украшениям или предметам культового назначения (амулет?) [39, с. 54]. В.А. Могильников, А.П. Уманский подобное костяное (полированное) изделие из могильника Масляха 1 считают копоушкой (?) и датируют весь погребальный комплекс III–II вв. до н.э. [20, с. 79]. В курганном могильнике Кайнду (Горный Алтай) костяной костылек, по-видимому, висел на шее погребенного и найден рядом с гривной [22, рис. 6]. Н.Л. Членова предполагает, что такие изделия как бронзовые «костыльки» могут быть подвесками на конской сбруе [41, с. 95–96], а Э.А. Новгородова обозначила их как бронзовые пряжки [23, с. 286]. Большинство же исследователей склонны считать подобные предметы подвесками, не называя более точного назначения [40, 42 и другие].

«Костыльки» имеют поразительное многообразие форм и различных частей этих предметов. Разработка типологической классификации такой довольно своеобразной группы изделий скифской эпохи не входит в задачу данной публикации. Это предстоит

сделать в дальнейшем. Стоит только отметить, что существуют довольно жесткие границы бытования «костыльков» с V по II вв. до н.э. в лесостепной зоне Алтая. Вероятнее всего они имели многофункциональное назначение, а, кроме этого, являлись, на наш взгляд, одной из характерных черт культуры равнинного железа лесостепного Алтая. Анализ соотношения находок костыльков и пола умерших позволяет утверждать их принадлежность мужскому костюму. Не исключена их фаллическая символика.

Костяная пряжка из могилы 4 схожа по форме и наличию отверстий со многими изделиями скифской эпохи из набора седельных украшений (подвесной щиток, седельная подвеска, подвесная бляха) [27, с. 168, 196, 219, рис. 105, 119, 133, табл. IX], а также с пластинчатыми (часто парными) пряжками поясного набора, характерными для Тувы, Монголии, найденными в Горном Алтае [11, рис. 21-1,2, с. 86-87]. Известны подобные вещи из Приобья, обнаруженные в могильнике Масляха 1, датированном исследователями III-II вв. до н.э. [20, с. 91, рис. 3-8,9]. Изделие из Усть-Иштовского могильника однако своеобразно тем, что имеет скрытые отверстия в утолщенной торцевой стенке основания. Кроме того, внешняя поверхность пряжки украшена прочерченными волнистыми линиями (рис. 1-3).

Обломанной костяной накладке из могилы 15 (рис. 3-30) имеется очень схожая вещь из могильника Быстровка 1, датированного III-II вв. до н.э. [31, рис. 2-18, с. 34-35, 42], которую Т.Н. Троицкая считает деталью защитного вооружения, прикреплявшейся к железной основе. Хотя, на наш взгляд, интерпретация такого изделия может быть иной, так как панцирные пластины имеют несколько групп отверстий, а не одно. Следует обратить внимание на нарезку на концевой жести и усть-иштовской и быстровской пластины. Скорее всего они предназначены для зацепа ремня или шнура, что характерно, скорее, для пряжки или застежки.

Проведенный анализ находкам из могильника Усть-Иштовка позволяет определить датировку сооруженного памятника концом IV-III вв. до н.э. и предполагает дальнейшее более подробное изучение всех категорий вещей и зафиксированного погребального обряда.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.Л. и другие. Работы Алтайского госуниверситета // Археологические открытия 1986 года. — М., 1988. — С. 202-206; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культу-

- ра // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 52–55.
2. Алехин Ю.П. Лесостепной Алтай в скифское время (V–I вв. до н.э.) // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). — Барнаул, 1986. — С. 36–37.
  3. Алехин Ю.П. Охранные раскопки на могильнике Усть-Иштовка 1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Материалы конференции. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 68–68, рисунок.
  4. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА № 48. — М.-Л., 1956. — 160 с.
  5. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. 3. — Л., 1961. — С. 89–108.
  6. Завитухина М.П. Курган у с. Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 году) // АСГЭ. Вып. 8. — Л., 1956. — С. 61–78.
  7. Завитухина М.П. Курганный могильник Сростки II на Алтае // СГЭ. Вып. 27. — Л., 1966. — С. 51–53.
  8. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. — М.-Л., 1949. — 364 с.
  9. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. — Новосибирск, 1979. — 120 с.
  10. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 29–54.
  11. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991. — 190 с.
  12. Кубарев В.Д. Курганы Саймогема. — Новосибирск, 1992. — 220 с.
  13. Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 77–89.
  14. Марсадоллов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1985. — 16 с.
  15. Могильников В.А. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. — Кемерово, 1980. — С. 41–50.
  16. Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). — Барнаул, 1986. — С. 29–32.

17. Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. — Тюмень, 1989. — С. 62–77.
18. Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка III — могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 107–120, 219–221 (рисунки).
19. Могильников В.А., Телегин А.Н. Аварийные исследования курганного могильника Зайцево-2 // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). — Барнаул, 1991. — С. 115–119.
20. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха 1 по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 69–93, 198–208 (рисунки).
21. Могильников В.А. О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. — Вып. 5. 4. II. — Барнаул, 1995. — С. 106–109.
22. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. — Новосибирск, 1990. — С. 242–270.
23. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. — М., 1989. — 384 с.
24. Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. — Барнаул, 1990. — 132 с.
25. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск, 1987. — 144 с.
26. Полторацкая В.Н. Могильник Березовка 1 // АСГЭ. Вып. 3. — Л., 1961. — С. 74–88.
27. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.-Л., 1953. — 402 с., таблицы.
28. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.-Л., 1960. — 361 с., таблицы.
29. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992. — 493 с.
30. Телегин А.Н. Находки скифского времени из музея с. Ключи // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тезисы. Ч. 1. — Барнаул, 1993. — С. 175–178.

31. Троицкая Т.Н. Могильник Быстровка 1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 31–50.
32. Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции (1–2 июля 1980 г.). — Барнаул, 1980. — С. 50–53.
33. Уманский А.П. Новые материалы из Новотроицкого могильника (по раскошкам 1983 года) // Проблемы древних культур Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 128–134.
34. Уманский А.П. К вопросу о периодизации большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). — Барнаул, 1986. — С. 32–36.
35. Уманский А.П. К вопросу о культурном взаимодействии горных и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1987. — С. 35–54.
36. Уманский А.П., Телегин А.Н. Аварийные исследования курганного могильника Масляха-2 // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). — Барнаул, 1990. — С. 96–99.
37. Уманский А.П. Аварийные раскопки курганов в пункте Новотроицкое 1 в 1987 году // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). — Барнаул, 1991. — С. 104–108.
38. Уманский А.П. Раскопки курганов группы Новотроицкое II в 1987 году // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). — Барнаул, 1991. — С. 107–114.
39. Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскошкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 51–59, 186–194 (рисунки).
40. Уманский А.П., Телегин А.Н. Два кургана раннескифского века близ села Дресвянка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. 5. 4. П. — Барнаул, 1995. — С. 119–123.
41. Членова Н.А. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. 5. 4. П. — Барнаул, 1995. — С. 104–108.

42. Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 60–68, 195–197 (рисунки).
43. Шамшин А.Б., Навротский П.И. Курганный могильник Рогозиха 1 // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции) — Барнаул, 1986. — С. 104–106.

М.Т. Абдулганеев

**О хозяйстве населения
лесостепного и предгорного Алтая
в скифское время**

Для степного, лесостепного и предгорного Алтая в настоящее время выделены, соответственно, каменная [15, 22], староалейская [4] и быстрианская [10] культуры. Анализу их происхождения, контактов, ареалу распространения, хронологии, социальной организации, орнаментации керамики посвящено множество работ; опубликованы десятки погребальных и поселенческих комплексов. Несколько в стороне остается вопрос о хозяйственной деятельности населения Алтая, в особенности это относится к староалейской и быстрианской культурам. И причины здесь достаточно объективны. Поселенческие комплексы этого периода Алтайского Приобья стали интенсивно исследоваться только последние 10 лет и большая их часть не опубликована. Помимо этого, несмотря на значительную вскрытую площадь целого ряда памятников, на многих из них костяные остатки не сохранились, а на других перепаханы с более ранними или более поздними материалами. В настоящей работе мы будем касаться только староалейской и быстрианской культур. Во-первых, потому, что именно с этих поселений происходит наиболее массовые и чистые материалы, во-вторых, в связи с тем, что хозяйство каменной культуры в Новосибирском Приобье уже достаточно полно освещено, а по Алтайскому сведениям пока нет.

В географическом отношении ареалы распространения быстрианской и староалейской культур существенно отличаются друг от друга. В приобской зоне широкие пойменные луга сочтаются с массивом Обского бора, достаточно сильно развита речная система. В предгорьях пойменные и лесные участки меньше, а междуречья остепнены. Климат здесь более мягкий и количество годовых осадков наибольшее, особенно в Присалаирье. В целом оба географических района пригодны для занятий скотоводством и земледе-

лием, но в Приобье (староалейская культура) лучшие условия для охоты и рыболовства. Поселения староалейской культуры (известно более 100 пунктов) находятся главным образом на правобережье Оби. Они располагаются как на пойменных останцах, так и на коренных берегах, но на расстоянии не далее 5–7 км от поймы. Исключение составляют только памятники оз. Иткуль, расположенного на юго-восточной кромке Обского бора. Быстрянские поселения (около 90 пунктов) расположены в основном по крупным рекам (Обь, Бия, Катунь, Иша, Песчаная), реже по их более мелким притокам. Для них более типичен, чем для староалейских, мысовой характер расположения. Для тех и других памятников характерно не только стремление иметь удобный выход к большой воде, но и близость лесных массивов и обширной поймы. Объяснение этому следует искать прежде всего в системе ведения хозяйства.

Основой для реконструкции хозяйственной деятельности является анализ остеологических материалов. Такие материалы имеются с целого ряда поселений приобской и предгорной зоны, но, к сожалению, в силу малой выборки, большая их часть непригодна для статистической обработки. Даже в тех случаях, когда костные остатки представлены достаточно полно, статистика возможна только по количеству костей, но не по числу особей. Вместе с тем, сравнение данных процентного соотношения животных по количеству костей и по числу особей с поселения Малый Гоньбинский Кордон 1 (МГК-1) свидетельствуют об их несущественных различиях.

Только на 7 частично опубликованных [2, 3, 5, 6] быстрянских и староалейских поселениях остеологические материалы достаточно чисты и представительны (количество определимых костей более 200, см. табл. 1,2). Эти памятники располагаются в разных географических зонах и относятся к различным историческим периодам. Поселения Точильное 1, 3, 8, 10 находятся на р. Песчаная, в ареале распространения быстрянской культуры, Фирсово 4, 10 и МГК-1 — на правобережье Оби и являются староалейскими. К периоду V–III вв. до н.э. относятся Точильное 1, Фирсово 10 и, может быть, Точильное 8 и Фирсово 4. III–I вв. до н.э. датируются МГК-1 и Точильное 10 и, вероятно, Точильное 3. Все памятники вскрыты достаточно большими площадями и почти на всех выявлены жилые и хозяйственные постройки. Культурные слои их нельзя назвать сильно насыщенными: от 2 до 8 фрагментов керамики на 1 м². Большая часть находок происходит из жилищ, хозяйственных построек и ям, зольников. Вместе с тем, имеются как поселения с более насыщенными слоями, так и кратковременные стоянки. В тех микрорайонах, которые изучены достаточно хоро-

шо (Фирсово, Точильное, Иткуль, Березовка и др.) на два-четыре стационарных поселка приходится восемь-двенадцать стоянок. В целом по насыщенности культурных слоев поселения скифского времени отличаются как от предшествующих (ирменская, большепеченская), так и последующих (кулайская, майминская) по времени культур.

При анализе остеологических материалов (табл. 1,2) бросается в глаза то, что основная их масса принадлежит домашним животным (все определения А.В. Гальченко). Исключение единственное — Фирсово 10, но и здесь костей домашних животных больше, чем диких. Поэтому вполне резонно сделать вывод о преобладающей роли скотоводства в хозяйстве староалейской и быстрианской культур. Различия между отдельными памятниками в целом не существенны, и не могут быть объяснены ни их хронологией, ни культурной принадлежностью.

Процентное соотношение костей домашних животных (табл. 2) свидетельствует о доминировании в стаде крупного рогатого скота. К сожалению, данные по возрастному составу забиваемых животных отсутствуют. Тем не менее, при подсчете реального соотношения животных в стаде по методике Ю.А. Краснова [14, с. 143] оказывается, что на большей части поселений доля крупного рогатого скота достигает 43–53%, а на Точильном 3 и Фирсово 10, соответственно, 66 и 70%. Второе место в реальном стаде занимала лошадь; ее роль в ряде случаев была равна роли крупного рогатого скота, в других (Точильное 3, Фирсово 4, Фирсово 10) меньше ее.

Мелкому рогатому скоту в стаде принадлежал меньший удельный вес; только на Фирсово 4 его доля превышает 20%. Разводили его явно для получения шерсти и шкур; кости овцы встречаются в большем количестве, чем кости козы (табл. 1). Значительная, а иногда и преобладающая роль в стаде крупного рогатого скота говорит о прочной оседлости населения, а большая роль помимо этого и лошади скорее всего свидетельствует в пользу его мясо-молочной направленности. Такому выводу не противоречат ни костные материалы поселения Майма 3 [7] — с учетом применения методики Ю.А. Краснова, ни материалы других памятников, давшие меньшее количество материалов. Дополнительным и бесспорным свидетельством прочной оседлости населения быстрианской и староалейской культур могли бы быть кости свиньи. К сожалению, очень сложно определить, принадлежат ли кости домашней особи (свиньи) или дикой (кабан).

В летнее время скот отгоняли из стационарных поселков на пастбища; как свидетельство этого можно рассматривать по крайней

мере часть стоянок. Как предполагал М.П. Грязнов [9, с. 98], выпас скота могли вести пастухи, а в этом им помогали собаки, кости которых найдены на большей части поселений. Зимой, в силу низких температур и, особенно, значительного снежного покрова, скот находился в поселке, может быть на стойловом содержании. Требовалась и заготовка кормов на зиму. Животноводство доставляло жителям других поселков основное количество мясной пищи; охота имела только подсобное значение. Молоко перерабатывалось в творог и сыр; явным свидетельством этого является находка на поселении Точильное 3 сосуда с отверстиями в днище [14, с. 113]. Для приготовления масла могли использоваться горшки со сливом в средней части [14, с. 114], найденные на целом ряде поселений и бочонковидные сосуды.

Другим важным занятием являлись охота и рыболовство. Вместе с тем, количество костей диких животных незначительно и только на Фирсово 10 достигает 22% (табл. 1). Скорее всего, это объясняется сезонным (летним?) характером этого памятника. Явное предпочтение отдавалось охоте на крупных мясных животных — лося, косулю, кабана. Их мясо было существенным подспорьем в увеличении мясного рациона древних насельников Алтая. Кости, рога и шкуры, наряду с таковыми домашних животных, служили для изготовления одежды, орудий труда и других изделий. Вероятно, не меньшее значение имела и охота на пушных зверей, шкурки которых могли служить и для обмена с соседями. Как в Приобье, так в предгорьях предпочтение отдавалось лисе и, в меньшей степени — бобру, барсуку и зайцу. Находки костей бобра на ныне остепненных участках у р. Песчаная свидетельствует о более заселенном характере этой местности в скифское время. Охота велась и на птиц, кости которых найдены на трех поселениях. Методы ее были, преимущественно индивидуальными, и не могли быть другими в условиях лесных массивов и больших пойменных участков. Только в остепненной части предгорий могли применяться коллективные способы охоты.

Значительно меньшее значение имело рыболовство. Костей рыб мало (табл. 1) и в равной степени они встречены как в предгорьях, так и в Приобье. Только на поселении Фирсово 10, о сезонном характере которого уже говорилось, их достаточно много. Отсутствие находок рыболовных крючков и наличие на поселениях керамических и каменных грузил говорит о сетевом его характере, хотя нельзя исключить и применение других способов (цокол, лучение, запоры и т.д.).

Распределение остеологических находок
на поселениях быстрянской и староалейской культур
(числитель — количество определяемых костей,
знаменатель — минимальное число особей)

	Точиль- ное 1	Точиль- ное 3	Точиль- ное 8	Точиль- ное 10	Фир- сово 4	Фир- сово 10	МК-1
к.р.с.	158/14	364/20	245/19	60/10	104/8	86/9	607/61
овца	94/5	224/13	55/7	45/4	116/11	8/2	237/19
коза	29/4	47/3	29/4	8/1	7/2	—	51/5
лошадь	226/16	115/7	325/25	76/8	97/8	46/5	551/48
собака	11/2	26/3	—	2/1	—	—	11/2
всего домашних животных	516/41	776/46	654/55	191/24	324/29	140/16	1457/ 135
свинья- кабан	14/2	6/1	15/2	4/1	—	—	48/3
лось	19/3	3/1	17/2	—	16/2	10/2	42/3
косуля	11/2	30/2	27/3	7/1	—	20/3	21/2
благор. олень	—	2/1	12/1	—	—	—	13/2
барсук	5/2	—	—	—	—	—	7/2
волк	—	—	—	—	—	—	3/1
сурок	—	—	—	—	1/1	—	—
заяц	2/1	7/2	—	—	—	—	—
лиса	5/2	3/1	9/1	—	7/2	4/2	9/3
бобр	43/5	—	—	4/1	—	11/2	—
ласка	—	1/1	—	—	—	—	—
хорек	—	—	—	—	—	3/1	—
птица	4/?	19/?	—	—	—	—	21/?
рыба	1/?	10/?	—	—	—	27/?	11/?
общее кол-во	624/60	857/57	734/64	206/27	348/34	215/27	1632/ 153

Таблица 2

Соотношение видов домашних животных по материалам поселений быстрианской и староалейской культур (в %)

		То- чиль- ное 1	То- чиль- ное 3	То- чиль- ное 8	То- чиль- ное 10	Фир- сово 4	Фир- сово 1	МГК- 1
Всего костей домашних животных		82,9	90,5	89,7	92,7	95,8	65,1	89,2
к. р. с.	на посе- лении	31,3	48,5	37,4	31,8	32,0	61,4	42,1
	в стаде	42,5	66,0	47,0	43,9	46,6	69,5	53,9
м. р. с.	на посе- лении	24,3	36,2	13,0	27,9	38,0	5,8	19,7
	в стаде	12,3	18,5	6,1	14,4	20,7	2,6	9,4
л о ш а д ь	на посе- лении	44,4	15,3	49,6	40,3	30,0	32,8	38,2
	в стаде	45,2	15,5	46,9	41,7	32,7	27,9	36,7

О наличии земледелия имеются только косвенные данные, поскольку орудий, типичных для этого вида хозяйства, не обнаружено. Тем не менее, условия для его возникновения существовали: благоприятные экологические условия и оседлость населения Приобья и предгорий в скифское время. На целом ряде поселений найдены либо целые зернотерки и куранты (Точильное 1,7, Фирсово 10, Заречное), либо их обломки. Многие экземпляры сломаны из-за сильной работанности. Размеры зернотерок достигают 57×24×5 см, курантов — 30×11×3 см. Эти размеры являются оптимальными при работе [14, с. 83–84] и некоторыми исследователями считаются бесспорным свидетельством наличия земледелия [18, с. 63–64; 23, с. 57–58]. Помимо этого, при бинокулярном изучении керамики (проведено Н.Ф. Степаповой) в трех образцах с поселений скифского времени Солонцы 1, Точильное 8 и Фирсово 6 обнаружены зерна злаков, может быть культурных. Все это позволяет считать земледелие

лие весьма вероятной, хотя и второстепенной отраслью хозяйства как у быстринцев, так и у староалейцев.

Об остальных видах хозяйственной деятельности уже имеются специальные работы: металлургия и металлообработка, домашние производства (изготовление керамики, обработка камня, кожи, кости) [5, 9, 11, 17]. Хотелось бы остановиться на двух моментах. Мнение об использовании для изготовления бронзовых предметов в Верхнем Приобье только разовых глиняных форм [21, с. 54] не подтвердилось: на поселении Быково 3 была найдена каменная литейная форма для отливки ножа. Знание различных способов изготовления металлических орудий свидетельствует о высоком уровне бронзолитейного производства. Бинокулярное изучение керамики фирсовской (староалейская культура) и точилинской (быстринская культура) групп поселений, показало, что в качестве отощителя в первом случае использовался шамот, во втором — дресва. Отчасти это может быть объяснено отсутствием сырьевой базы (камень) на Верхней Оби, но симптоматично в данном случае использование в качестве отощителя дресвы на поселениях каменной культуры [16, с. 46], располагающихся, как и староалейские, в приобской зоне.

В целом хозяйство носителей староалейской и быстринской культур может быть охарактеризовано как оседлое скотоводческое при определенной роли охоты, рыболовства, земледелия и высоком уровне развития металлургии и домашних производств. Сравнение его с хозяйством как предшествующих, так и последующих культур, показывает значительное их несходство: в одних случаях наряду со скотоводством существенное значение имели охота и рыболовство [11, с. 176–177; 12, с. 139–140; 20, с. 55], в других — земледелие [1, с. 4; 12, с. 141–142; 18, с. 63–64]. Несколько отличается и система хозяйства населения Горного Алтая скифского времени, реконструированная на материалах скотоводческих поселений. В отличие от приобской и предгорной зон, там, в стаде, ведущее значение имела лошадь, а уже меньшее — мелкий и крупный рогатый скот [8, табл. 2, 4, 5, с. 52–54].

Близкое сходство имеет система ведения скотоводческого хозяйства у жителей поселков культуры великой керамики [12, с. 140]. Почти идентичная нашей картина обнаруживается на части поселений каменной культуры Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи [17, табл. 1; 21, табл. 5]. Это может быть объяснено как общностью исторических судеб, так и сходной экологической обстановкой.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Тезисы докл. — Томск, 1993. — С. 3–5.
2. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостепного и предгорного Алтая 2 пол. I тыс. н.э. // Проблемы хронологии в археологии и истории. — Барнаул, 1991. — С. 93–107.
3. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Неверов С.В. Новые исследования на р. Песчаной // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1991. — С. 58–62.
4. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Сб. тезисов — Горно-Алтайск, 1994. — С. 52–55.
5. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая // Культура народов евразийских степей в древности — Барнаул, 1993. — С. 191–202.
6. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Тезисы докл. и матер. к конф. — Барнаул, 1990. — С. 99–104.
7. Гальченко А.В., Полосина Я.В. Анализ остеологических материалов с поселения Майма 3 // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докл. XXXII РАСК — Томск, 1992. — С. 54–56.
8. Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 94–106.
9. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА № 48. — М.-Л., 1956. — 225 с.
10. Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конф. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 55–56, III.
11. Киреев С.М., Баженов А.И., Музыка С.А., Тулинов А.В. Минералого-петрографические особенности керамики поселений

- Нижней Катуни // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 91–108.
12. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1988. — С. 138–142.
  13. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культура народов евразийских степей в древности. — Барнаул, 1993. — С. 161–180.
  14. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (III тыс. до н.э. — I пол. I тыс. н.э.) — М, 1971. — 168 с.
  15. Могильников В.А. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы конф. — Кемерово, 1980. — С. 41–50.
  16. Новиков А.В. Рецептура формовочных масс керамики эпохи раннего железа лесостепного Обь-Иртышья // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докл. Часть 2. — Кемерово, 1987. — С. 46–48.
  17. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа — Новосибирск, 1987. — 144 с.
  18. Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеозкономика Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 54–66.
  19. Сидоров Е.А. Источники по металлургии лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Источники и историография. Археология и история. — Омск, 1987. — С. 19–27.
  20. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье // Новосибирск, 1979. — 124 с.
  21. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. — Новосибирск, 1994. — 184 с.
  22. Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века в лесостепном Приобье // Барнаулу 250 лет. Тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1980. — С. 50–53.
  23. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 48–61.

Т.Н. Троицкая

Местные пояса населения верхнеобской культуры

С VII–VIII вв. до н.э. у населения степных и лесостепных просторов Евразии распространяются пояса общего южного (тюркского) типа с накладными бронзовыми бляхами, они вытеснили разнообразные местные пояса, которые позже продолжали сохраняться лишь в отдельных случаях. На протяжении всего времени своего бытования пояса имели конкретные социальные, сакральные и бытовые функции [1, 2].

В археологической литературе неоднократно публиковались пояса тюркского типа, а местные оставались в тени. Опубликован лишь один тип пояса — с накладными пластинами [3]. По своему функциональному назначению все пояса делились на две группы. Первая — это твердые пояса с широким ремнем, укрепленные берестой и предназначенные для стягивания толстой верхней (зимней) одежды. Вторая группа представлена узкими и гибкими ремнями. Ими стягивали более легкую нижнюю одежду. И те, и другие, украшались металлическими бляхами и имели приспособления для подвешивания необходимых в быту предметов (ножей, точильных камней и др.).

Раскопки могильника Старо-Бибеево-6, на правом берегу Оби на севере Новосибирской области, выявили несколько типов местных поясов, отличающихся друг от друга формой металлических пластин. Этот могильник в целом датируется VII в. н.э. [4].

Первый тип представлен двумя широкими поясами из курганов 1 и 2 (рис. 1), они украшены округлыми реповидными железными бляхами средним диаметром около 3 см. Верхняя часть их переходила в узкую длинную пластину, загнутую на обратную сторону ремня для крепления на нсм. На первом поясе было не менее 7 блях, из которых хорошо сохранились четыре (рис. 1, 1–4). Пояс застегивался при помощи крупной железной пряжки с овальной рамкой и двойным прямоугольным щитком, который охватывал ремень

с двух сторон и крепился при помощи шпенька, соединяющего между собой обе пластины (рис. 1,7). Пояс очень хорошо датируется бронзовой удлинённой геральдовидной бляхой (рис. 1,8), аналогии которой восходят к VII—VIII вв. Эту дату дают Турбуслинские погребения [5, рис. 24, 38, 41]. Этим же временем датирует подобные бляхи и В.Б. Ковалевская [6, с.107, рис. 8]. В состав пояса входили и 3 железные крестовидные бляхи (рис. 1,5,6). Реконструкция пояса дана на рис. 1,9.

На втором поясе имелось не менее 6 железных блях. Две аналогичны описанным выше. Одна из них самая крупная, диаметром около 4 см, на другой в центре имелась выпуклость, обе они крепились при помощи отогнутых узких пластинок (рис. 1,11,15). Две аналогичные по форме бляхи крепились шпеньками (рис. 1,13). Пятая бляха — наконечная (рис. 1,12), шестая — овальная с отверстием в центре (рис. 1,14). Такие бляхи известны в погребениях одинцовского и тимирязевского этапов, речь о них пойдет ниже. Этот пояс застегивался при помощи крупной железной овальной-рамочной бляхи (рис. 1,10). Реконструкция пояса представлена на рис. 1,16.

Второй тип пояса имеет восемь ажурных бронзовых прямоугольных блях, весь материал найден в осыпи обрушившегося в Обь кургана. Одна бляха (рис. 2,4) состоит из двух рядов округлых выпуклостей, окруженных вылитыми вместе с ними зернью. Семь остальных блях однотипны, размер их колеблется от 4,6×2,2 см до 5,3×3,3 см (рис. 2,2,3,5). Они также выполнены в виде рядов полукруглых прорезей и округлых выпуклостей с «зернью» или лучами. У шести блях таких рядов было четыре, у одной — три, а число выпуклостей в каждом ряду колеблется от 7 до 5. Они разделены между собой вертикальным или горизонтальным ложным шнуром. Они крепились к ремню при помощи петелек на обратной стороне блях. Подобные бляхи неоднократно встречались в составе поясных наборов Верхнего Приобья, по одной на поясе. Они найдены в могильнике Черное Озеро-1 [7, с. 53, рис. 8,2], кургане VII в. Юрт-Акбалыка-8 [8, с. 155, рис. 5,13], могильниках Юрт-Акбалык-4 и Ивановка-6 [8]. В состав наборного пояса входила оригинальная крупная бронзовая ажурная пряжка с неподвижным шпеньком (рис. 2,1). Ее размер — 10×3 см. Она состоит из двух неправильных овалов с полулунными прорезями и трапециевидного окончания, орнаментированного ложным шнуром и розетками с отходящими от них лучами. Точные аналогии этой пряжке мне неизвестны, но ей близки ажурные фигурные пряжки с неподвиж-

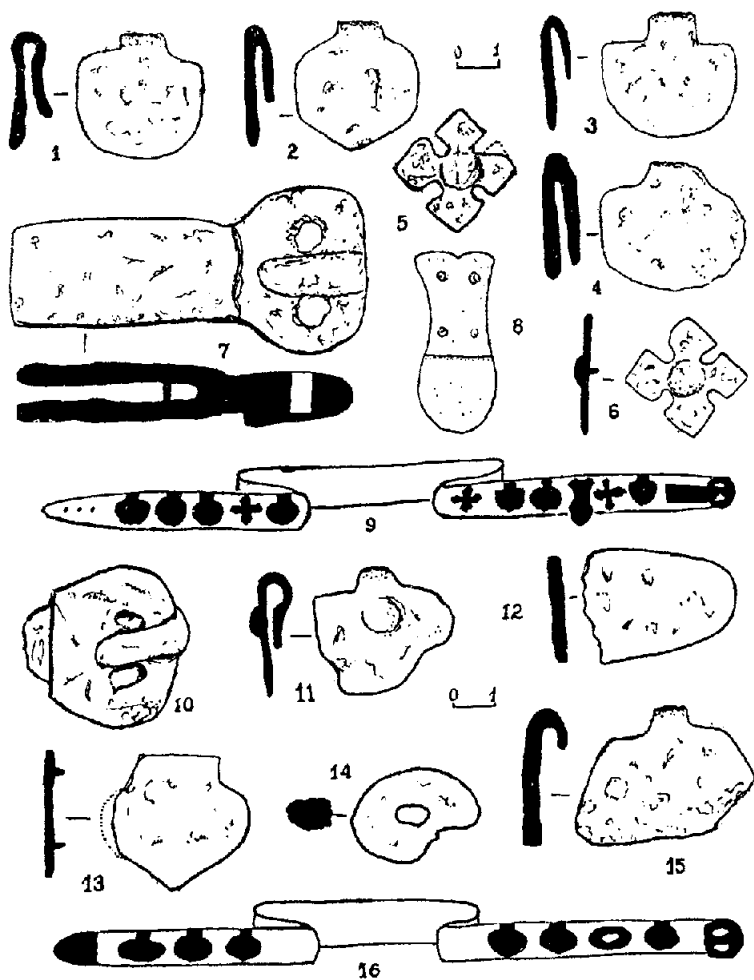

Рис. 1. Полевые наборы из Старо-Вибеево-6: 1-9 — кург. 1, мог. 2; 10-17 — кург. 2 (8, 14 — бронза, 9, 16 — реконструкция, остальное — железо).

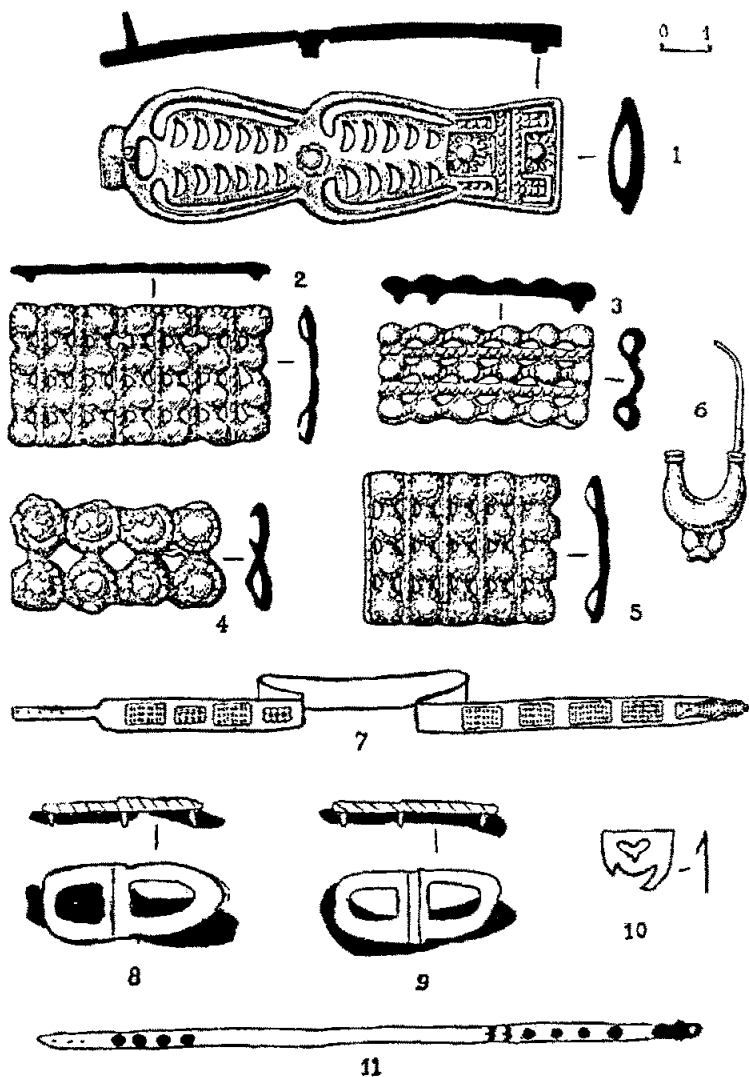

Рис. 2. Находки из Старо-Бибеево-6: 1-7 — сборки в осьши; 8-10 — кург. 3; 11 — кург. 10 (1-6, 10 — бронза; 7, 11 — реконструкция; 8, 9 — кожа и бронза).

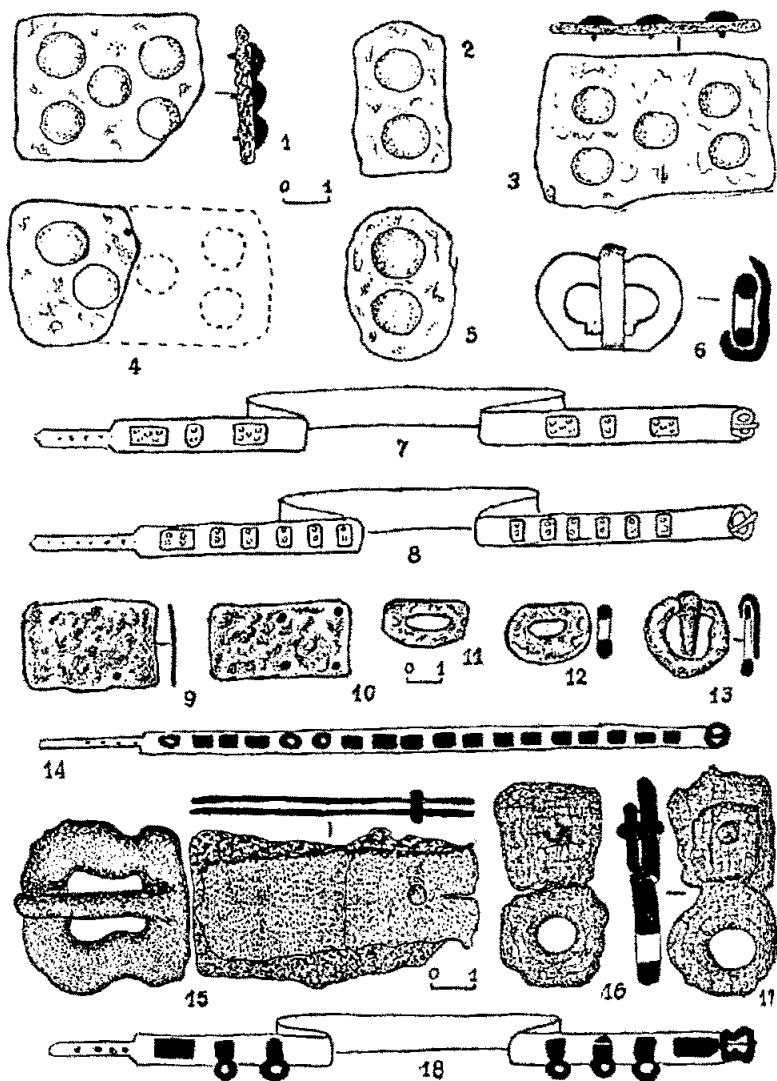

Рис. 3. Наборные пояса: 1-7 — Старо-Вибеево-6, кург. 5; 8 — Красный Яр-1, кург. 7; 9-14 — Юрт-Акбалык-8, кург. 8; 15-18 — Крохалевка-23, кург. 2 (1-5 — бронза и железо; 6 — бронза; 7, 8, 14 — реконструкция; 15-17 — железо).

ным шпеньком, относящиеся к таштыкской культуре. А.К. Амброз полагает, что они датируются V–VI вв. [10, с. 118, 120, рис. 12,2–6], но в целом дату таштыкских пряжек с неподвижным шпеньком он доводит до VI — начала VII вв. [10, с. 118, 120, рис. 12,7,8]. В комплексе с наборным поясом найдена одна серьга харинского типа, бронзовая, объемная, с тремя шариками внизу (рис. 2,6). Такие серьги из Бирского могильника А.К. Амброз датирует VII в. [10, с. 114, рис. 10,16]. Все это разрешает нам датировать поясной набор началом VII в. н.э. Реконструкция пояса дана на рис. 2,7.

Следующий тип накладных блях обнаружен в области пояса скелета кург. 3. Это 2 восьмеркообразные бронзовые бляшки (рис. 2,8,9). При помощи шпеньков они крепились на узком гибком ремне, остатки которого сохранились под бляшками. Дату пояса хорошо определяет изящная бронзовая бляшка с прорезьями (рис. 2,10). А.К. Амброз датирует подобные бляшки VII в. [11, рис. 22,32,33], а В.Б. Ковалевская — VI–VII и VII–VIII вв. [6, с. 107, рис. 8].

Четвертый тип — пояса с металлическими пластинами. Они имели три варианта. Первый вариант представлен поясом из кургана № 5, это широкий пояс, предназначенный для стягивания верхней одежды. Он состоял не менее чем из 5 железных пластинок с круглыми бронзовыми выпуклинами (рис. 3,1–5). Их размер колебался от 5,2×3,3 см до 3,5×2,3 см. Три бляхи были прямоугольными с пятью выпуклинами, две овальные или прямоугольные с двумя выпуклинами. Эти пластины хорошо датируются бронзовой пряжкой с В-образной рамкой (рис. 3,6). Этот тип пряжек, согласно классификации В.Б. Ковалевской, получает наибольшее распространение в VI–VII вв., позже он встречается значительно реже [12, с. 39, табл. XIX]. А.К. Амброз датирует эти пряжки VII в. [11, с. 65, 112, рис. 26,1,12,16,18 и др.]. Реконструкция пояса дана на рис. 2,7.

Аналогия подобным бляхам с округлыми выпуклинами известна в Новосибирском Приобье в кургане 7 Красного Яра-1, но его бляшки были целиком изготовлены из бронзы [3, рис. 36]. Этот пояс был вначале датирован мной в пределах II–IV вв., но позже на основании бронзовой пряжки, блях с тремя головами медведей и описанного выше пояса из Старо-Бибеево-6 был передатирован VII в. Попытку реконструировать внешний вид пояса из Красного Яра-1 предпринял В.Н. Добжанский [1, с. 124, рис. XVII,6]. Введенные им в состав пояса бляхи с головами медведей были найде-

ны выше пояса и в число блях последнего не входили. Кроме того пояс, реконструированный В.Н. Добжапским, невозможно застегнуть: в нем отсутствует пряжка и зауженный конец ремня, продергивавшийся в пряжку. В связи с этим считаю нужным дать свою реконструкцию пояса из могильника Красный Яр-1 (рис. 3, 8).

Второй вариант пластинчатого пояса представлен в могильнике Юрт-Акбалык-8, в курганах VII-VIII вв. (курганы 2, 8, 14, 17). Это узкие прямоугольные пластины без выпуклин, они были найдены в области пояса или таза, число их колебалось от 4 до 20, расположены они были обычно по одной линии [3, с. 101, рис. 35, 36, ж]. Размер различен. Ширина колебалась от 2 до 3 см, длина — от 3 до 5 см. На ряде пластин есть следы бронзовых заклепок, вероятно, это были остатки шпешьков для крепления к поясу. Пластины могли располагаться вдоль или поперечно к поясу. Аналогичный пояс одинцовского времени был обнаружен и в Алтайском крае, в могильнике БЕ-XIV [13, табл. XXXIX]. Иногда рядом с пластинами на поясе располагались круглые, овальные и даже пятиугольные колечки [3, рис. 35, 10; 14, с. 112, рис. 6, 24-28, 32]. При их помощи к поясам крепились необходимые предметы. Сохранность их очень плохая и они слабо отличаются от колец железных небольших пряжек с разрушившимся язычком (рис. 3, 11-13). Реконструкция такого пояса дана на рис. 3, 14.

В третьем варианте пластинчатого пояса овальные колечки крепились непосредственно к железным пластинам и висели вверху ремня [15, с. 119, рис. 2, 6, 28]. Подобные пояса хотя и идентичны, но встречаются на широком отрезке времени. В кургане 2 могильника Крохалевка-23, относящегося к одинцовскому этапу, пластины крепились с двух сторон ремня при помощи шпешька (рис. 3, 16, 17). Реконструкция этого пояса дана на рис. 3, 18. Он застегивался при помощи железной крупной пряжки с сужающейся в средней части рамкой (рис. 3, 15), подобные пряжки А.В. Дмитриев относит к VI-VII вв. [16, рис. 11, 30, 12, 13, 21].

Пояса с прикрепленными к пластинам колечками, появившиеся на одинцовском этапе, известны и в отдельных погребениях VII-IX вв. Они встречены в могильнике Чингис-2 вместе с обычными тюркскими поясами [17, с. 159, рис. 6, 3-5], в курганах 11 и 2 Умны-3 и в других местах. Известны они и в Горном Алтае [18, с. 156, рис. 3, 24-27].

В могильнике Старо-Бибеево наряду с местными поясами обнаружен один пояс общего евразийского (тюркского) облика с круглыми бляшками. Его реконструкция дана на рис. 2, 11. Пояса с

такими бляхами были широко известны в VII в. [1, с. 34]. Так, в Новосибирском Приобье пояс с круглыми бляшками найден в кургане 23 могильника Юрт-Акбалык-8 [7, рис. 4].

Подводя итоги вышесказанному, надо отметить, что на одинцовском и тимирязевском этапах верхнеобской культуры бытовали пояса с бляхами, выполненными в духе местных традиций. В VII в. появляются отдельные пояса тюркского облика с круглыми бляхами. К VIII в. местные пояса были вытеснены общими евразийскими (тюркскими) поясами с прямоугольными и сегментовидными бляхами. Но в отдельных случаях продолжают сохраняться старые местные традиции в виде поясов с железными пластинками, на них держались колючки, на которые подвешивались необходимые предметы.

Примечания

1. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. — Новосибирск, 1990.
2. Боброва А.И., Яковлев Я.А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья. Пояс // Кузнецкая старина. — Новокузнецк, 1994. — В. 2. — С. 61–90.
3. Троицкая Т.Н. Пояса из погребений Новосибирского Приобья II–IV вв. н.э. // КСИА, 1973. — В. 136. — С. 100–103.
4. Троицкая Т.Н., Елагин В.С. Старо-Бибеевский могильник VII в. н.э. // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово, 1995. — С. 199–207.
5. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
6. Ковалевская В.Б. Башкирия и европейские степи в IV–IX вв. // Проблемы археологии и древней истории Урала. — М., 1972. — С. 95–117.
7. Троицкая Т.Н. Черное Озеро-1 — комплекс археологических памятников // Памятники Новосибирской области. — Новосибирск, 1989. — С. 47–54.
8. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье // Мировоззрение финно-угорских народов. — Новосибирск, 1990. — С. 149–161.
9. Бородовский А.П. Проблема этно-территориальной интеграции некоторых раннесредневековых украшений Верхней Оби // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. — Томск, 1995. — С. 29–31.

10. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. — 1971. — № 3. — С. 106-132.
11. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. — М., 1989.
12. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии. Пражки. // САИ. — М., 1979. — Вып. Е, 1,2.
13. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. — М., 1956.
14. Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа. — Новосибирск, 1981. — С. 101-119.
15. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Крохалевка-23 — памятник одинцовского этапа верхнеобской культуры // Этническая история тюрко-язычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1992. — Ч. 1. — С. 101-119.
16. Дмитриев А.В. Раннесредневековые дыбулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов. — М., 1982. — С. 69-107.
17. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Средневековый могильник у с. Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. — Омск, 1995. — С. 138-153.
18. Елин В.Н., Васютин А.С. Военское погребение предкудыргизского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 149-157.

С.В. Неверов, В.В. Горбунов

Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1

В 1979 г. археологическим отрядом АГУ была раскопана группа курганов у с. Шадринцево Тальменского района Алтайского края (рис. 1-1). Курганный могильник Шадринцево-1 расположен в 300 м к юго-западу от села на кромке небольшого лесного массива, протянувшегося вдоль обрыва коренной террасы правого берега р. Чумыш. В состав могильника входит восемь курганов (рис. 1-2).

Курганы №№ 1,2 выделяются своим расположением, размерами и высотой насыпей. К ЮЗ от кургана № 1 находится цепочка из четырех малых курганов №№ 3-6, вытянутая по линии З-В. К Ю от кургана № 2 аналогичная цепочка из двух курганов №№ 7,8. В ходе работ исследованы курганы №№ 1,3-6.

Курган № 1. Имел земляную насыпь сложной формы, вытянутую по линии СЗ-ЮВ. Средние размеры 24×14 м, высота до 1,3 м (здесь и далее высоты и глубины даются от уровня древней поверхности). Уже при визуальном осмотре создалось впечатление, что это не одна цельная насыпь, а три, слившиеся вместе, в результате последовательной подсыпки. При снятии стратиграфмы бровки это подтвердилось (рис. 1-4). Насыпь кургана состояла из гумусированной супеси темно-серого цвета, сверху задернованной гумусом мощностью 0,05-0,07 м. В ее разрезе, к СЗ и ЮВ от могил 1 и 2, хорошо были видны прослойки супеси светло-желтого цвета, мощностью 0,2-0,25 м. Это материковый выкид из могил, наложившийся на древнюю поверхность — супесь светло-серого цвета, мощностью 0,11-0,25 м. Такой же выкид наблюдался к СЗ от могил 3 и 4. К ЮВ от них прослежены аналогичные прослойки, но идущие наклонно снизу вверх. Расположение и форма этих материковых прослоек говорит о том, что они оставлены в результате выброса из могил на поверхность ранее сооруженных насыпей. Последовательность возведения насыпей можно представить следующим образом. Могилы 1 и 2 являются наиболее ранними. Они

вырыты одновременно и перекрыты одной, первой насыпью. Позднее, с СВ стороны этой насыпи была приготовлена могила 3 и над ней сделана дополнительная, вторая насыпь. Последняя, третья насыпь, была досыпана после совершения погребения в могиле 4. Под этой же насыпью, к югу от могилы 4, на уровне древней поверхности находилось захоронение коня.

Могила 1. Находилась в ЮВ части кургана в 5 м от его края. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ с незначительным отклонением к С, средние размеры 2×0,64 м, глубина 1,1 м. На дне ее лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 2-1). При нем был найден следующий инвентарь: с висшей стороны плечевой кости левой руки остриями к черепу — четыре железных наконечника стрел (рис. 3-1-4), здесь же, напротив локтя — железная панцирная пластина (рис. 3-5), у локтя правой руки — железный нож (рис. 3-7), ниже фаланг правой руки — обломок железного предмета, а у фаланг правой ноги — обломок звена железных удил (рис. 3-6). Между тазовыми костями и ниже, как бы в продолжении позвоночника лежал хребет барана. Отдельные позвонки этого животного находились по сторонам берцовой кости левой ноги.

Могила 2. Располагалась в 3 м к СВ от первого погребения. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ, средние размеры 1,8×0,62 м. На уровне древней поверхности расчищено поперечное перекрытие из 14 березовых жердей диаметром 0,1-0,15 м. Под ним, на глубине 0,53 м лежали череп и нижние части ног лошади с копытами. Здесь была захоронена шкура коня головой на ЮЗ (рис. 2-2). Справа от черепа найдены костяные пряжка и застежка (рис. 3-18, 19). Между нижней и верхней челюстями черепа коня находились железные удила с палиями (рис. 3-16, 17). Сразу же под костями лошади расчищено продольное перекрытие из 4 березовых жердей диаметром до 0,2 м. Поверхность перекрытия была выстелена берестой в 1-2 слоя. Далее, на глубине 0,93 м обнаружилось дно могильной ямы. Здесь лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 2-3). При нем находился следующий инвентарь: вдоль костей левой руки острием к черепу — железный меч (рис. 3-8), в области грудной клетки, слева, у ключицы, остриями к черепу — три железных наконечника стрел (рис. 3-9-11), справа от бедренной кости левой ноги остриями к стопам — два железных наконечника стрел (рис. 3-12, 13), выше обоих крыльев таза — две бронзовые пряжки с остатками железных язычков (рис. 3-14, 15). По сторонам от колена правой ноги лежали позвонки барана.

Могила 3. Находилась в 3,6 м к СЗ от второго погребения. По форме это прямоугольная яма, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, средние размеры 2,03×0,85 м. На глубине 0,65 м обнаружено продольное перекрытие из 6 березовых жердей диаметром 0,12–0,15 м, внешняя поверхность которого сильно обожжена. По ним, на дне, на глубине 1 м ближе к СЗ стенке могилы лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 2–4). Вдоль правой ноги погребенного был уложен берестяной колчан (рис. 4–1). В нем находилось 6 наконечников стрел: три остриями вверх (рис. 4–2–4) и три остриями вниз (рис. 4–5–7). На колчане лежали бронзовые кольца с остатками ремней и бронзовых блях (рис. 4–8–10) и железное тесло (рис. 4–13). У ладони правой руки расчищен железный нож с обломанным лезвием (рис. 4–14). Выше левого крыла таза находились бронзовая пряжка с железным язычком и бронзовый тренчик (рис. 4–11, 12). Справа от черепа обнаружен предмет из рога, похожий на трепало (?).

Могила 4. Находилась в 3,65 м к СЗ от третьего погребения. В насыпи над этой могилой виднелась впадина от грабительского колодца, который хорошо фиксировался в разрезе (рис. 1–4). Грабительский шурф почти точно попал в могилу, лишь немного расширив ее ЮВ сторону. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, с незначительным отклонением к В, средние размеры 2,1×0,86 м, глубина 1,05 м. Инвентарь и кости человека в могиле разбросаны и частично переломаны. Первоначальное положение сохранили фрагмент берцовой кости правой ноги и локтевая и лучевая кости правой руки, а также, очевидно, фрагменты крыльев таза. По их положению можно заключить, что погребенный был уложен вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 2–5). От черепа остались: нижняя челюсть и затылочная кость, в СВ части могильной ямы. Здесь же группировались кости рук, ключицы и ребра. Позвонки были разбросаны по всей яме. Большая часть инвентаря находилась тоже в СВ части могилы. Это — железное стремя (рис. 5–1), обломанные бронзовые наконечники ремней (рис. 5–12, 13), бронзовые бляхи, некоторые с остатками кожаных ремней (рис. 5–3, 6, 10, 11, 14), костяная застежка (рис. 5–9), фрагмент серебряного зеркала (рис. 5–5), половинка бронзового игольника (рис. 5–4). Ближе к центру могилы лежал обломок железного звена удила (рис. 5–7). В ЮЗ части могильной ямы обнаружено железное стремя (рис. 5–2) и костяная пряжка (рис. 5–3).

Захоронение коня. Находилось под третьей насыпью, в 0,8 м к Ю от юго-восточной стенки четвертого погребения. Захоронение

было совершенно на уровне древней поверхности, без ямы. Скелет коня состоял из костей таза с задними ногами, вывернутыми в суставах и черепа с шейными позвонками. Обс части туши как бы имитировали целую лошадь, уложенную на боку, головой на Ю, морда повернута к ЮЗ (рис. 2-6). На голове коня была надета узда, от которой сохранился полный набор бронзовых блях, наколочников ремней (рис. 6-1-6) и палобная бляха (рис. 6-9) с остатками кожаных ремней. Во рту находились железные удила с псалиями (рис. 6-10).

Курганы №№ 3-6 изучены сплошным раскопом 32,8×6,4 м. Их размеры:

Курган № 3 — диаметр 4,8 м, высота насыпи 0,5 м.

Курган № 4 — диаметр 4 м, высота насыпи 0,38 м.

Курган № 5 — диаметр 5 м, высота насыпи 0,6 м.

Курган № 6 — диаметр 3,5 м, высота насыпи 0,4 м.

Данные курганы не содержали погребений или каких-либо сооружений. Лишь под насыпью кургана № 3, по центру, на уровне древней поверхности, был обнаружен железный наколочник стрелы (рис. 1-3). В остальных насыпях находок не было. Стратиграфия всех четырех курганов одинакова — это слой светло-серой супеси мощностью 0,1-0,2 м — древняя поверхность, слой темно-серой супеси — насыпь и слой дерна мощностью 0,05-0,07 м. К СВВ от курганов №№ 3,5 на расстоянии 0,3 и 0,5 м были вкопаны деревянные столбики. Их диаметр 0,2 и 0,25 м (рис. 1-2). Столбики вкопаны в слой древней поверхности и материк на глубину 0,25 м.

Инвентарь из раскопанных курганов представлен несколькими вещевыми комплексами: орудия труда, предметы быта, снаряжение верхового коня, вооружение.

Орудия труда. Состоит из: 1. Тесла. 2. Ножи.

1. Железное тесло обнаружено в могиле 3 (рис. 4-13). Имеет короткую (длина 5 см), разомкнутую втулку и лезвие квадратной формы (4×4 см). В результате расковки верхней части лезвия и более сильном загибании краев втулки, тесло снабжено плечиками. Функциональное назначение тесла — обработка дерева [18, с. 516; 23, с. 103-104]. Утверждение о его специальном использовании в военных целях является, по нашему мнению, ошибочным. Железные тесла на территории лесостепного Алтая появляются в памятниках фоминского этапа кулайской культуры [12, табл. ЛП-17]. Массовое их распространение приходится на вторую половину I тыс. н.э. Нам известно более 40 экз. тесел только из памятников сроскинской культуры лесостепного Алтая [12, табл. LIV-7, LVI-10

LVII-16; 7, рис. 11-2; 46, рис. 6-1,2; 47, рис. 1; БКМ, 849/49-5 и др.]. Хронологические рамки существования тесел очень широки, от начала I тыс. н.э. вплоть до этнографического времени.

2. Железные ножи происходят из могил 1 и 3 (рис. 3-7, 4-14). У обеих ножей на черенках сохранилась деревянная обкладка, поперечное сечение клинков вытянутотреугольное. Один экземпляр при переходе черена в клинок снабжен двумя слабовыраженными плечиками, на разном уровне (рис. 4-14), второй имеет хорошо выраженные плечики на одном уровне, его форма напоминает кинжал (рис. 3-7). Аналогии таким ножам известны, в основном, по памятникам второй половины I тыс. н.э. — начала II тыс. н.э. [12, табл. LVI-2; 46, рис. 6-16,20; 3, рис. 3-2; 39, рис. 1-4; 43, рис. 5-6,7].

Бытовые предметы. Включает: 1. Поясной набор. 2. Зеркала. 3. Игольники.

1. От пояса найдены 3 бронзовые пряжки и тренчик из могилы 2 и 3 (рис. 3-14,15; 4-11,12). У всех пряжек сохранились сильно корродированные железные язычки или их остатки. Пряжки относятся к разделу двухтавровых, к отделу выделеннорамчатых, по форме рамки делятся на типы, по оформлению щитка на подтипы. Тип 1. Сердцевидные (рис. 3-14), подтип а) — скобчатые. Тип 2. Сердцевидные с широким носиком (рис. 4-11), подтип б) — скобчатые с вогнутыми сторонами. Тип 3. Фигурносердцевидные (рис. 3-15), подтип в) — скобчатые с фигурновырезными сторонами. Более 30 экз. пряжек, аналогичных выделенным типам, известно в памятниках позднего периода сросткинской культуры лесостепного Алтая [12, табл. LIV-1, LV-18, LVI-11, LVII-15; 43, рис. 5-11; 50, рис. 2-15; 19, рис. 1-8; 17, рис. 1-2; БКМ, 849/46-1 и др.]. В меньшем количестве они встречаются в памятниках Восточного Казахстана [5, рис. 66-7, 106-29; 41, рис. 5-14, 19-21] и эпизодически в Горном Алтае, Западной Сибири и Южном Урале [24, рис. 46-11, 61-1; 40, рис. 1-4]. Наиболее ранние экземпляры таких пряжек (тип 1) появляются очевидно на рубеже VIII-IX вв. н.э. и в развитых своих формах (тип 2, 3) существуют во второй половине IX — начале XI вв. н.э. В памятниках конца XI-XII вв. н.э. они уже известны. Некоторые исследователи трактуют подобные пряжки, как подпружные. Необходимо заметить, что в непо потревоженных погребениях лесостепного Алтая все они находятся у скелета человека, в районе пояса (в одном случае под черепом) или их уменьшенные варианты используются в портупейных ремнях.

2. Небольшой обломок серебряного зеркала обнаружен в могиле 4 (рис. 5-5). Он имеет овальный невысокий бортик с выбитыми

на нем элементами орнамента, на основной плоскости литой орнамент из двух волнистых линий (возможно цветков), в углу пробито сквозное отверстие для ношения. Фрагментарность изделия затрудняет его датировку и определение культурной принадлежности. Можно лишь отметить, что в сросткинских погребениях лесостепного Алтая обломки зеркал, в основном бронзовых, встречаются довольно часто и очень редки целые зеркала [3, рис. 2-12; 2, рис. 2-5; 32, рис. 1-14; 28, рис. 4-9; 29, с. 104; 9, рис. 1-3].

3. Половинка бронзового игольника также происходит из могилы 4 (рис. 5-4). Ее форма с разделительной канавкой напоминает корпус птицы со сложенными крыльями и распущенным хвостом. По середине, у боковых сторон, есть два сквозных отверстия для крепления шпеньками к другой такой же половинке. Изнутри имеется четыре круглых выступа-упора, тоже для состыковки со второй половиной. Такие изделия довольно редки для сросткинских памятников [9, рис. 1-3; БМК, 849/27, 28-3]. Основная их масса происходит из памятников древних хакасов с территории Минусинской котловины и Тувы, второй половины IX-X вв. н.э. [42, табл. XXXII; 35, рис. 6-4, 12-3; 25, рис. 3-3, 4-3; 13, рис. 75]. До недавнего времени эти предметы рассматривались как «зажимы для кистей», но обнаружение в одном из них мешочка с иголками, показало возможность их использования как футляров для ношения и хранения иголок — игольников [25, с. 103-106, рис. 3-1,2]. Половинка игольника из Шадринцево имеет на внутренней стороне остатки сильно корродированного железного предмета, возможно это спекшиеся иголки или шило (рис. 5-4).

Снаряжение верхового коня. Состоит из: 1. Удила. 2. Псалии. 3. Стремена. 4. Подпругные пряжки. 5. Застежки для пут. 6. Сбруйный набор.

1. Удила представлены 4 экз. из могил 1, 2, 4 и захоронения лошади (рис. 3-6, 16, 17, 5-7, 6-10). Согласно классификации удил, разработанной для Верхнего Приобья [34, с. 141, 142, рис. 2], экземпляры из Шадринцево относятся к группе железных, разряду соединеннокрюковых, разделам гладких (рис. 3-6, 16, 17, 6-10) и витых (рис. 5-7). Звено удил из могилы 1 нельзя отнести к конкретному отделу и типу из-за обломанной внешней части, ясно только, что она была кольчатой. Пары звеньев из могилы 2 и захоронения лошади относятся к отделу крюковых, подотделу равнокрюковых, типу 25 — расклепаннокрюковые (рис. 3-16, 17) и типу 26 — нерасклепаннокрюковые (рис. 6-10). Звено удил из могилы 4 относится к отделу двукольчатых, подотделу крученых, типу 29 — неравновосьюмерковидные. Малая петля восьмерки снаб-

жена кольцом для крепления повода (рис. 5-7). Удила типа 29 относятся к древнехакасской культурной традиции изготовления. В лесостепном Алтае они появляются не ранее середины IX в. н.э. и существуют до рубежа I-II тыс. н.э. [34, с. 149, 150]. Типы 25, 26 также привнесены на Алтай, но из культур западных кочевников не раньше X в. н.э. и без видимых изменений существуют до сих пор [34, с. 151, 152].

2. Псалии есть у 2 экз. удил, из могилы 2 и захоронение коня (рис. 3-16, 17, 6-10). Они относятся к одной группе — железных. Остальные их признаки различны. Псалии из захоронения коня изготовлены в виде вертикальных стержней подпрямоугольного сечения и S-овидной формы. Для крепления ремней оголовья снабжены сегментовидными скобами, составляющими одно целое с псалием. Верхнее окончание псалия имеет секировидную форму, нижнее — кеглевидную. Подобные псалии известны в памятниках лесостепного Алтая IX-X вв. н.э. В основном они встречаются с удилами типов 8, 9, 11 [43, рис. 5-12; 44, рис. 5-8; 34, рис. 1]. Наши псалии встречены с удилами типа 26, что является для них более поздним типологическим признаком. Псалии из могилы 2 сделаны из прута овального сечения в форме большого гладкого сомкнутого кольца. Встречены с удилами типа 25. Известны такие псалии и у удил типов 26, 30 [12, табл. LIV-5, LV-23; 39, рис. 1-7; 4, рис. 7-1; 47, рис. 2; 34, рис. 4-16]. Так же, как и равнокрючные удила, они широко распространяются с X в. н.э. и доживают до этнографического времени и позже.

3. Пара железных стремян обнаружена в могиле 4 (рис. 5-1, 2). Оба стремени изготовлены из дрота овального сечения, имеют округлую форму дужки, почти прямую подножку. Продольная форма подножки вытянутоовальная. Остальные признаки стремян различны. У первого стремени (рис. 5-1) поперечное сечение подножки — Т-образное, за счет ребра жесткости или первюры, как бы продолжающей дужки под подножкой. Ушко в виде петли, приплюснутой по горизонтали. Второе стремя (рис. 5-2) имеет подножку подпрямоугольного сечения. Ближе к краям подножки пробиты две группы сквозных отверстий, расположенных по кругу. В каждом круге 6 округлых отверстий и по одному в центре. Ушко — выделеннопластинчатое, с короткой толстой шейкой, усиленной снизу валиком. Пластина с прямоугольным широким вырзом для ремня у основания. Горизонтальнопетельчатые стремени, аналогичные нашему, появляются в Южной и Западной Сибири, около середины IX в. н.э. [23, рис. 32, 33; 35, с. 114; 38, с. 133]. В памятниках сросткинской культуры они становятся

наиболее распространенным типом стремян [43, рис. 4; 44, рис. 5-7; 1, рис. 2-11]. В начале II тыс. н.э. такие стремяна встречаются очень редко. Выделеннопластинчатые стремяна с широкой прорезью для крепления стременного ремня, толстой короткой шейкой и другими признаками, характерными для нашего экземпляра, датируются в пределах X-XI вв. н.э. [22, табл. XV-1,2]. В сrostкинских памятниках находки таких стремян редки. Стремяна с прорезной подножкой характерны для культуры древних хакасов [23, рис. 33-3; 13, рис. 13, 20, 135].

4. Костяные подпружные пряжки встречены в могилах 2 и 4 (рис. 3-18, 5-8). Согласно классификации, разработанной для костяных пряжек сrostкинской культуры [30, с. 193], экземпляры из Шадринцево относятся к разряду — с костяным язычком (у пряжки из могилы 4 язычка нет, но отсутствие железных окислов говорит за то, что он был костяным), разделу — двухтавровых. Пряжка из могилы 4 относится к отделу невыделеннорамчатых, тип 9 — арочные, подтип г) — трапециевидные. Пряжка из могилы 2: отдел выделеннорамчатых, тип 15 — сердцевидные, подтип г) — трапециевидные. Пряжки, аналогичные типу 9 появляются на рубеже VII-VIII вв. н.э. и существуют до X в. н.э. [30, с. 201, 202]. На нашем экземпляре уже имеются небольшие вырезы в месте вставления вертлюги, что означает начало перехода к выделенной рамке, дужка снабжена носиком, щитку придана пока еще слабая форма трапеции. Все эти признаки более поздние по сравнению с простыми арочными пряжками. Пряжки типа 15 появляются не ранее IX в. н.э. и являются характерными для IX-XI вв. н.э. Наибольшее применение они получили у населения сrostкинской культуры [30, с. 202; 44, рис. 2-19, 4-10].

5. Костяные застежки для пут есть в могилах 2 и 4 (рис. 3-19, 5-9). Иначе их называют «костыльки». В отличие от прорезных застежек, называемых «цурками», служили для заклепления веревочных, а не рсменных сочленений. На территории лесостепного Алтая известны, в основном, в памятниках IX-XI вв. н.э. [43, рис. 5-5; 19, рис. 1-7]. В позднем периоде сrostкинской культуры застежки «костыльки» преобладают над прорезными «цурками». Известен один экземпляр «костылька», отлитый из бронзы [44, рис. 4-11].

6. Сбруйный набор представлен 2 комплектами: одним целым (уздой) из захоронения коня (рис. 6-1-9) и фрагментами другого из могилы 4 (рис. 5-3,6, 10-14). В наши комплекты входят следующие виды изделий: наременные бляхи, наконечники ремней, на-носный султанчик и налобная бляха.

Наремненные бляхи отлиты из бронзы методом штамповки. В поперечном сечении имеют П-образную или трапециевидную форму. К ремням крепятся при помощи бронзовых шпеньков (одного или двух) двумя способами: 1 — на шпенок надевалась фиксирующая пластина квадратной или прямоугольной формы, после чего его верх расклепывался, образуя гвоздевидную шляпку (рис. 5-11, 6-1,6); 2 — верх шпенька просто загибался (рис. 5-13,14, 6-1). Фиксирующие пластины изготовлены как из бронзы, так и из железа. По силуэту можно выделить несколько типов блях:

Тип 1. Пятиугольная бляха с У-образным верхом и низом, 1 экз. (рис. 5-11). Украшен геометрическим орнаментом. Аналогичные бляхи, только с растительным орнаментом, известны нам из курганного могильника Сростки-1, раскопки М.Д. Копытова (БКМ, 849/39-5) и Кучук-1 [50, рис. 2-11].

Тип 2. Пятиугольные бляхи с фигурноскобчатым верхом, фигурновырезными сторонами и треугольным низом, 12 экз. (рис. 6-1-4), украшены растительным орнаментом.

Тип 3. Прямоугольные узкие бляхи — псевдотренчики, 3 экз. (рис. 5-6, 6-1,2), украшены по сторонам мелкозернистыми выпуклинами, в центре 5 больших выпуклин (рис. 6-1,2) и более сложный узор (рис. 5-6).

Тип 4. Миндалевидные бляхи, с бортиком по краю и выемкой внизу, 2 экз. (рис. 6-5,6), в центре украшены имитацией колокольчика, окаймленного растительным орнаментом. Один экземпляр имеет дефект литья (рис. 6-6). Похожая бляха найдена в Минусинской котловине с. Табат [13, рис. 144].

Тип 5. Двухвостные роговидные бляхи, с круглым выступом, 6 экз. (рис. 6-1-6), украшены геометрическим орнаментом. У 3 экз. хвосты обломаны. Точные аналогии известны в Сростках-1 (БКМ, 849/7-2).

Тип 6. Семилепестковая бляха, с кругом по центру, 1 экз. (рис. 5-3). Аналогичные бляхи есть в Сростках-1, Змеевке [39, рис. 2; 29, рис. 4-12] и у кимаков Восточного Казахстана [41, рис. 4-5, 7-10].

Тип 7. Сердцевидная бляха с вертикальной перекладиной посередине, 1 экз. (рис. 5-14). Такие бляхи с орнаментом и без широко распространены в памятниках сросткинской культуры [39, рис. 2; 43, рис. 3-5-7, 12,14,17-23; 28, рис. 4-12; 44, рис. 4-15,18; 47, рис. 6], и в других культурах конца I — начала II тыс. н.э. [23, рис. 39-5, 40-6,9,12; 35, рис. 15-2, 22-2; 13, рис. 126,128; 5, рис. 97-23-25, 106-16-25; 24, рис. 55-9,10, 60-13,14, 71-5; 36, рис. 40-13].

Тип 8. Ярусная бляха, с верхней частью в форме трилистника и нижней в виде фигурновырезного ромба, 1 экз. (рис. 5-10), орнамент верхней части геометризван, на нижней части изображена фигура, напоминающая крест с расширяющимися концами. Бляхи, аналогичные по конструкции, но отличающиеся в деталях и орнаменте, известны в Сростках-1, (БКМ, 849/7-4) и материалах тюхтатской культуры [13, рис. 125,127,137,138; 42, табл. XXX-9,13].

Наконечники ремней по технологии изготовления, сечению и способу крепления, аналогичны бляхам. По форме относятся к одному типу — удлиненокилевидные, с У-образным верхом, 4 экз., украшены растительным орнаментом (рис. 6-1-4). Один из них с дефектом литья и выпирающим наружу шпеньком. К ремню дополнительно привязан более тонким ремешком (рис. 6-2), 1 экз. с циркульным орнаментом (рис. 5-12), верхняя часть обломана. И еще 1 экз. с геометрическим орнаментом (рис. 5-13), верх которого также обломан. Имеет отверстие от литейного брака, с продетым в него плетеным ремешком из волос. Подобные удлинённые наконечники ремней известны в памятниках сросткинской культуры лесостепного Алтая [12, табл. LVI-12; 7, рис. 11-27; 50, рис. 2-16; 17, рис. 1-3; 28, рис. 4-13; 32, рис. 1-2; 44, рис. 4-14,17; БКМ, 849/35-3], аскизской культуры Минусинской котловины и Тувы [23, рис. 44-9; 42, табл. XXXI-10; 22, табл. IX], у кыпчак-казахов Восточного Казахстана [5, рис. 100-12,13, 106-8] и кочевников Южного Урала [24, рис. 71-1, 38-12], Барабы [6, рис. 4-1, 30-7, 40-3]. Время основного существования таких наконечников — X-XI вв. н.э.

Наносный султанчик изготовлен из бронзы, состоит из двух частей: конической втулки и прямоугольной пластины (рис. 6-7,8). Данный экземпляр совмещает в себе конструктивные особенности тюхтатской и аскизской культур [22, с. 30-32]. С находками IX-X вв. н.э. его сближает материал изготовления, форма втулки с кольцевым утолщением у верхнего края, конфигурация пластины с фигурновырезным периметром и П-образным сечением. Вместе с этим наш султанчик несет в себе признаки раннего этапа аскизской культуры: он сборный, причем в прямом смысле этого слова. Сначала к наносному ремню оголовья крепилась втулка с подквадратным основанием, посредством пришивания через сквозные отверстия. Затем накладывалась пластина, закрепляющаяся двумя шпеньками, аналогично 1 способу у блях. По своим признакам шадринцевский султанчик является, вероятно, переходным типом от цельных султанчиков IX-X вв. н.э. к сборным XI-XII вв. н.э. По высоте втулки — 37 мм, он ближе к экземплярам конца X — начала XI вв. н.э. [22, табл. VI-3, XXVIII-21,31]. Из памятников

лесостепного Алтая известно 7 экз. наносных султанчиков, которые в сумме датируются концом IX — началом XI вв. н.э. [32, с. 115, рис. 1-1]. Ни в более раннее, ни в более позднее время украшения узды подобного рода не встречены. Их происхождение следует связывать с культурным воздействием средневековых хаккасов [22, с. 31].

Налобная бляха сделана из тонкого бронзового листа сердцевидной формы, в центре имеет полный каплевидный умбоц (рис. 6-9). По периметру украшена полыми выпукликами. Два ряда таких выпуклин пересекают ее посередине крест накрест. Для крепления к налобному ремню была снабжена пластинчатым ушком с двумя сквозными отверстиями для пришивания. Под умбоцом есть заклепка с ромбовидной шляпкой. Изнанка бляхи имеет следы железного окисла. Ушко сломано, на умбоне вмятина. Подобные крупные налобные бляхи из бронзы и железа известны только среди памятников сросткинской культуры лесостепного Алтая и у кимаков Восточного Казахстана [3, рис. 3-18; 5, рис. 81-2, 12, 97-42]. Время их существования можно определить X-XI вв. н.э.

Находка в захоронении коня целого комплекта узды позволяет реконструировать ее устройство (рис. 2-6, 6). Шадринцевское оголовье состояло из нащечных, наносно-подгубного, налобно-подбородочного и затылочного ремней (рис. 7-4). Аналогичное устройство уздечки изображено на бляхах-подвесках из могильника Сростки-1 (рис. 7-1, 3; БКМ, 849/7-3). Бронзовые изделия служили в основном только в качестве украшения узды. Функционально значимыми были бляхи 5-го типа, которые крепили ремни в местах перекрещивания, заменяя в данном случае, тройники. К ним же крепились свободно свисающие ремешки, украшенные наконечниками и бляхами 2, 3-го типа. Причем бляхи 3-го типа (имелись только у двух ремней на перекрестии с налобным) своим расположением как бы имитировали тренчики. Бляхи 4-го типа украшали середину нащечных ремней, свешиваясь на более коротких свободных ремешках при помощи блях 5-го типа. Судя по отсутствию пряжек затылочной, подбородной и подгубной ремки были глухими (цельными или шпигными). Нащечные ремни, вероятно, пришивались к скобам псапиев также наглухо. Повод пришивался к внешним звеньям удила. Зидимо данная узда не имела и чумбура, хотя о наличии его вроде бы свидетельствуют сросткинские бляхи (рис. 7-1, 3). Псалии, относительно морды коня, располагались секировидными окончаниями вверх, к поздырям, а кеглевидными вниз (рис. 2-6, 7-4). Украшения узды из могилы 4 более разнообразны. По аналогии с целым комплектом можно говорить, что наконечники ремней (рис. 5-12, 13) и

бляхи 1, 3-го типов (рис. 5-6,11) располагались на свободно свисающих ремешках. Остальные бляхи могли использоваться на любых ремнях оголовья. Следует отметить, что бляхи 6, 7-го типов зачастую применялись для украшения поясной и португальной гарнитуры [39, рис. 2; 36, рис. 23-12, 24-1, 7; 21, рис. 4-16,17].

Вооружение. Представлено тремя категориями: 1. Защитный доспех. 2. Наступательное оружие. 3. Военное снаряжение.

1. К защитному доспеху относится железная пластина от панциря из могилы 1 (рис. 3-5). Пластина овальнопрямоугольной формы, нижний край прямой, верхний выпуклый. Размеры 5,95×3,6 см, толщина 1,5 мм. Снабжена 6 сквозными отверстиями, диаметром 2-2,5 мм. Отверстия расположены по три с каждой стороны: два у нижнего края и четыре (двумя парами) посередине и выше. Такие пластины применялись в панцирях ламеллярной структуры [11, с. 151]. Система расположения отверстий на нашей пластине говорит о том, что в горизонтальные полосы панцирь из таких пластин набирался через две пары средних отверстий, а между собой полосы крепились через все отверстия. Крепление, вероятно всего, производилось отдельными ремешками, что повышало прочность доспеха. Длинной стороной пластины бляхи направлены по вертикали. Железные панцирные пластины (ламеллярной структуры набора), овальнопрямоугольной формы, появились, очевидно, у хуннов в конце I тыс. до н.э. [11, рис. 1-1a] и использовались до этнографического времени. Их развитие шло по пути изменения размеров и системы расположения отверстий. К настоящему времени на территории лесостепного Алтая из памятников VIII-XII вв. н.э. известно 70 железных пластин (целых и фрагментов) не менее чем от двадцати ламеллярных панцирей [32, с. 113; 29, с. 103; 26, с. 40, 42; 15, с. 43 и др.]. Наиболее близкие аналогии шадринцевской пластине по форме и системе расположения отверстий обнаруживают 2 экз. из Минусинской котловины, датируемые IX-XII вв. н.э. [49, рис. 2-13-19, с. 152]. Покрой сrostкинских панцирей позднего периода позволяют представить упомянутые выше бляхи-подвески из Сrostок-1, на некоторых изображены всадники, одетые в панцири (рис. 7-1,3). Отдельные пластины хорошо видны на груди, на подоле и плечах они переданы схематичнее. Доспех представлял собой «короткополую катафракту», состоящую из нагрудника, двухчастного подола до колен и оплечий до локтя. Все части панциря могли набираться из пластин одного типа (рис. 7-4).

2. Наступательное оружие представлено оружием дальнего и ближнего боя. К первому относятся наконечники стрел из могил

1,2,3 и кургана № 3 (рис. 1-3, 3-1-4, 9-13, 4-2-7), ко второму меч из могилы 2 (рис. 3-8).

Все наконечники стрел одной группы — железные и одного ряда — черепковые, различаются по поперечному сечению пера (раздел), по общему (отдел) и конкретному (тип) силуэту пера и по форме упора (подтип).

Раздел I. Трехлопастные. Отдел I. Шестиугольные. Тип 1. Шестиугольные сужающиеся, 1 экз. (рис. 4-2), подтип б) — с кольцевым упором. Тип 2. Узкошестиугольные сужающиеся, 1 экз. (рис. 1-3), подтип а) — без упора. Отдел II. Ромбические. Тип 3. Вытянуторомбические, 1 экз. (рис. 3-11), подтип б). Отдел III. Килевидные. Тип 4. Килевидные с выступом, 2 экз. (рис. 4-3,4), подтип а). Тип 5. Вогнутокилевидные, 2 экз. (рис. 3-4,10), подтип а).

Раздел II. Трехгранно-трехлопастные. Отдел I. Ромбические. Тип 6. Ассиметричноромбические, 1 экз. (рис. 3-9), подтип б). Раздел III. Трехгранные. Отдел I. Ромбические. Тип 7. Вытянуторомбические, 4 экз., подтип б) (рис. 3-12), подтип а) — с шайбовым упором (рис. 4-6,7), подтип г) — с цилиндрическим упором (рис. 4-5).

Раздел IV. Четырехгранные. Отдел I. Клиновидные. Тип 8. Клиновидные, 1 экз. (рис. 3-3), подтип а).

Раздел V. Шестигранные. Отдел I. Долотовидные. Тип 9. Долотовидные, 2 экз. (рис. 3-1,2), подтип д) — с коническим упором.

Раздел VI. Линзовидные. Отдел I. Клиновидные. Тип 10. Клиновидные с выступом, 1 экз. (рис. 3-13), подтип а).

Трехлопастные шестиугольные и ромбические наконечники стрел появляются в последней четверти I тыс. до н.э. [48, рис. 5-1, 10-12]. Такие признаки оформления как узкие лопасти (тип 2) и наличие кольцевого упора (тип 1, 3), характерны для них в VIII-XI вв. н.э. [31, с. 6]. Наконечники килевидной формы 1-го раздела, появляются в середине I тыс. н.э. [7, табл. VIII-1, XI-10, 13]. Вогнутые лопасти (тип 5) и выступы в нижней части пера (тип 4) становятся характерными у них в VIII-X вв. н.э. [31, с. 6]. В памятниках лесостепного Алтая этого времени килевидные наконечники являются самой массовой серией стрел (нам известно около 200 экз.). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел появляются во второй четверти I тыс. н.э. [20, рис. 5; 14, табл. II]. Наличие упора, асимметричность, довольно узкие пропорции пера, позволяют отнести наш экземпляр (тип 6) к IX-XI вв. н.э. [31, с. 6-7]. Трехгранные ромбические наконечники известны с первой половины I тыс. н.э. [20, рис. 6]. Наши экземпляры, оснащенные различными упорами можно датировать VIII-XI вв. н.э. (тип 7б) и X-XI вв. н.э.

(тип 7е, г) [24, рис. 70-17,19,21]. Клиновидные наконечники IV раздела наиболее известны в памятниках IX-X вв. н.э. Южного Урала и Восточного Казахстана [24, рис. 21-14, 61-15; 5, рис. 100-16]. Близкие аналогии долотовидным наконечникам (тип 9), по силуэту пера и упорам, происходят из памятников конца X — начала XII вв. н.э. аскизской культуры [22, табл. XIX-33-35, XXVII-18,26]. Линзовидный наконечник, тип 10, по форме близок типу 8, а наличие выступов в нижней части пера сближает его с типом 4 — это позволяет датировать данный экземпляр в пределах IX-X вв. н.э.

Меч имеет прямой клинок длиной 87 см, на 28 см от острия клинок раскован на два лезвия, в сечении ассиметричноромбической формы, остальная его часть однолезвийная, килевидного сечения. Ширина полотна у основания 4 см, ближе к острию 2,5 см. Толщина обуха у основания 1 см. Рукоять меча наклонена в сторону лезвия, ее длина 10 см, черен гладкий, прямоугольного сужающегося сечения, средняя ширина 2,5 см, толщина 0,7 см. Меч снабжен цельным напускным перекрестием фигурно-треугольной формы, расположенным перпендикулярно оси клинка — прямо. С территории лесостепного Алтая происходит 48 экз. мечей и сабель из памятников VIII-XII вв. н.э. [18, табл. LVIII-5; 12, табл. LIII-1,2, LVI, LVII-II; 7, с. 69; 19, рис. 1-3; 32, с. 113; 28, с. 115; 44, рис. 4-1; 26, с. 40-41; 31, с. 8; 16, рис. 1-4; БКМ, 849/57,58,62 и др.]. Однолезвийно-двулезвийные мечи появляются в конце VIII — начале IX вв. н.э. [21, рис. 5-1; 37, рис. 34]. Ранние их экземпляры имеют прямую рукоять, короткое второе лезвие и клинок. Шадринцевский меч по своим признакам (большая длина второго лезвия и клинка, наклонная в сторону лезвия рукоять) может быть датирован не ранее середины IX в. н.э. Верхняя хронологическая граница таких мечей, вероятно, XIII в. н.э. [22, рис. 19-3].

3. Из военного снаряжения обнаружен берестяной колчан — могила 3 (рис. 4-1). Его общая длина 78 см. Длина футляра 62 см, ширина у основания 18 см, у устья 11 см. Высота кармана 16 см, ширина верхнего края 14,5 см. Футляр свернут из двух слоев бересты, вытянутоовального сечения у основания и округлого у устья. Карман в поперечном сечении имеет С-видную форму, с загибающимися сторонами. Дно колчана было из деревянной дощечки толщиной около 1 см, которая почти полностью истлела. К поясу колчан крепился двумя портупейными ремнями, от которых сохранились бронзовые кольца-тройники на правом боку. Одно возле устья, второе в 10-20 см ниже. В каждое кольцо продевалось по три ремня, крепившихся бронзовыми

бляхами (рис. 4-8-10). По два ремня пришивалось к боку футляра и по одному шло к поясу. У верхнего тройника сохранилось только два фрагмента ремня и две бляхи овальнопрямоугольной формы, верхний край имеет слегка выделенный посик, с фигурновырезными сторонами и геометрическим орнаментом. Аналогичная бляха известна в памятнике IX-X вв. н.э. на Южном Урале [24, рис. 38-13]. У второго тройника сохранились все ремки, один оборван. Бляхи квадратные, с дугообразным выступом верхнего края и таким же вырезом нижнего, украшены растительным орнаментом. В колчане лежало 6 наконечников стрел: 3 — трехлопастные, остриями вверх на кармане и 3 — трехгранных, остриями вниз около дна. По такому же принципу лежали наконечники стрел в могиле 2: 3 — трехлопастные и трехгранно-трехлопастной вверх, а 2 — трехгранный и линзовидный, вниз (рис. 2-3). Расстояние между ними (от острия до острия) составляло 79 см и фактически совпадает с размерами колчана из могилы 3. Видимо наконечники второй могилы имитировали своим расположением колчан.

Берестяные колчаны с карманами появляются в начале второй половины I тыс. н.э. [45, с. 197]. Использование в их портупее колец-тройников характерно для древнетюркской традиции. Железные тройники с пластинами более ранние [45, рис. 2], бронзовые с бляхами более поздние, с IX в. н.э. [21, рис. 4-16,17].

Комплекс вооружения сrostкинской культуры лесостепного Алтая, представленный в Шадринценском могильнике, на видовом уровне, не полон. Но вместе с материалами из памятников синхронных и однокультурных Шадринцево, открываются возможности для более полной его реконструкции [8, с. 73]. Помимо ламеллярных панцирей, стрел, мечей и колчанов, в паноплию населения сrostкинской культуры входили шлемы, щиты, сложносоставные луки, копья, кистени, кинжалы, ножны. На бляхах-всадниках из Сrostок изображены круглые щиты, копья и мечи, в ножнах на левом боку, прикрепленные двумя портупейными ремнями наклонно (рис. 7-1,3; 8, с. 75). На другой бляхе-подвеске из Сrostок имеется изображение конического, вероятно, клепанного шлема (рис. 7-2; БКМ, 849/8-1; 8, с. 74). Костяные накладки на лук, железные наконечники копий, кистень, кинжалы, бронзовые наконечники ножен и обоймы со скобами для портупеи, зафиксированы археологически [18, табл. LVIII-5; 12, табл. LIV-4,6; 3, рис. 3-1,3; 43, рис. 2-23; БКМ, 849/67,69,70,72 и др.]. Рассматривая комплекс вооружения сrostкинского населения в целом можно сказать, что он соответствовал средневооруженному кон-

ному воину, где всадник имеет достаточно полные средства защиты и нападения (рис. 7-4; 8, с. 75). Подобная паноплия подразумевает тактики плотно сомкнутого строя для нанесения таранного удара с последующим переходом к рукопашному бою [11, с. 177; 10, с. 158]. Однако, большая маневренность, по сравнению с тяжелооруженными всадниками (у которых еще и конь защищен доспехом), не исключает возможности широкого использования дальнего боя в рассыпном строю. В этом случае средневооруженная конница могла обходиться и без поддержки легкой.

Хронологические рамки существования инвентаря Шадринцевского могильника в общем определяются VIII-XII вв. н.э. В его составе есть вещи с нижней датой: рубеж VII/VIII-VIII вв. н.э. — подпружная пряжка (тип 9), наконечники стрел (тип 1-5, 76); рубеж VIII/IX-IX вв. н.э. — поясная пряжка (тип 1), подпружная пряжка (тип 15), застежки для пут, наконечники стрел (тип 6, 8, 10), кочанные тройники; середина — вторая половина IX в. н.э. — поясные пряжки (тип 2, 3), игольник, петельчатое стремя, меч: X в. н.э. — удила с псалиями, пластинчатое стремя, наконечники ремней, налобная бляха, наконечники стрел (тип 7с, г). Определяющей здесь является последняя дата, т.к. отнесенные к ней вещи не известны ранее X в. н.э. Более того, на основании датировки некоторых предметов концом X в. н.э. — наносный султанчик, наконечники стрел (тип 9), она может быть еще сужена. Вещи с верхней хронологической датой также разделяются: рубеж X/XI — начало XI вв. н.э. — поясная пряжка (тип 1), игольник, удила (тип 29), S-видные псалии, стремяна, подпружная пряжка (тип 9), наносный султанчик, наконечники стрел (тип 4, 5, 8, 10); XI в. н.э. — поясные пряжки (тип 2, 3), подпружная пряжка (тип 15), застежки, наконечники ремней, налобная бляха, наконечники стрел (тип 1, 2, 3, 6, 7); начало XII-XII вв. н.э. — наконечники стрел (тип 9), наременная бляха (тип 6), вероятно панцирная пластина; начало XIII-XIII вв. н.э. — меч. Здесь определяющей датой будет первая, предметы которой не известны позднее начала XI в. н.э. Таким образом, хронологическими границами курганного могильника Шадринцево I, является конец X — начало XI вв. н.э. Учитывая сильную расплывчатость таких временных определений как начало, конец, середина, авторы считают возможным датировать памятник второй половиной X — первой половиной XI вв. н.э. Данные границы конечно широки для конкретных раскопанных погребений, но они отражают, на наш взгляд, временной отрезок, на котором типы вещей, характерные для древнетюркской эпохи (раннего средневековья) заканчивают свое развитие и

только начинают вырабатываться типы вещей, которые станут господствующими в монгольскую эпоху (развитом среднесековье). Материалы Шадринцевского могильника достаточно ярко демонстрируют такой процесс.

Внутренняя хронология погребений кургана № 1 прослеживается стратиграфически: наиболее ранние могилы 1, 2, затем могила 3 и самые поздние могила 4 и захоронение коня. Однако наборы сопроводительного инвентаря не имеют сколько-нибудь существенных внутренних различий. Это говорит о том, что погребения были совершены на довольно узком временном отрезке.

Наличие в первых трех могилах предметов вооружения и поясов указывает на принадлежность их мужчинам-воинам. Интерпретация 4-й могилы менее определена. Несмотря на ограбленность, в ней осталось довольно много вещей, среди них зеркало и игольник — предметы, характерные для женских захоронений. В данной могиле нет ни оружия, ни пояса (часть блях могла быть от пояса или портупей, но остальной набор не подтверждает этого). Несколько нестандартно для женского погребения снаряжение верхового коня. Кости самой лошади в могиле не встречены. В нее положены разнотипные стремяна и сбруйные бляхи и наконечники с разным орнаментом, явно от сборного, специально для захоронения комплекта. Захоронение коня под насыпью синхронно могиле 4 и, безусловно, связано с ней. В целом могила 4 выглядит богаче других и именно она оказалась разграбленной.

Погребальный обряд Шадринцевского могильника по целому ряду признаков: одиночное труположение, вытянуто на спине, головой на восток (с преобладанием СВ сектора), использование продольно-поперечного перекрытия и бересты для внутренних и надмогильных конструкций — характерен для населения сросткинской культуры лесостепного Алтая [28, с. 127; 31, с. 16]. Захоронение коня возле могилы, в могиле над человеком, помещение части туши или шкуры коня, довольно часто встречается в сросткинских памятниках [43, с. 233–237; 32, с. 113; 28, с. 119; 44, с. 91; 27, с. 213]. Находит аналогии и такая деталь обряда, как расположение пояснично-крестцовой части барана между ног погребенного [44, с. 91], использование куска баранины в виде заупокойной пищи [28, с. 127]. Не характерна для сросткинского обряда ориентация коней на Ю и ЮЗ. Очевидно, это связано с влиянием древнетюркской культурной традиции.

Особенностью Шадринцевского могильника являются малые курганы поминально-ритуального назначения. Интересно, что число раскопанных насыпей первой цепочки — 4, соответствует числу

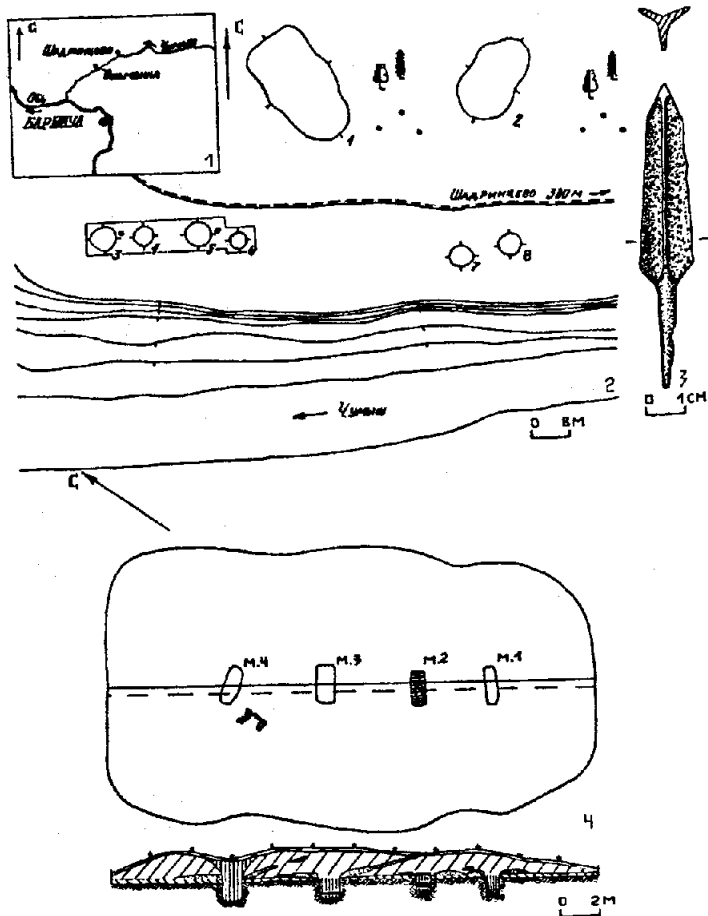

Рис. 1. Шадринцево-1.
 карта местонахождения памятника, 2 — план могильника,
 3 — наконечник стрелы из кургана № 3 (железо),
 4 — план и разрез кургана № 1.

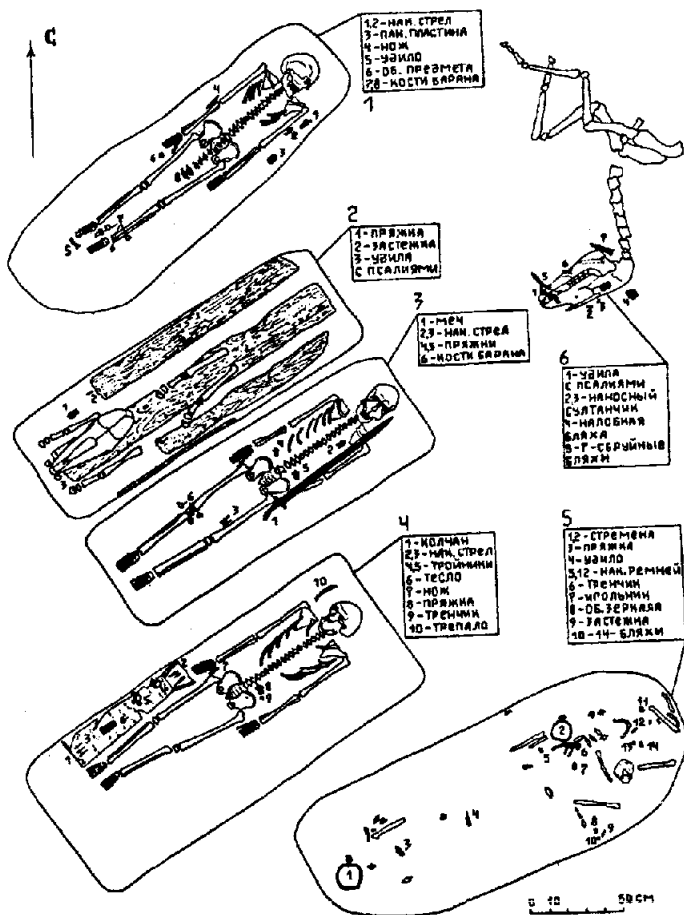

Рис. 2 Шадринцево-1. Курган № 1. Планы могил:
1 — могила 1; 2, 3 — могила-2; 4 — могила-3;
5 — могила-4; 6 — захоронение лошади под насыпью.

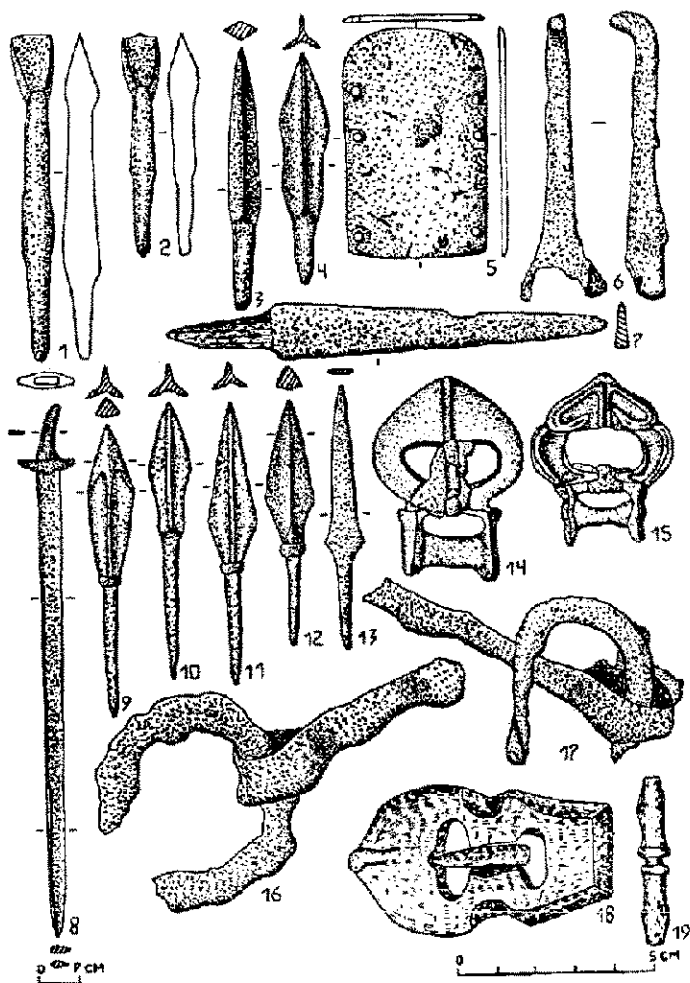

Рис. 3. Шадринцево-1. Курган № 1.

Инвентарь из могил: 1-7 — могила-1; 8-19 — могила-2.

1-13, 16, 17 — железо, 14, 15 — бронза, железо, 18, 19 — кость.

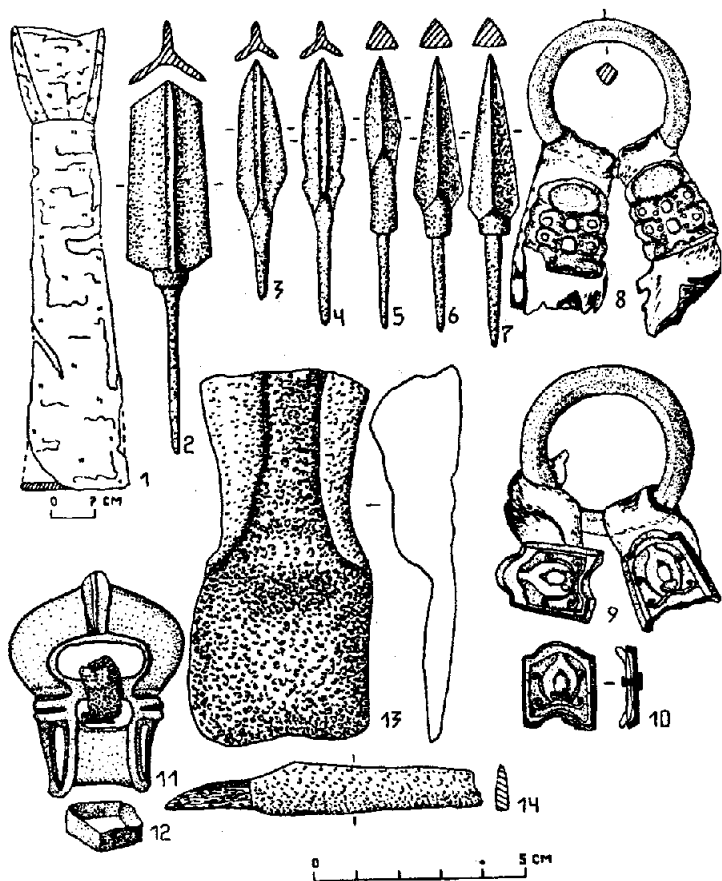

Рис. 4. Шадринцево-1. Курган № 1. Инвентарь могилы-3:
 1 — береста; 2-7, 13, 14 — железо, 8-12 — бронза, железа, кожа.

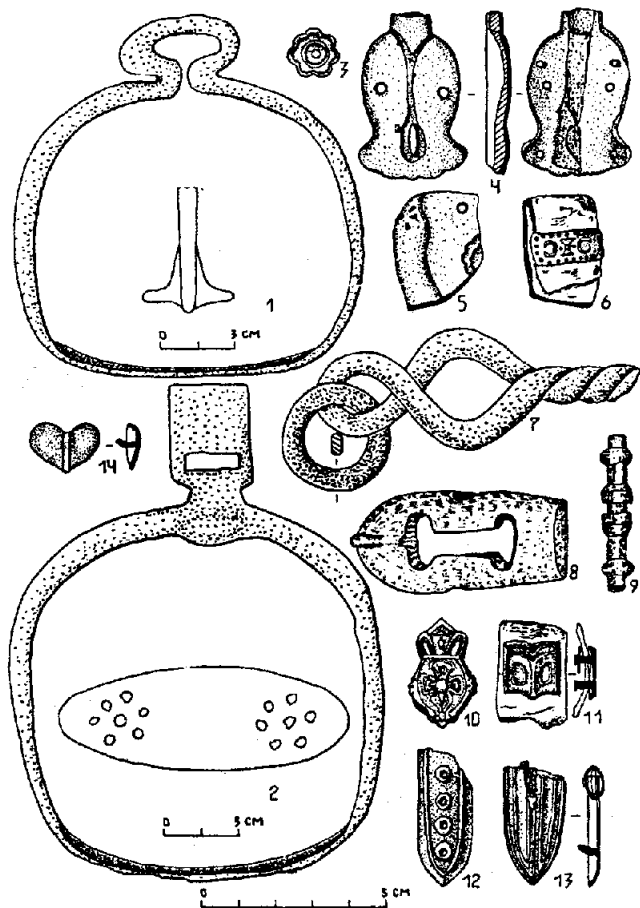

Рис. 5. Шадринцево-1. Курган № 1. Инвентарь могилы-4:
 1, 2, 7 — железо; 5 — серебро, 8, 9 — кость;
 3, 4, 6, 10-14 — бронза, железа, кожа.

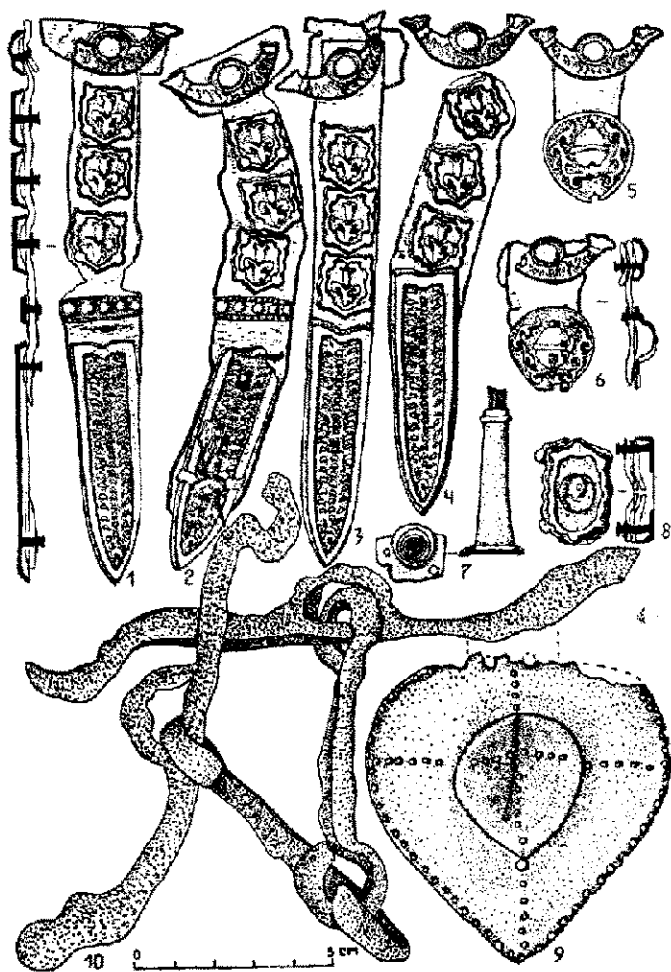

Рис. 6. Шадринцево-1. Курган № 1.
 Инвентарь из захоронения лошади:
 1-9 — бронза, железо, кожа; 10 — железо.

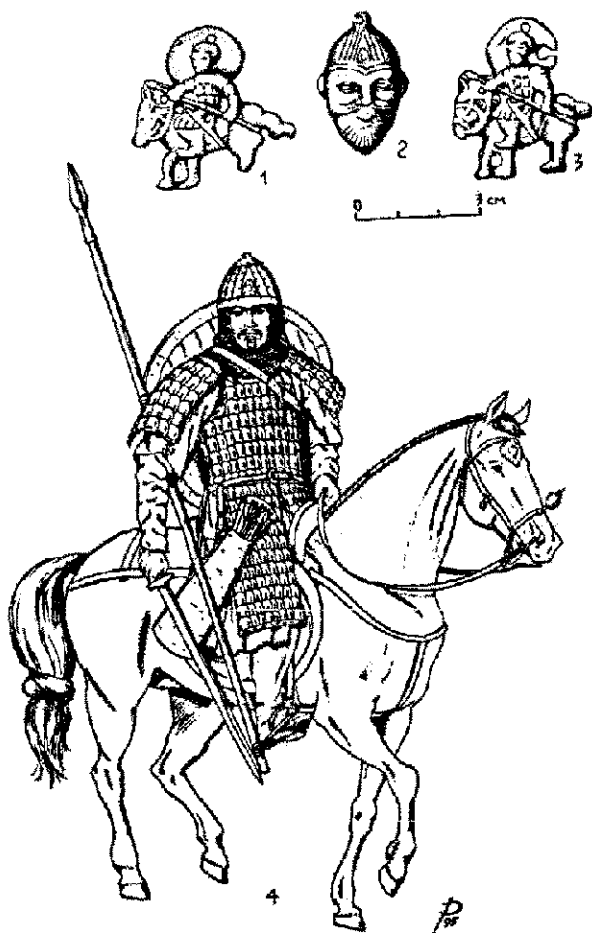

Рис. 7. 1-3 — бронзовые блики из могильника Сростки-1 (раскопки М.Д. Копытова). 4 — средневооруженный воин сросткинской культуры (реконструкция В.В. Горбунова по материалам Шадринцевского и Сросткинского могильников. Рисунок Д.В. Позднякова).

могил в кургане № 1. Вторая цепочка — № 7, 8 относится к кургану № 2, состоящему из двух насыпей и, скорее всего, содержащему две могилы. Подобная планиграфия была зафиксирована нами еще на одном могильнике Причумышья — Карповском шедоме. Там, цепочку из трех курганов, вытянутых с СВ на ЮЗ, сопровождала группа из 4 малых насыпей, шедших параллельно с ЮВ. Памятник не раскапывался. Важная черта Шадринцевских поминальничков — столбики, вкопанные с востока от насыпей №№ 3, 5. Столбики широко использовались в погребальном обряде сrostкинскогo населения еще в раннем периоде развития культуры [46, с. 64; 15, с. 42] и применялись на всем его протяжении [12, с. 145, 146, 154; 3, с. 247; 28, с. 109 и др.]. Чаще всего столбики вкапывались «в голову» могилы на одной линии с ней, реже окружали погребение или находились «в ногах». Помещение столбиков у поминальных курганов открывает новый вариант их использования в сrostкинском обряде.

Одним из авторов настоящей работы по имени Шадринцевского могильника был назван последний этап позднего периода сrostкинской культуры, вторая половина X—XII вв. н.э. [33, с. 182]. Было отмечено, что большая часть памятников, отнесенная к данному этапу, датируется X—XI вв. (точнее второй половиной X—первой половиной XI вв., как и само Шадринцево 1) и лишь могильники Змеевка и Осинки, позднее остальных [33, с. 181]. Современная изученность археологического материала сrostкинской культуры лесостепного Алтая позволяет разделить ее поздний период на три последовательных этапа:

1. Грязновский, вторая половина IX — первая половина X вв. н.э. Грязново I—IV, Ближние Елбаны VI — к. 1. 2. 4, VII — м. 41. 78, 1982 г., XVI — м. 6, Сrostки 1 — к. 2. 4. 6 (раскопки С.М. Сергеева) — к. 2. 4. 7—11 (раскопки М.Н. Комаровой), Дмитритово, Усть-Шамониха-1, Хлебоборный Елбан-1, Кукушкин Елбан-2, Кураевка 1, Белый Камень, Черный Камень, Михайлово, Сибирь, Нечунасово, Ново-Троицкое.

2. Шадринцевский, вторая половина X — первая половина XI вв. н.э. Шадринцево 1, Ближние Елбаны V, VIII, XVI — м. 14, Сrostки 1 — к. 1. 3. 5 (раскопки С.М. Сергеева) — к. 1. 3. 5. 6 (раскопки М.Н. Комаровой), Рогозиха-1, Заковряшино, Ильинка — м. 2. 3, Кучук 1, Степной Кучук 1, Новофирсово VII, Ивановка III, Щелчиха-1, Мало-Панюшово, Ново-Ильинка.

3. Змеевский, вторая половина XI—XII вв. н.э. Змеевка, Ближние Елбаны IX — к. 1. 2, VI — м. 2 у к. 4, Гилево II (грунтовый могильник).

К первым двум этапам относится значительное количество курганов с Верхнего Адея и Кулундинской степи, раскопанных В.А. Могильниковым, к третьему этапу — часть погребений Осинкинского могильника, раскопки Д.Г. Савинова. К сожалению эти материалы практически не опубликованы, что затрудняет их использование в полной мере.

Первый из выделенных этапов характеризуется расцветом сrostкинской культуры. На втором, еще во многом действуют инерционные процессы предшествующего времени, но начинают проявляться уже новые черты, не свойственные местному населению. На третьем этапе время культуры сокращается и она постепенно утрачивает свою самобытность. Следует подчеркнуть, что не введенными в научный оборот остаются более 50% памятников сrostкинской культуры лесостепного Алтая и поэтому решение многих проблем ее хронологии и этнокультурного содержания еще впереди.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1990. — С. 99–104.
2. Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Часть II. — Барнаул, 1995. — С. 190–195.
3. Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники 2 половины I тыс. н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово, 1995. — С. 243–252.
4. Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на юго-западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С. 62–75.
5. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987. — 280 с.
6. Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988. — 176 с.
7. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л., 1965. — 146 с.
8. Горбунов В.В. Реконструкция вооружения раннесредневекового воина с территории лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Красноярск, 1991. — С. 73–75.

9. Горбунов В.В. Погребение IX-X вв. н.э. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 86–87.
10. Горелик М.В. Стенной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С. 155–160.
11. Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1993. — С. 149–179.
12. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА. № 48. — М.-Л., 1956, —226 с.
13. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). — Абакан, 1948. — 110 с.
14. Елин В.Н. Наконечники стрел из памятников предтюркского времени Восточного Алтая // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 157–168.
15. Ефремов С.А. Курганы I половины VIII в. н.э. у с. Иня Алтайского края // Палеоэтнология Сибири. — Иркутск, 1990. — С. 42–43.
16. Казаков А.А., Горбунов В.В. Охранные раскопки курганного могильника Хлебоборный Елбан-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть II. — Барнаул, 1993. — С. 244–247.
17. Казаков А.А. Раскопки кургана в Крутихинском районе (по материалам Государственного Эрмитажа) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Часть II. — Барнаул, 1995. — С. 161–165.
18. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — 642 с.
19. Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Материалы двух погребений конца I тыс. н.э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследование памятников археологии Алтая. — Барнаул, 1991. — С. 137–142.
20. Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 75–106.
21. Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1992. — С. 25–36.
22. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. — САИ, вып. ЕЗ-18. — М., 1983. — 128 с.

23. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М., 1969. — 211 с.
24. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. — М., 1981. — 163 с.
25. Митько О.А. Средневековые игольники. — Новосибирск, 1991. — С. 101–109.
26. Могильников В.А. Археологические исследования на Верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая. — Барнаул, 1972. — С. 39–43.
27. Могильников В.А., Конников Б.А., Литвинович Н.С., Шнырев В.П. Алейская экспедиция // АО 1973 года. — М., 1974. — С. 213–214.
28. Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у д. Грязново // Древняя история Алтая. — Барнаул, 1990. — С. 106–130.
29. Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 100–121.
30. Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул, 1985. — С. 192–206.
31. Неверов С.В. История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н.э. — Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1988. — 19 с.
32. Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха-1 на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1990. — С. 112–116.
33. Неверов С.В. Хронология и периодизация сrostкинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул, 1991. — С. 180–182.
34. Неверов С.В. Удила второй половины I-го тыс. н.э. Верхнем Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 141–154, 234–238.
35. Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды ТКЗАН, том 11. — М.-Л., 1966. — С. 108–142.
36. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. — Свердловск, 1990. — 223 с.
37. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989. — 288 с.

38. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984.
39. Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (дневник раскопок С.М. Сергеева 1930 года) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Часть II. — Барнаул, 1995. — С. 166–171.
40. Степанова Н.Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 82–85.
41. Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмиро-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово, 1995. — С. 253–266.
42. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакассии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1979. — 192 с.
43. Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень — новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. — Барнаул, 1993. — С. 232–247.
44. Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 90–99.
45. Трифонов Ю.И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая в VI–X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 189–199.
46. Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 11. — Барнаул, 1970. — С. 45–74.
47. Уманский А.П., Каравасев А.В. Аварийные раскопки у с. Ильинка в 1972 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 84–85.
48. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — 268 с.
49. Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 135–163.
50. Шамшин А.В., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.П. Раскопки курганного могильника Кучук 1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 71–73.

Д.Г. Савинов

**Погребения сrostкинскогo могильника
(по материалам раскопок
М.Н. Комаровой, 1925 г.)**

Сrostкинский могильник до сих пор является одним из наиболее ярких памятников культуры северо-алтайских племен конца 1 тыс. н.э., названной М.П. Грязновым по этому могильнику — сrostкинской [1]. Открытие Сrostкинского могильника и введение его материалов в научный оборот имеет весьма длительную и не простую историю.

В 1925 г. сотрудник Бийского краеведческого Музея М.Д. Копытов раскопал 26 курганов около с. Сrostки, в 25 км от г. Бийска. К сожалению, как отмечает С.В. Неверов, «несоблюдение элементарных требований научных раскопок и отсутствие отчета практически свели его усилия на нет» [2]. Сохранилась только коллекция великолепных вещей, свидетельствующая о былом богатстве раскопанных захоронений [3]. Из них наиболее известен знаменитый «сrostкинский палац», вошедший во многие работы обобщающего характера [4]. На материалах раскопок М.Д. Копытова в значительной степени М.П. Грязновым первоначально была выделена «II стадия железной культуры на Алтае» [5]. Однако, в целом до сих пор они остаются не опубликованными. В том же 1925 г. отрядом Алтайской археологической экспедиции этнографического отдела Русского Музея (нач. экспедиции С.И. Руденко) под руководством М.Н. Комаровой, было раскопано 11 курганов Сrostкинского могильника. Все материалы и копия отчета поступили в Государственный Эрмитаж [6]. В Архиве ИИМК РАН хранится Открытый лист С.И. Руденко на проведение полевых исследований в 1925 г., где раскопки Сrostкинского могильника не обозначены. Очевидно, решение о проведении этих работ было принято уже на месте, после известия о раскопках М.Д. Копытова. В Архиве Российского этнографического Музея (ранее ГМЗ), по линии которого в свое время была организована Алтайская археологическая экспедиция 1925 г.,

никаких данных о ее работах не сохранилось, а материалы раскопок М.Н. Комаровой до сих пор остаются неопубликованными. Интересно, что в копии отчета об остальных (не раскопанных) курганах говорится, что они «имеют весьма неопределенную форму и осталось невыясненным, являются ли они могилами». Вопреки этому сомнению, в 1930 г. экспедицией общества изучения Сибири, под руководством С.М. Сергеева, было раскопано еще 6 курганов Сросткинского могильника. Все материалы и Дневник С.М. Сергеева также поступили в Государственный Эрмитаж [7].

В 1965 г. материалы кургана 2 из раскопок С.М. Сергеева, содержащего наибольшее количество вещей, были опубликованы А.А. Гавриловой [8]. Сведения об остальных курганах на основании Дневника С.М. Сергеева и Эрмитажной коллекции недавно опубликованы нами [9]. Как продолжение этой, крайне необходимой работы, в данной статье публикуются материалы раскопок М.Н. Комаровой, произведенных в 1925 г. в составе экспедиции С.И. Руденко. Описание курганов дается по копии отчета с включением расширенной характеристики найденных вещей по Эрмитажной коллекции.

Сросткинский могильник находится в 25 км от г. Бийска. Расположен на высоком яру правого берега Катуня, в 350–500 м к северо-востоку от с. Сростки. Высота яра в среднем над уровнем реки достигает 50 м. По форме яр приближается к округлому холму, имеющему слабый наклон с севера на юг.

Могильник курганного типа расположен на вершине холма. Всего насчитывается около 40 курганов; из них 26 курганов были раскопаны М.Д. Копытовым. Алтайской археологической экспедицией раскопано 11 курганов. Раскопанные курганы имеют вид округлых плоских земляных насыпей, высотой над поверхностью земли от 0,3 до 1 м и диаметром от 5,6 до 8,3 м. Устройство почти всех погребений и обряд оказались одинаковыми. Исключение составляют несколько могил, где костяков человека не обнаружено, а найдены только остатки обугленных костей. В большинстве курганов на дне могильной ямы (длиной от 1,8 до 2,2 м, шириной от 0,8 до 1,1 м, глубиной от 0,8 до 1,6 м) находилась берестяная подстилка, на которой лежал скелет человека на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный головой на северо-северо-восток. Кроме человеческих скелетов в погребениях найдены отдельные кости барана, различные украшения и предметы обихода из меди, кости и железа. Все могилы, за исключением могил 2, 4, 5 и 6, оказались частично или полностью разграбленными,

благодаря чему порядок расположения костей и предметов в них был почти всегда нарушен.

Сводные данные о размерах раскопанных курганов (в м.)*:

№/№ курганов	Насыпь		Могильная яма		
	диаметр	высота	глубина	длина	ширина
1.	6,3	0,3	1,45	1,8	0,97
2.	5,7	0,3	0,86	1,2	0,88
3.	5,6	0,4	1,25	1,9	0,9
4.	7,0	0,5	1,2	2,0	1,1
5.	5,5	0,4	1,6	1,7	0,8
6а.	7,6	1,1	1,1	1,9	1,2
6б.	7,6	1,1	1,2	1,9	0,9
7.	8,3	1,0	1,1	1,5	1,1
8.	7,1	0,5	1,1	1,5	1,1
9.	4,8	0,4	1,3	1,8	0,9
10.	6,1	0,3	0,95	1,5	0,75
11.	6,9	1,0	1,3	1,9	0,9

Курган 1 (колл. 4381, №№ 1–5). На глубине 1 м в заполнении ямы попадались угли; на глубине 1,2 м — кусочки бересты; на глубине 1,45 м находились кости взрослого человека и ребенка. Кроме берцовых костей и стопы положение скелета взрослого человека нарушено. Кости ребенка находились с левой стороны от скелета взрослого, также в беспорядочном состоянии. В погребении найдены: бронзовая пряжка с острым носиком и фигурной рамкой (табл. I,1), круглая железная пряжка с подвижным язычком (табл. I,4), стеклянная бусина конической формы (табл. I,2), железные гвоздевидные заклепки (табл. I,3), обломок железного предмета — внешнее кольцо удила (?) (табл. I,5).

Курган 2 (колл. 4381, №№ 6–25). Погребение с трупосожжением. На глубине 0,86 м посередине могильной ямы находились сожженные кости человека. На том же уровне найдены многочисленные предметы сопроводительного инвентаря. Около остатков сожжения находились железные петельчатые стремяна (табл. II,5), удила с 8-образным окончанием звеньев с роговыми эсвидными псалиями (табл. II,9) и астрагал барана. В северной части могилы обнаружен берестяной колчан с «пачкой» спекшихся железных на-

* Ориентировка по отдельным курганам не указана.

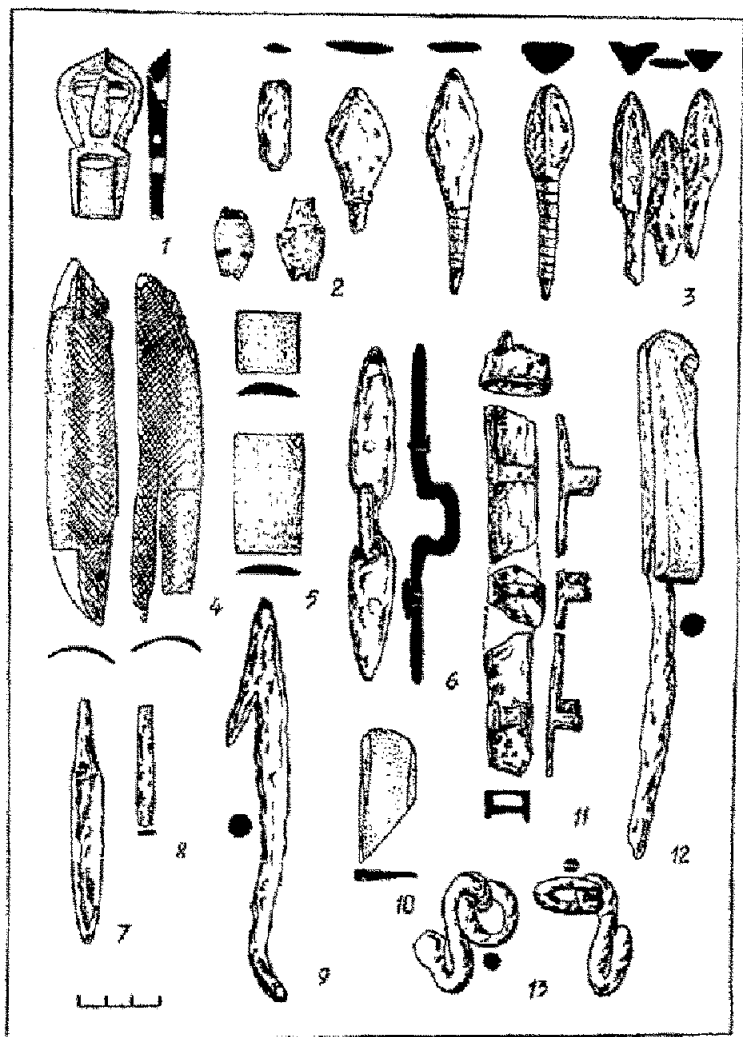

Табл. I. Предметный комплекс из курганов
1 (№№ 1-5), 3 (№№ 6-9), 11 (№№ 10-19).

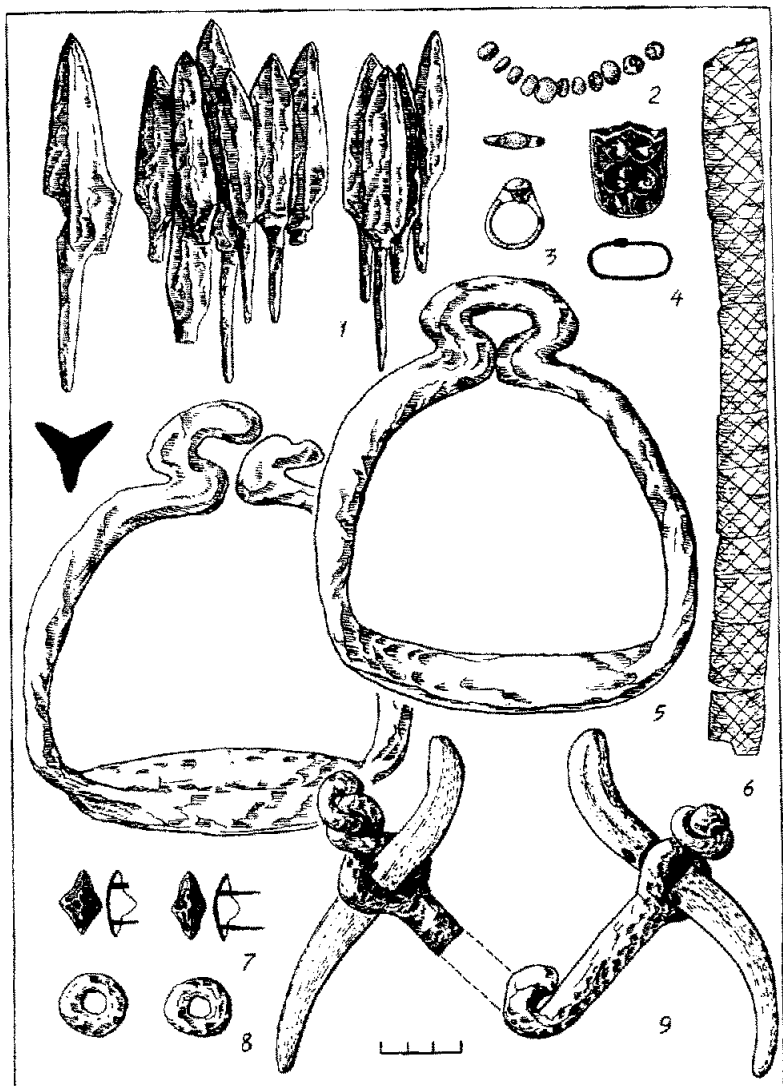

Табл. II. Предметный комплекс из кургана 2.

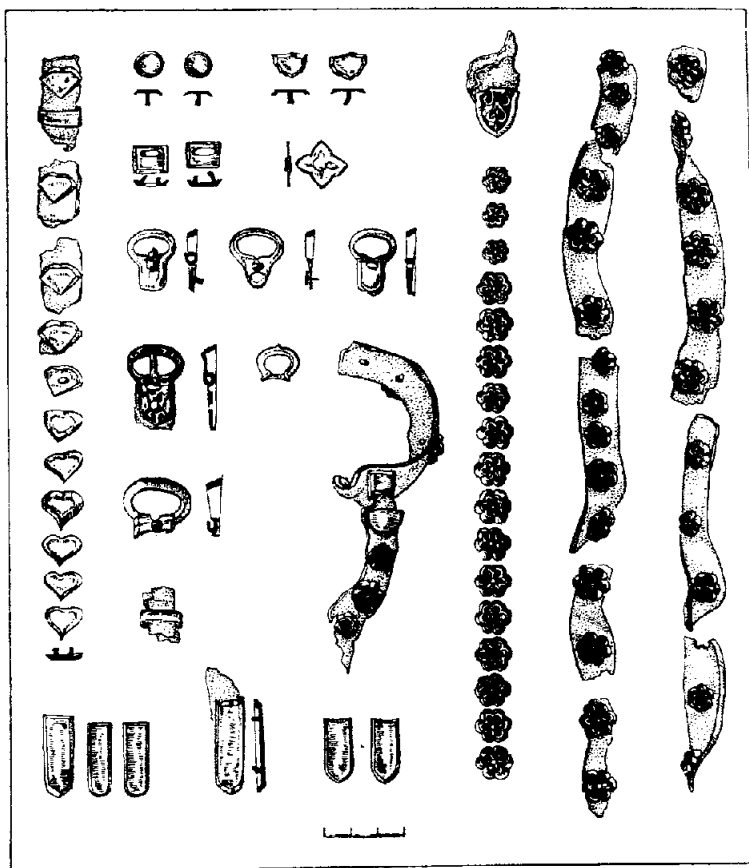

Табл. III. Предметный комплекс из кургана 2.

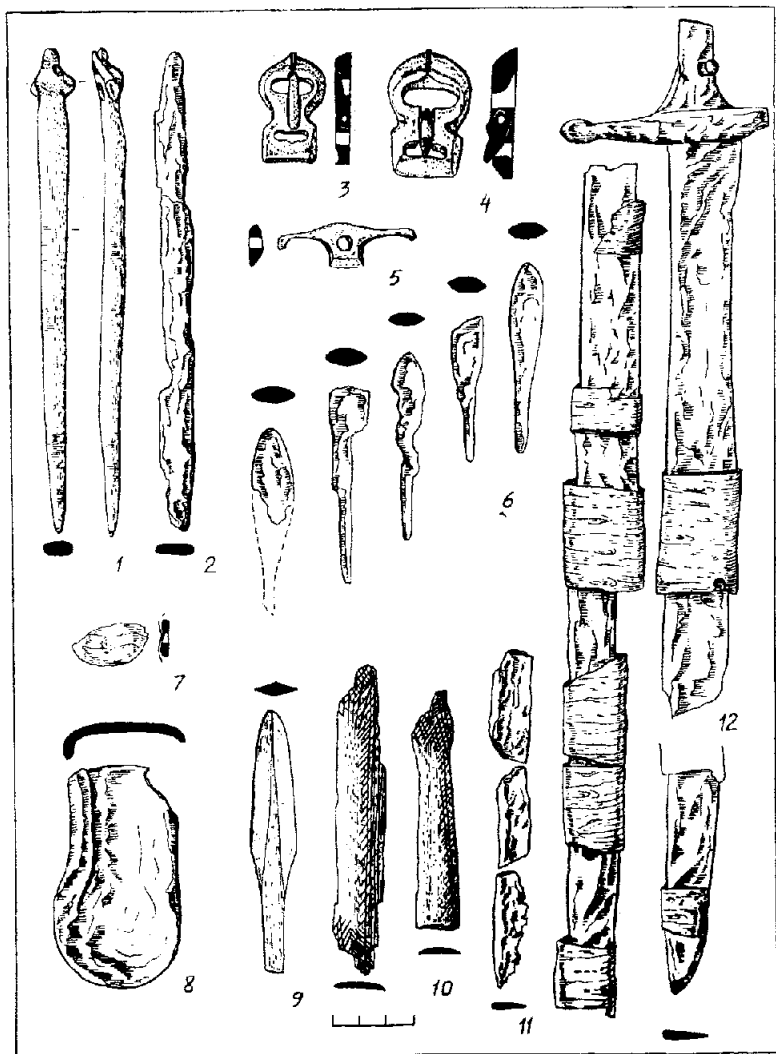

Табл. IV. Предметный комплекс из кургана 4.

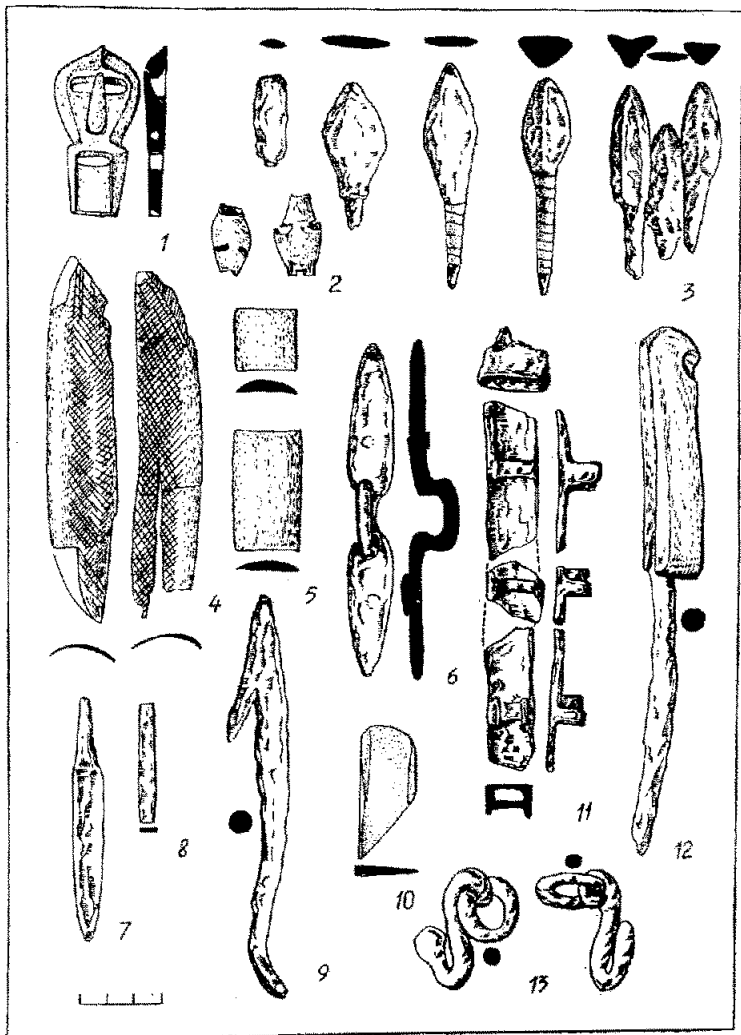

Табл. V. Предметный комплекс из кургана 5.

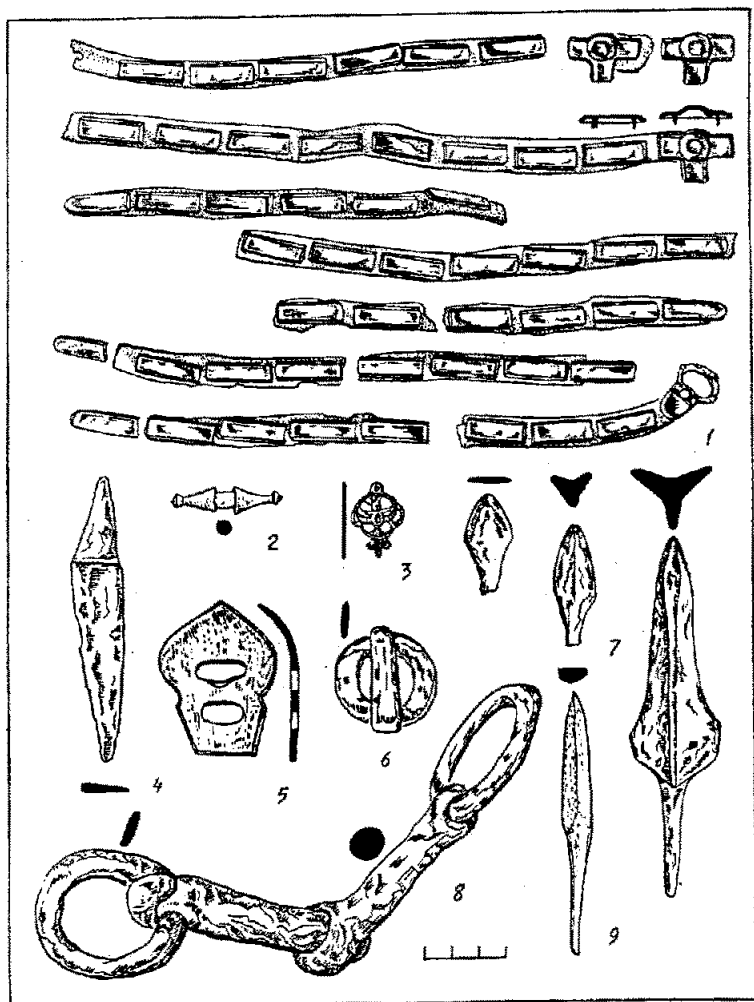

Табл. VI. Предметный комплекс из кургана 6.
 (№ 5 — мог. «б», остальное — мог. «а»).

конечников стрел — не менее 12 экз. (табл. II,1). Около нижнего конца колчана найдены бусы — 11 экз. (табл. II,2) и медный перстень с бирюзовой вставкой (табл. II,3). Под колчаном лежал железный палаш в ножнах, от которых сохранились бронзовый орнаментированный наконечник (табл. II,4) и кожаные ремни португейного набора с большим количеством бляшек различных типов (круглых, сердцевидных — 12 экз., в виде розеток — 49 экз., квадратных с прорезями для ремешков, пряжками — 8 экз.), обоймами и наконечниками (табл. II). Не исключено, что в данном случае вместе объединены детали португейного набора и пояса, к которому крепился палаш. На колчане сверху лежал железный нож в берестяной орнаментированной обкладке (табл. II,6). Севернее колчана находились две костяных круглых обоймы (табл. II,8), южнее — железный стержень неизвестного назначения. Около него лежали костяная пряжка и точильный камень. Между стремени находились железный топор-тесло и медный бубенчик. По-видимому, к этому же погребению относятся две орнаментированные бляшки ромбической формы на шпеньках (табл. II,7). В западной части могилы найдены ключицы и крестец барана. Дно могилы было выстлано берестяной подстилкой.

Курган 3 (колл. 4381, №№ 26–29). Погребение нарушено. На глубине 1,25 м обнаружены кости человека в беспорядочном состоянии, кроме берцовых и стопы, которые сохранили первоначальное положение. В погребении найдены следующие вещи: железное кольцо с выступами около ступни правой ноги (табл. I,7); железный крюк на кольце рядом с кистью руки (табл. I,9); костяная пряжка с железным язычком около правой бедренной кости (табл. I,6). Кроме того среди костей найдены обломки сильно коррозированных железных предметов — наконечники стрел (?) (табл. I,8) и два позвонка животного.

Курган 4 (колл. 4381, №№ 30–46). На глубине 1,2 м находился скелет человека в ненарушенном состоянии (только некоторые кости имели небольшое смещение). Почти все найденные предметы лежали с правой стороны от погребенного. Около самого черепа был положен железный топор-тесло (табл. IV,8). Ниже тазовых костей найдены: железный палаш с напускным перекрестием, обернутый в бересту (табл. IV,12); наконечники стрел, один костяной (табл. IV,9) и пять железных (табл. IV,6); костяной стержень с изображением головы животного (табл. IV,1); две костяные пряжки с острым посяком (табл. IV,3,4); две срединные накладки лука (табл. IV,10). Кроме того, к этому погребению относятся железный нож (табл. IV,2); костяная застежка крыловидной формы с отвер-

стием (табл. IV,5); обломок круглого железного украшения, обложенного берестой (табл. IV,7).

Курган 5 (колл. 4381, №№ 47–65). Погребение с трупосожжением. В заполнении могильной ямы на разной глубине находились кусочки бересты. В северной части ямы обнаружены кости стопы человека в ненарушенном состоянии. Посередине ямы на дне лежали остатки сожженных костей человека. В западной части могилы найдены разнообразные предметы: несколько железных наконечников стрел, не менее 7 экз. (табл. V,3), два из них с костяными пасаками-свистунками (табл. V,2); железная изогнутая пластина-скоба от крепления колчана (табл. V,6); точильный камень (табл. V,10); железный стержень (напильник?) с костяной рукояткой (табл. V,12); срединные накладки лука (табл. V,4); пряжка с острым носиком (табл. V,1); отдельные кусочки железа. В южной части могильной ямы найдены железный нож (табл. V,7) и три позвонка от крестца животного. Кроме того, из этого погребения происходит два костяных вкладыша от лука (табл. V,5); железная накладка с перемычками на обратной стороне —ножны (?) (табл. V,11); два подвижных крюка на кольцах (табл. V,13); железная пластина (табл. V,8); железный крюк (острога?) с острым концом на круглом слегка изогнутом стержне (табл. V,9).

Курган 6 (колл. 4381, №№ 66–79). В этом кургане обнаружены две могилы, отмеченные как «а» и «б».

Могила «а». На дне могильной ямы находился скелет человека, частично сохранивший свое первоначальное положение — на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-северо-восток. По тазовым костям проходил кожаный пояс, украшенный бронзовыми гладкими прямоугольными бляшками с T-видными тройниками и пряжкой (табл. VI,1). С правой и левой стороны от черепа найдены железные наконечники стрел (табл. VI,7). В южной части могилы, около правой тазовой кости, находился железный нож (табл. VI,4). Здесь же найдены: круглая железная пряжка с подвижным язычком (табл. VI,6), железный наконечник стрелы с насадом-свистункой, костяная пластинка и костяной наконечник стрелы (табл. VI,9). В северной части могилы, у самой стенки, была положена свернутая береста. Около ступни правой ноги найдены железные однокольчатые удила (табл. VI,8) и костяная застежка (табл. VI,2). В восточной части могилы лежала лопатка барана. Кроме того, из этого погребения происходят бронзовая ажурная подвеска с изображением птицы с расправленными крыльями (табл. VI,3), кусок кожи и обломки железных предметов.

Могила «б». Погребение было в полном беспорядке. В заполнении могильной ямы на разной глубине встречались куски бересты и отдельные кости человека. На дне ямы найдена плоская костяная пряжка-блок (табл. VI,5).

Курган 7. Погребение с трупосожжением. Форма могильной ямы неопределенная. Сожженные кости человека сложены на куске бересты. Создается впечатление, что кости были сожжены и потом закопаны в яму. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган 8. Погребение нарушено. В заполнении могильной ямы на разной глубине встречались кости человека. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган 9. Погребение нарушено. На глубине 1,3 м обнаружен череп человека, причем нижняя челюсть находилась выше черепа. Рядом располагались остатки трупосожжения. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган 10. Погребение нарушено. В заполнении могильной ямы на разной глубине находились кости человека. В северной части ямы была положена берестяная подстилка. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган 11. (колл. 4381, №№ 80-92). Погребение с сожжением. Сожженные кости человека на дне могильной ямы сложены в кучку, с ними найдены два позвонка животного. В разных местах ямы найдены: две костяные пряжки с острым носиком (табл. I,11,12); обломки железного ножа (табл. I,10) и кинжала (?) (табл. I,19); три железных наконечника стрел (табл. I,17); обломок звена железных удил (табл. I,16); костяные орнаментированные псалии с «сапожком», один из них обломан (табл. I,15); тонкая костяная пластинка, украшенная косой штриховкой (табл. I,13); пять астрагалов барана. В разных местах могильной ямы встречались отдельные обломки железных предметов. Кроме того, к этому погребению относится круглое навершие железного предмета с прочерченными прямыми линиями-тамгой (?) (табл. I,18).

Антропологические определения

Курган 1 — взрослый мужчина и ребенок.

Курган 3 — взрослый мужчина.

Курган 4 — мужчина.

Курган 5 — мужчина.

Курган 6 — юноша (могила «а»).

Курган 7 — юноша (могила «б»).

- Курган 8 — взрослая женщина.
 Курган 9 — взрослая женщина.
 Курган 10 — взрослый мужчина.
 Курган 11 — взрослый мужчина.

Кости животных

- Курган 1 — ребро лошади и пять позвонков барана.
 Курган 3 — два позвонка и крестец барана.
 Курган 5 — пять позвонков от крестца барана и один поясничный.
 Курган 6 — одна лопатка барана.
 Курган 8 — один позвонок барана, семь хвостовых позвонков лошади.

Комплекс предметов сопроводительного инвентаря из погребений, раскопанных М.Н. Комаровой, обычен для сrostкинской культуры и может считаться эталонным для ее северо-алтайского варианта [10]. Для него характерны: костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, преимущественно плоские (или уплощенные) ромбические наконечники стрел, удила с большими внешними кольцами и изогнутые роговые псалии, срединные накладки луков, топоры-тесла, крюки на кольцах, поясные и портупейные наборы — гладкие и орнаментированные, бляшки-розетки и др. В отличие от культуры Восточно-Казахстанских кимаков и одновременных памятников Западного Алтая, материальный комплекс северо-алтайского варианта сrostкинской культуры отличается известной простотой форм предметов и приемов их орнаментации. Установленная дата его существования — от середины IX до начала XI вв. н.э. (скорее всего вторая половина этого периода).

С точки зрения погребального обряда особый интерес представляют захоронения по обряду трупосожжения, составляющие чуть менее половины всех раскопанных М.Н. Комаровой погребений — всего 5 (курганы 2, 5, 7, 9, 11). Из них наиболее богатым оказалось захоронение в кургане 2, где остатки трупосожжения с многочисленными вещами, составляющими комплекс предметов снаряжения хорошо вооруженного воина и его коня, находились на дне (посередине) могильной ямы. В этом отношении курган 2, раскопанный М.Н. Комаровой, представляет ближайшую аналогию кургану 2, раскопанному С.М. Сергеевым, также с обрядом трупосожжения. Характер размещения инвентаря в этих курганах — «кучкой», вместе с остатками сожжения — наиболее близо

культуре енисейских кыргызов, хотя сами вещи по общему облику отличны от кыргызских.

В двух погребениях с сожжениями найдены остатки захоронений, совершенных по обряду трупоположения: в кургане 5 — кости стоп в ненарушенном состоянии в северной части могильной ямы; в кургане 9 на дне — череп человека с расположенной выше него нижней челюстью. Объясняться это может по разному: или биритуализмом, свойственным в это время, как это установила А.А. Гаврилова на материалах Копенского чаатаса [11], и для культуры енисейских кыргызов; или тем, что захоронения по обряду трупосожжения были впущены в разрушенные (или сами разрушили) существовавшие здесь ранее погребения по обряду трупоположения. В таком случае, они относятся к более позднему времени, чем остальные погребения Сrostкинскогo могильника. В пользу последнего предположения как будто говорит то обстоятельство, что и в некоторых разрушенных погребениях с трупоположением (курганы 1, 3) сохранились кости ног (берцовые и стоп) похороненных в них людей. Однако, никаких других данных, проливающих свет на разъяснение этой ситуации пока нет. Вещи, найденные в погребениях с сожжениями, не сжигались и образуют со всеми остальными, не считая наиболее богатых погребений (курган 2, раск. М.Н. Комаровой, 1925 г.; курган 2, раск. С.М. Сергеева, 1930 г.), в принципе единый комплекс. В качестве устойчивой детали погребального обряда можно отметить обычай класть вместе с остатками сожжения отдельные не сожженные кости животных. Более точная принадлежность этих погребений, при условии полиэтнического характера населения сrostкинской культуры, пока остается неопределенной.

Касаясь материалов М.Д. Копытова, С.В. Неверов писал, что «необходимо собрать воедино сохранившуюся в Бийском Музее часть вещей его “коллекции” и внести в научный оборот. Огромную помощь в этом могут оказать материалы раскопок памятника М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева» [12]. Необходимость публикации материалов М.Д. Копытова бесспорна [13]. Что касается «помощи» для их интерпретации со стороны материалов раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева, то после их публикации видно, что вряд ли она может быть существенной. Материалы М.Д. Копытова своеобразны и включают серию изделий, выполненных в ажурном стиле. В тоже время во всех 17 курганах, раскопанных М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым, найдена всего одна ажурная подвеска с изображением птицы — курган 6, могила «а» (табл. VI,3). В составе коллекции М.Д. Копытова имеются и завс-

домо поздние, аскизские вещи [14]. Каково их отношение к сrostкинским — должны показать будущие исследования.

Примечания

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — № 48. — М.-Л., 1956. — С. 145–152.
2. Неверов С.В. История изучения памятников сrostкинской культуры на Алтае // Древняя история Алтая. — Барнаул, 1980. — С. 96–97.
3. Бийский краеведческий музей, колл. № 849. По С.В. Неверову, коллекция включает 226 предметов.
4. Zokharof A., Arend W. Archeologischer Beitrag zur geschichte der Alturgarn in 9 Th // Archaeologia Hungarica — t. 16. — 1935. — taf. 8.; 5. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. L VIII, 5; Могильников В.А. Сrostкинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, рис. 27:37; Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — Рис. 85:1.
5. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Сибириведение, № 3/4. — Новосибирск, 1930. — С. 18–26 (табл.).
6. Гос. Эрмитаж, колл. № 4381. Всего в коллекции 92 № хранения, но количество вещей значительно больше.
7. Гос. Эрмитаж, колл. № 1285. Всего в коллекции 169 № хранения, но количество вещей также больше.
8. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л., 1965. — С. 69–70, рис. 11.
9. Савинов Д.Г. Погребения Сrostкинского могильника / Дневник раскопок С.М. Сергеева, 1930.
10. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984. — С. 110–111.
11. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ..., с. 65–66.
12. Неверов С.В. История изучения..., с. 97.
13. Работа эта была начата С.В. Неверовым. См.: Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сrostки // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1991. — С. 125–128.
14. Неверов С.В. Удила средневековых хакасов на Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая / тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1991. — Рис.1:1.

Тэцу Масумото

О фрагментах мраморных табличек с иероглифами, найденных в окрестностях города Абакана в Южной Сибири

Когда я посетил Хакасский краеведческий Музей в г. Абакане в верхнем течении Енисея летом в 1994 г., мне показали таблички из мрамора с иероглифами. Меня попросили перевести надписи на них и объявить, для чего они использовались и в какое время. Я ответил, что они реликвии, свидетельствующие о существовании права (власти) династии Тан в средневековье на территории современной Хакассии. Тогда у меня возникли затруднения в связи с толкованием нескольких иероглифов — это надо было проверить по китайским летописям. И я обещал директору Музея Мылтыгашевой Людмиле Петровне, что обязательно подробнее отвечу о результатах исследования этих реликвий. С ее разрешения я смог сфотографировать и скопировать тушью таблички и сделать их описание. Здесь я хочу сообщить о результатах, полученных в ходе моего исследования.

Обстоятельство находки

Рядом с рекой Абакан, которая протекает в Койбальской степи, простираясь почти в центре республики Хакассия, идут на юго-запад дороги в хакасские поселения, которые расположены в горах. По дороге в 35 км вверх по течению этой реки от центра города Абакана, можно еще яснее видеть горные гряды через степь, и видны также разбросанные поселения в их подножии. Несколько лет тому назад в одном из них, в поселении Райково, случайно были найдены местным жителем мраморные палочки с иероглифами в самом разгаре сельхозработ на картофельном поле. Про эти палочки до сих пор ходят слухи, что иероглифы были высечены кем-нибудь из японских военнопленных, так как место их находки, собственно говоря, — это один из бывших японских лагерей,

которых было много после второй мировой войны в Красноярском крае. Говорят, что кроме того недавно пожилой японец высказал служащим в Музее Абакана свое мнение о том, что они «письмо из Китая», но это не привлекло особого внимания.

По дороге в юго-западную сторону я вспомнил, что в 1940 г. были обнаружены известные (остатки дворца Лилина) в 8 км от города, а в следующем году были проведены раскопки саяно-алтайской экспедицией под руководством С.В. Киселева и Красноярским музеем. Потом в 1945–1946 гг. раскопки были продолжены. У нас в стране доктор Бунъей Цунода давно уже познакомил японцев-специалистов с важностью их результатов, анализируя отчет Л.А. Еватюховой, опубликованный в 1946 г. Хотя считают, что они относятся к ханскому времени, нельзя не сказать, что их исследователи доставили нам необходимые сведения, которые нельзя пропустить, основываясь по археологическому смыслу на предыдущих этапах исторических обстоятельств северной окраины, которые предшествовали танской эпохе. Теперь в музее Миусинска выставлены модель дворца, черепицы и бронзовые ручки двери в виде маски льва, а рядом с ними китайские зеркала и монеты. Мне кажется, что проглядеть сильное влияние из тогдашнего Китая здесь совершенно невозможно даже с первого взгляда на них.

Состояние табличек и содержание их надписи

Собранных табличек всего 11 фрагментов (рис. 1). По разрезу обломков не исключено, что они сломались при обработке земли. Каждый фрагмент зарегистрирован № 6640/1–5 и они соединены всего в 5 штук. Но порядок в номерах не связан с контекстом строк, которые высечены в табличках, так как они пронумерованы по своему усмотрению.

Каждая табличка длиной 27,7–27,8 см, шириной 2,7–2,8 см, толщиной 1,0 см. В ее боковой стороне в 1,1 см от обоих концов пробиты дырочки для веревки с диаметром 4,5 мм. Надпись с китайскими иероглифами на лицевой стороне глубоко нанесена в виде У-образного гравирования в пределах расстояния 23,0 см между обеими дырочками. Она написана отчетливым кайсе (одним из видов иероглифических уставов). Мрамор, который использован как материал для табличек, является распространенным материалом в Хакасии. Сначала я думал, что на каждой табличке нанесена строка с определенным смыслом, но профессор Кадауо Фудзисава отметил, что всегда так читать невозможно, надо думать иначе. Таким

зом, на основе его совета я внимательно перечитывал надпись и по зрелому размышлению я мог читать следующее (рис. 1):

№ 6640/1 — «как по названию, так и в действительности, пусть все будет блестящим светом».

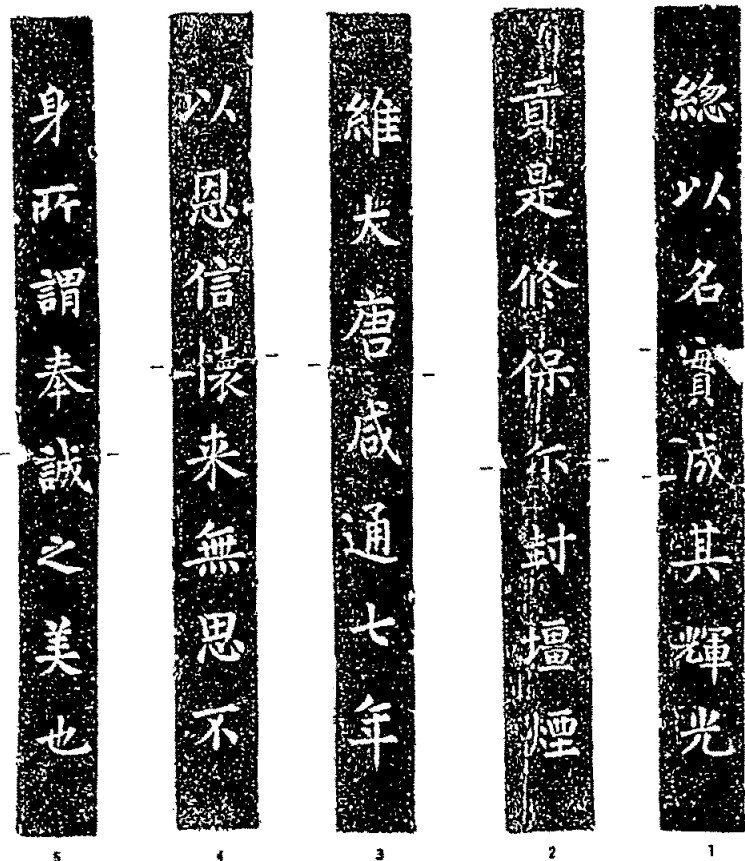
№ 6640/2 — «накладывая дань (на кого-нибудь), здесь управляем твоей границей и защищаем ее, дым».

№ 6640/3 — Вот седьмой год Хиантон Великой династии Тан.

№ 6640/4 — «с благодеянием и искренностью пришел, чувствуя нежность, заботясь, не могу (или не можем) не».

№ 6640/5 — «(самоотверженно)», преподносили тебе свою красоту правдивости, как говорят в свете.

Обнаруженные таблички не целые, поэтому связь по смыслу между строками не всегда ясна. Но можно считать, что строка № 6640/3 находится в начале среди всех предложений, а строка № 6640/5 — в пунктуационном положении определенного контекста. Хиантон — это название хронологической эры в царствовании монарха Ицзун танской династии (860–894), поэтому его седьмой год приходится на 866 г. н.э. Тексты из строк № 6640/1, 4 и 5 можно считать словами и фразами, выражающими соболезнование или похвалу к погребенному или погребенной. На табличке № 6640/2 высечены такие интересные буквы, как (гон, дань) и (феньйиан) (блокированная граница). Они отражают одну из сторон политического режима древнего Китая, захвата новых земель (системы, в которой императорскими указами Китая назначались определенные титулы главам варварских государств, граничащих с Китаем), поэтому надо иметь в виду, что погребенный (или погребенная) связан (на) с таким политическим обстоятельством. В древнем Китае такие таблички всегда являются частью погребения. И если таблички эти изготовлены в том самом месте, где собственно они были сопровождены в погребение или близко оттуда, то возможно, что такие места были под контролем танской династии над северо-западной окраиной в середине IX в. н.э. Хотя не могу не сказать, что пока еще не достает конкретности по содержанию о надписи в табличках, так как до сих пор не найдены таблички с каким-либо именем собственным, например именем человека, названием государственной службы, географическим названием и т.д., но мне кажется, что нельзя недооценивать хотя бы 5 табличек, существующих в настоящее время, изучая историю народов в Южной Сибири в танскую эпоху.

5

4

3

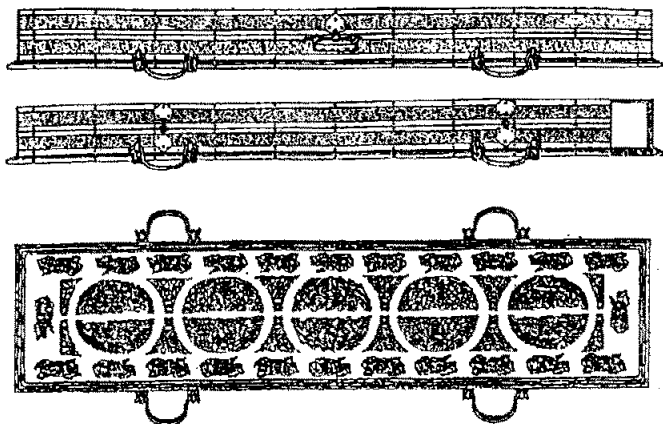
2

1

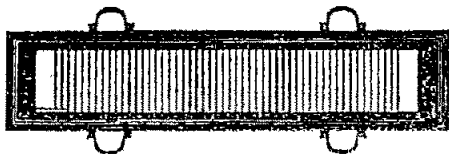
• Номер коллекции N 6640/1~5

• Горизонтальными линиями показаны изломы у табличек

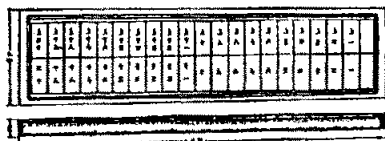
рис. 1 . Мраморные таблички, найденные в с. Райково.
(Хранены в Хакасском краеведческом музее)

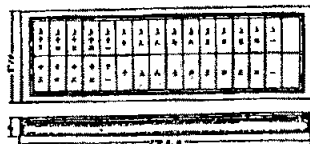
1. Ящик для табличек из мовзолея Ван Цзянь.
Внешний вид.

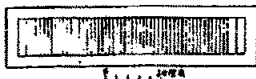
2. Ящик для табличек из мовзолея Ван Цзянь.
Внутренняя часть. В обеих сторонах
положены ше-био.

3. Ящик большого размера
для табличек из мовзолея Ли-Бянь.
Внутренняя часть.

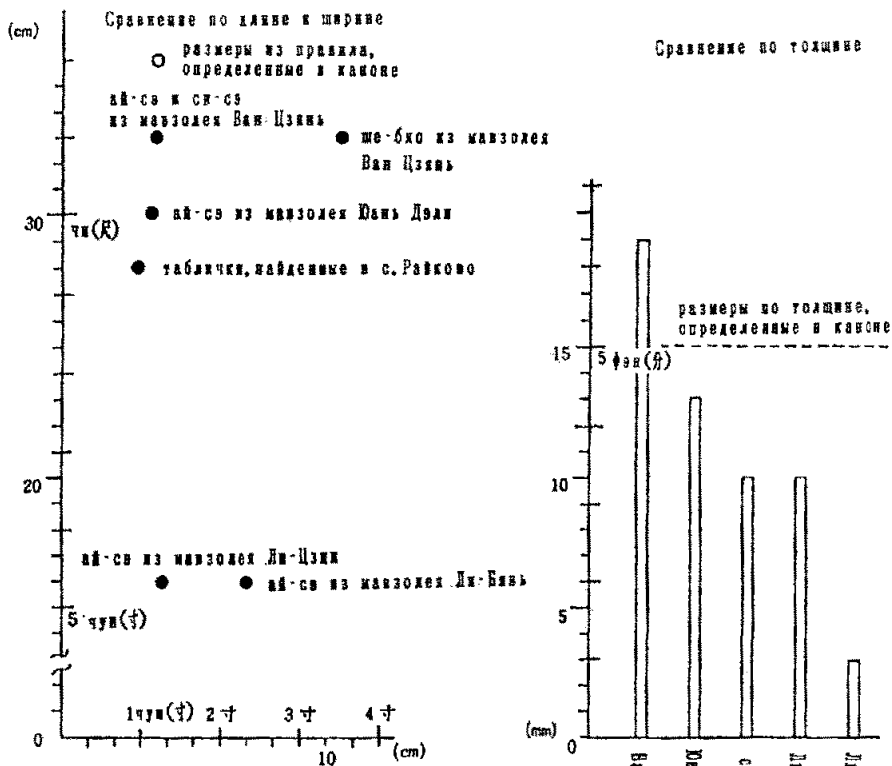
4. Ящик небольшого размера
для табличек из того же.

5. Ящик для табличек из мовзолея Юань Дэжи.
Внутренняя часть.

рис. 2. Ящики для табличек, найденных в Китае.

* Длина табличек ай-се из мавзолея Ли Цзинь показана длиной ай-се из мавзолея Ли Бинь, так как она пока неизвестна.

рис. 3. Сравнение по размерам табличек

Другие подобные примеры в сравнении с ними

Такие таблички называются ай-сэ по-китайски. Там стихами написано то, что восхвалено доброе дело императорской фамилии при жизни, когда выносят гроб с телом императора или члена его семьи. Ай-сэ сделан из камня или бамбука. После того, как буквы написаны тупью или просто высечены, таблички укладываются в специально изготовленный ящик и помещаются в мавзолей. Как правило, ай-сэ из камня начали использовать с танской династии, а с ханской вплоть до танской использовали ай-сэ из бамбука. Таблички ай-сэ из камня, которые обнаружены в окрестностях Абакана, как выше указано, отрывочны, поэтому для того, чтобы дать конкретное представление о целом комплекте табличек, надо сравнить их с другими экземплярами таких вещей, о которых до сих пор известно внутри КНР, тем более, что обычай по использованию таких табличек при похоронах существовал только в Китае.

Мавзолей Ван Цзянь (он умер в 918 г.) династии, которая была создана в конце танской династии и существовала до Пяти династий, расположен в городе Шеньдоу провинции Сичуан и имеет форму круглого кургана высотой 15 м с диаметром 80 м в 1942-1943 гг. он был раскопан и внутри была обнаружена могила длиной 23,4 м. Она представляла собой три камеры, среди которых в задней камере была выставлена статуя, изображающая покойника, были найдены таблички ай-сэ вместе с сокровищами, медной посудой и другими вещами, и при этом в камере находились ящики для табличек (рис. 2,1,2).

Здесь были обнаружены 51 табличка ай-сэ и по одной табличке ше-био, предназначенных для специального помещения в начале и в конце целого текста, еще 50 табличек ся-сэ (специально относящихся к самому посмертному имени покойника) и по 2 таблички ше-био. Размер их: длина 33 см, ширина 3,5 см, толщина 1,9 см. В 1,7 см с обоих концов боковых сторон табличек пробиты дырочки, через которые продеты нитки из серебра, и при помощи их они связаны. Надписи высечены глубоко и позолочены. Ящики для табличек изготовлены одинаково по конструкции, длиной 225 см, шириной 45 см, высотой 21,5 см; доска дна ящика толщиной 2,8 см и доска рамки по краю толщиной 2,1 см. Ящики полностью орнаментированы красной краской, а их боковые стороны, внешняя внутренняя часть, закрытая крышкой, покрыты серебром, а на крышке нанесены узоры японской жимолости, журавлей, павлинов и других [4, 5].

В 1950–1951 гг. в провинции Джян-су в окрестностях города Нантинь были исследованы мавзолеи императоров одной из Пяти династий Ли-Бянь и Ли-Цзин. Мавзолей Ли-Бянь высотой 5 м, диаметром 30 м, а камера длиной 21,48 м, шириной 10,45 м. Камера мавзолея Ли-Цзин всей длиной 21,99 м, шириной 10,12 м. В обсах могилах в задних камерах были найдены таблички ай-сэ на полу для гробов в задних камерах. В мавзолея Ли-Бянь таблички были разбросаны внизу и на поверхности постамента для гроба в задней камере. Найдены 11 фрагментов табличек, которые почти похожи на целую форму, и 12 — совершенно фрагментарны. Среди них только на 3-х фрагментах замечены остатки лака и высеченные буквы покрыты позолотой. Каждая из большинства табличек из камня светло-зеленого цвета, шириной 7 см, длиной 16 см, толщиной 0,2–0,3 см, на них вырезаны 3 строки с иероглифическим уставом, но есть некоторые таблички, у которых 1 строка. И еще были обнаружены ящики большого и маленького размера для табличек. Размер первого — 1,59×0,43 м. В такой ящик помещалось всего 42 таблички, располагаясь по 20 вверху и внизу. Размер второго — 1,255×0,415 м. В нем 32 таблички, по 15. В обоих в начале текста находится одна строка, посвященная императору (в первом) или королеве (во втором) (рис. 2,3).

Таблички ай-сэ из мавзолея Ли-Цзин изготовлены из известняка бледно-желтого цвета. Всего найдено 40 их фрагментов, а среди них на 20 фрагментах нанесена надпись. Они шириной 2,8 см, т.е. в три раза меньше размера табличек Ли-Бянь, но толщиной 1 см, гораздо толще. Про их длину неизвестно. Строка букв нанесена неглубоко и также покрыта позолотой (рис. 2,4). Таблички должны быть проупорядочены, чтобы избежать ошибки в порядке при их размещении.

Мавзолей императорской четы династии Суп Юань Дэли был раскопан Институтом провинции Хэнань в 1984 г. Сопроводительных вещей было найдено мало из-за нарушения погребения, но среди них были найдены таблички. Они перечисляются по статьям следующим образом: 41 табличка ай-сэ (всего 209 букв) и 36 табличек сй-сэ (всего 187 букв). Три целых таблички длиной 30,8 см, шириной 3,3 см, толщиной 1,3 см. Докладчик сравнил их с экземплярами из мавзолея Ван Цзянь и предположил, что ящик длиной 220 см, шириной 50 см [3; 4, рис. 2,5]. В некоторых источниках древнего Китая упоминаются особые правила (каноны), в которых предусматриваются определенные размеры таких табличек ай-сэ или сй-сэ. По таким правилам они изготовлялись в Ведомстве главного императорского секретариата по управлению страны Чжуншу шэн и

определялись так: длиной 1 чи (чи = 30 см) 2 чун (чун = 3 см), шириной 1 чи 2 чун, толщиной 5 фэн (фэн = 3 мм). Но о числе табличек или о числе букв особенных правил не было. Таблички пронизаны через дырочки золотыми нитями с начала до конца и связаны. В 4 начальных и конечных табличках вырезаны изображения драконов и покрыты позолотой. Такие таблички называются бяшоу. В одной паре бяшоу изображен бог, а в другой драконы. При поднесении они закрыты и т.д.

Здесь я показываю связь между их длиной и шириной в графике (рис. 3) и привожу размер табличек из Райкова и размеры из правил, определенные в примечаниях к этому графику. Нанесены деления на 30 см, полученные из среднего числа длин и ширин, которые использовались в течение с танской до сунской эпохи (с VII в. до второй половины XIII в.). По графику оказывается, что табличка бяшоу из мавзолея Ван Цзянь по ширине гораздо больше, чем табличка ай-сэ ли сй-сэ, так как они отличаются друг от друга по характеру при их использовании. Таблички из мавзолея Ли Бянь в 2 раза больше, чем обычно, так как на поверхности одной таблички высечены 3 строки (максимально 14 букв включены в одну строку). Но как показано в рисунке ящика, таблички размещены в два ряда, поэтому они получены по длине половиной. Иначе говоря, если удвоить их, получается 32 см, а цифра эта почти совпадает с длиной других табличек. Это именно из-за того, что имели ввиду длину, которая определена капоном. Длину табличек из мавзолея Цзин нельзя узнать, так как они все отрывочны, а ширина их 2,8 см. Для удобства, чтобы узнать, какое место занимает размер из табличек в графике, показана такая же длина, как из табличек мавзолея Ли Бянь. По длине и ширине таблички из Райкова близки к табличкам ай-сэ или сй-сэ из мавзолея императора Юань Дэли или императора Ван Цзянь. В этом отношении они соответствуют определению канона. По толщине таблички ай-сэ из мавзолея императора Ван Цзянь превышает числовое значение, определенное правилом, т.е. 15 мм, а таблички ай-сэ из мавзолея Ли Бянь оказывается гораздо ниже его. Кроме них, остальные почти все одинаковы, в том числе и таблички из Райкова.

Итак, посмотрим, сколько строк и букв высечено? По количеству букв в одной строке у табличек из Райкова 7-8 букв и по сравнению с табличками из мавзолея императора Юань Дэли (12-13 букв) или императора Ван Цзянь (максимально 17 букв), их довольно меньше. Не обязательно делать такое заключение, но по количеству букв таблички из Райкова отличаются от других, даже если учесть размер каждой буквы или промежутки между ними.

О размере ящика для табличек из Райкова совсем неизвестно. Но принимая во внимание размеры ящика из мавзолея Ван Цзянь (7,5×1,5 чи), первого ящика из мавзолея Ли Бянь (5,3×1,4 чи) и второго (4,2×1,4 чи), длина ящика не всегда одинакова и может изменяться в зависимости от количества строк с буквами, несмотря на то, что ширина, естественно, установлена в зависимости от длины каждой таблички.

Как видно из вышеуказанного сравнения, можно сказать, что хотя по форме таблички из Райкова почти подобны форме, определенной каноном, но по количеству букв есть большая разница между табличками из Райкова и другими. Пока неизвестно, в чем состоит причина такой разницы. Но до тех пор, пока на месте находки в Райкове не проведутся археологические раскопки под руководством археологов и не найдутся остальные таблички, включая таблички с конкретным именем человека, я хочу ограничиться только замечанием, что у табличек из Райкова имеются такие характерные черты.

Краткий общий обзор исторического фона

Мятеж, поднятый Ань Лушань и Ши Шилин в 755–763 гг., нанес большой удар государственной мощи танской династии, в которой развивался обвал прежней земельной системы. Для того, чтобы избавиться от этого серьезного положения, танское государство собралось создать финансовые источники, приводя в действие систему нового налогообложения (2 раза в год, летом и осенью) и обеспечить экономическую стабилизацию. Но, с одной стороны, прогрессировала приватизация земли, генерал-губернаторы собирали силы и бунт крестьян обострился, а с другой стороны, в 875–884 гг. Хуан Чао поднял невиданный по масштабам мятеж и в конце концов в 907 г. Чжу Цюаньчжун уничтожил танское государство. Вообще говоря, это обобщенное изложение событий в конце танской эпохи.

Какая обстановка существовала в верховье Енисея на фоне вышеуказанных событий?

Уйгуры, которые разбили тюрок в 729 г., в свою очередь были повержены киргизами в 840 г. И этот край был основной базой для киргизов до тех пор, пока он не был завоеван монгольской империей в XIII в.; с того момента киргизы были вынуждены постоянно передвигаться в степи Средней Азии.

Известно, что в бассейне р. Кема была родина киргизов или хакасов, которых называли Джиянкун или Гэкун в ханьской эпохе, Джизду или Киаду в эпохе династии Ханьвэй (Северо-Южных

стран), Хиаджияся в танской эпохе. Река Кема — одно из древних названий верхнего течения Енисея, в танской эпохе упоминалась река Джиап, т.е. Енисей, южнее места слияния с Ангарой. Она протекает из хребта Танну-ола. Таким образом, с начала VII в. танское государство начинало управлять этой местностью и организовало управление генерал-губернаторов духуфу, как звено в цепи политики косвенного контроля окружающих малых и слабых стран, заботясь их влиятельных лиц разрешением самоуправления [6, 7].

Между тем, в действительности, генерал-губернаторы (трех гарнизонов места Хэбэй) не посылали налог в центр в императорский двор и сами назначали чиновников и поэтому территории, которыми они управляли, производили впечатление, будто существовала специальная малая страна под владычеством танской династии [6, 7]. Не исключена возможность, что так или иначе после второй половины IX в. такая тенденция встречалась и в Хакассии, которая расположена в северо-западной окраине танского Китая. Если можно так предположить, то основа власти того лица, которое, как написано в табличке № 6640/2 из Райкова (управляет твоей границей и защищает ее), не должна быть не причастна к структуре власти таких генерал-губернаторов. И еще с третьей четверти VIII в. до первой половины IX в. управление танского государства Тибетом и северо-западными местами, становилось просто номинальным, или развитие сил туфанов (предков нынешних тибетов) вызвало большую суматоху у уйгуров и других северных народов, что подготовило почву для запутанности в период танской династии и Пяти династий. Но тогда резко изменились Хиаджиси, значит возникло государство киргизов. Здесь, в связи с обстоятельством тогдашнего управления генерал-губернаторов танского государства в северной окраине, я хочу подчеркнуть только то, что в Хакассии, включающей основную базу киргизов, были найдены рассмотренные таблички.

Хакассия данного периода с археологической точки зрения

Суммируя содержание по средневековым археологическим культурам по опубликованным работам (Степь Евразии в средневековье; Древняя и средневековая история Южной Сибири; Археологические открытия и т.д.) я старался познакомить наших читателей с результатами этого периода в Хакассии, особенно обращая внимание на торговлю с танским Китаем.

Историческое значение табличек из Райкова

Выше я сделал приблизительный обзор о том, какова была историческая ситуация, где были найдены таблички, приводя два-три примера на основе результатов исследований, полученными передовыми умами. В результате даже только в силу краткого обзора ясно, что таблички из Райкова появились на историческом фоне, существовавшем с широким ареалом торговли вокруг политики северо-западной окраины танской династии.

Таблички ай-сэ или сй-сэ употребляли не отдельно от тогдашнего обряда у лиц, принадлежавших к высшим слоям общества, особенно у императорских фамилий [7, 8]. В связи с интерпретацией о дворце Лилина ханской эпохи, японский ученый доктор Бунъэй Цунода высказал свое мнение, что в зависимости от естественного хода истории, тогдашние китайцы построили дворцы или резиденции ханского типа, чтобы сохранить образ жизни, подобный тому, что они вели на родине и уровень своей культуры, указывая на тот факт, о котором записано в китайском источнике: когда в 105 г. до н.э. принцесса императора Лю Цзянь вышла замуж за императора государства усун Кунхо она дошла до той страны, там жила во дворце, который был построен по-китайски). Хотя этот факт отмечен для ханской эпохи, но такая ситуация возможна и здесь.

О Джианкун (киргизах), упомянутых в главе (Уйгуры) в хронике (Новая история Тан) написано так: когда они (посланцы-киргизы) преподнесли дары императору танского государства в течение года Джинлон (707–709), он принял их и, отблагодарив за услугу, сказал, что ваше государство принадлежит тому же кровному родству, как ваше и поэтому вы не идете ни в какое сравнение с другими варварскими племенами. В связи с этим добавочно объясняют, что то кровное родство, которое здесь упоминается, основывается на таком рассказе, в котором у племен Хиаджиси (киргизов танской эпохи) есть потомство Лилина [1]. Представляется, что это интересная интерпретация. С этих пор есть еще другое описание о Хиаджиси. В 847 г. танский государь приказал сановнику Ли Е послать к Хиаджиси, разрешающее старейшине племени стать верховным главой. И еще в течение годов Хиантон посланцы-киргизы три раза прибывали и получали аудиенцию у танского государя [9]. Возможно ли искать какую-нибудь связь с лицом, которому посвящены таблички из Райкова, в таких записях, которые выше изложены?

Сам факт, что на родине киргизов или хакасов, которая расположена в одном из притоков верховья Енисея, на р. Абакан, были найдены таблички ай-сэ (или сй-сэ), связанные со смертью лица высших слоев тогдашнего общества, имеет необычайно важное значение не только для выяснения истории средневековья в Хакассии, но и для сравнительного анализа процесса развития обществ, которые издавна существовали под влиянием, в большей или меньшей степени, китайской цивилизации. Но пока я не могу более конкретнее констатировать исторические факты, почерпнутые из надписи в табличках, поскольку не произведены исследования на основе археологических раскопок с чисто научной объективностью и хорошей осведомленностью в результатах изучения окружающих стран.

Я выражаю благодарность за то, что мне дали возможность успешно работать в Сибири директору Института археологии и этнографии СО РАН Деревянко Анатолию Пантелеевичу, председателю правления Осацкой префектуральной Ассоциации по культурным ценностям Макио Иван, начальнику отдела обследования Ютака Исигами, заведующим отделом координации Кэнджи Фуджита, заведующим первым отделом обследования Каору Оно и нашим другим коллегам. И я благодарю профессора Кадзуо Фудэсава и нашего коллегу Маэри Фудэсава за то, что на первый взгляд они сразу указали на то, что мраморные палочки из Райкова — это именно часть из табличек ай-сэ и посоветовали мне познакомить наших специалистов с ними.

И я никогда не забуду любезности следующих людей: доктора Хакасского госуниверситета Бутанаева Виктора Яковлевича, который познакомил меня с этими табличками, директора Хакасского краеведческого музея Мылтыгашеву Людмилу Петровну, которая дала мне возможность провести их обработку и собрать материалы, заведующего отделом фондов Чалкину Марию Феофановну, Ирину Кызласову и других, которые содействовали мне при работе, Могилевскую Татьяну Владимировну, которая помогала мне в копировании тушью надписи в табличках.

Примечания

1. Бунъэй Цунода. О так называемых <остатках Лялина> // Изучение древних северных культур, исправленное и дополненное издание. — Киото, 1971, — С. 73–86.
2. Арх. энцикл. словарь. — Токио, 1972. — «Ай-сэ».

3. Сун Синкинъ. Ящик для табличек ай-сэ в мавзолее императорской четы династии Сун Юань Дэли // Археология, Хуася, 1990. — н.2, — С. 92-99.
4. Институт археологии КАН, Мавзолей императора Ван Цзинь в период прежнего Цу. — Пекин, 1964.
5. Музей Накин, два Мавзолея Южного Тан. — Нанкин, 1957.
6. Тосикадзу Хори. Структура власти гвардии, управляемой генерал-губернаторами // Труды Института культуры Востока. — Токио, 1960. — н. 20.
7. Окимити Тасака. О положении северо-западной окраины в середине эпохи Тан // Труды Востока. — Токио, 1940. — н. 11.
8. Тэцудзи Морохаси. Большой китайско-японский словарь. — Т. 2. — «Ай-сэ».
9. История народов-кочевников // Архиварий Востока. — н. 223. — Токио, 1974. — С.454.

Л.М. Плетнева

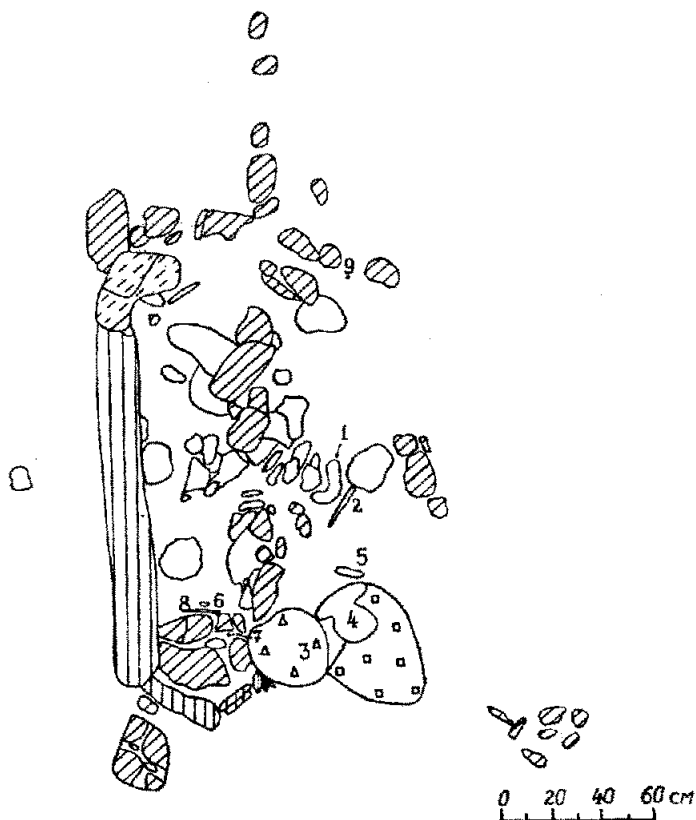
Погребение в каменном ящике из Коларовского могильника

В 1978 г. Томским отрядом Археологической экспедиции Томского университета были проведены раскопки Коларовского курганного могильника. Он расположен в 3 км «севернее с. Коларово (Томский район Томской области), на правом берегу р. Томи. Могильник раскапывался сплошной площадью. Курганы позднего средневековья располагались на культурном слое эпохи поздней бронзы» (Плетнева Л.М., 1990). В двух курганах найдены ранние захоронения.

Наиболее интересно захоронение в каменном ящике. Оно было обнаружено в южной части кургана № 2 на глубине 0,55–0,65 м от современной дневной поверхности. С западной стороны была поставлена на ребро целая плита длиной 1,45 м, толщиной 5–8 см (рис. 1). Остальные стенки ящика были сооружены из нескольких плиток каждая. Их размеры от 40×15 до 15×17 см, толщина 3–4 см. Восточная и северная, особенно последняя, были нарушены грабителями. Высота ящика 30–33 см. Стены ящика сооружены в такой последовательности: сначала была поставлена восточная стена, затем южная (они плавно переходят одна в другую, угол скруглен), затем — западная, так как ее торцы опираются на торцы южной стены, и, видимо, только после этого сооружена северная. Стены ящика во время раскопок были наклонены внутрь. Ширина ящика по верху 30 см, по основанию 70 см. Возможно, что ящик сверху тоже был закрыт плитами, часть из которых упала внутрь ящика.

Захоронение пострадало от грабителей, видимо, дважды: до сооружения или во время сооружения курганного могильника и во время ограбления кургана. В последнем случае незначительно: часть плиток была в грабительской яме и темная гумусированная земля заполняла северную часть ящика, в то время как насыпь кургана состояла из темноватого суглинка. Во время первого ограбления был нарушен ящик: сняты верхние плиты, нарушены стены и скелет, выброшен череп и другие кости. Череп находился на уровне нижнего

С
↑

- - мелкие песчаниковые плитки
- - плитки, поставленные наклонно
- - плитки на уровне верхнего края плиты
- - плитки на уровне нижнего края плиты
- - плитки, лежащие выше верхнего края плиты

Рис. 1. Погребение в каменном ящике.

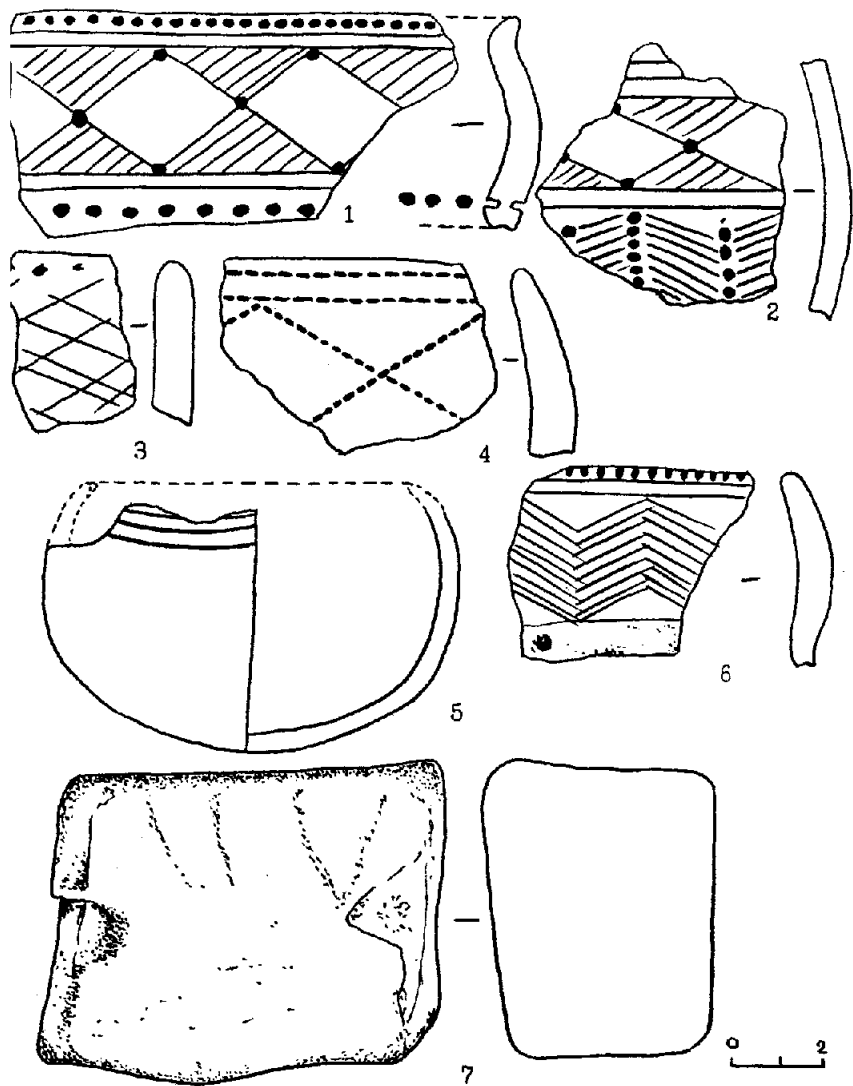

Рис. 2. Предметы и керамика эпохи бронзы из культурного слоя и курганов 6, 7, 9.

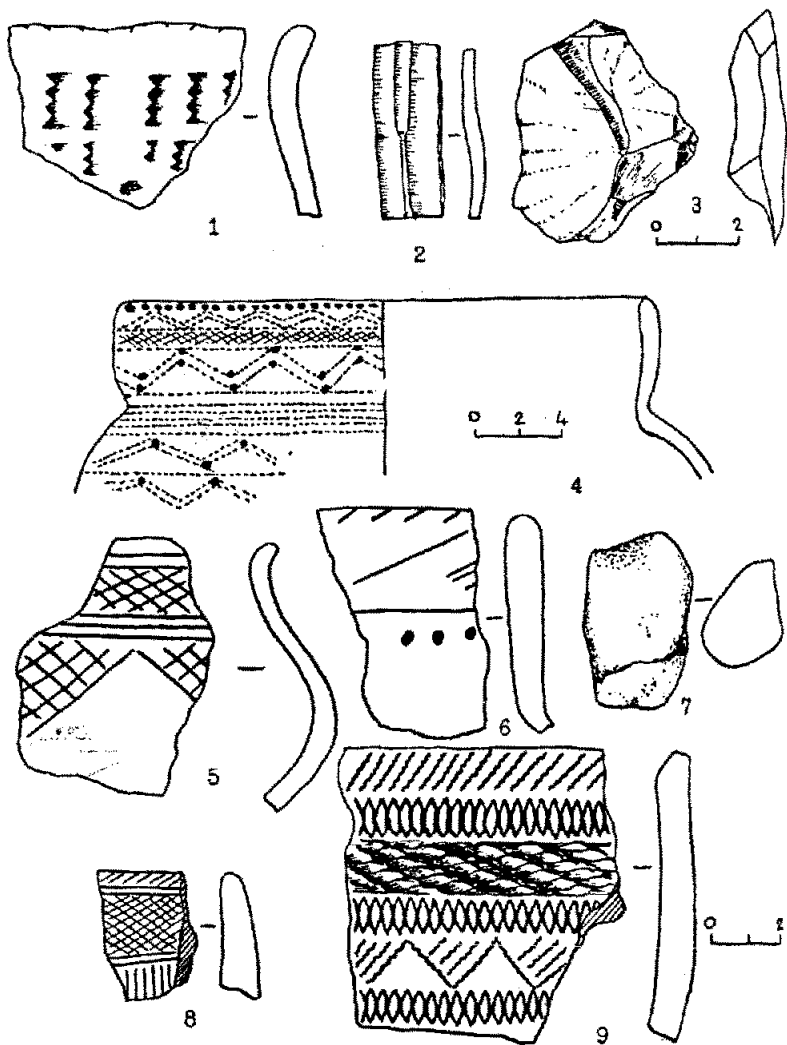

Рис. 3. Предметы и керамика эпохи бронзы из культурного слоя и курганов 12/1/, 4/2-7/, 5/8-9/.

Рис. 4. Предметы и керамика из скопления южнее кургана №7.

края плиты, в обломках (рис. 1-1). По определению В.А. Дремова и А.Р. Кима он принадлежал мужчине в возрасте 40-60 лет. Рядом с черепом лежала трубчатая кость человека (рис. 1-2). Все кости очень плохой сохранности. Южнее описанных костей найдены череп и кость животного (рис. 1-4,5). Западнее их расположены фрагменты сосуда эпохи бронзы, возможно, выброшенного грабителями из ящика (рис. 1-3). Внутри ящика были найдены ребра человека, предмет из рыхлого песчаника и кость животного (рис. 1,6-8). Все находки в ящике лежали на суглинке, что свидетельствует о том, что ящик внутри не был выстлан плитами. В северной части погребения, за пределами ящика была обнаружена ножевидная пластинка (рис. 1-9).

Второе погребение раннего времени (по сравнению с позднесредневековыми погребениями) располагалось в кургане № 5. В слое материкового суглипка, на глубине 0,55 м от современной дневной поверхности найден череп человека очень плохой сохранности, длинная кость без эпифизов и два фрагмента керамики эпохи бронзы. Казалось бы в датировании описанных погребений нет затруднений: в обоих случаях найдена керамика ирменского времени. Но дело в том, что такая керамика встречена на всей площади раскопа могильника (в курганных насыпях и вне их). Кроме того, найдены грузило, сколы и отщепы кремнистого сланца (рис. 2,3). На участке 0,75×1 м южнее кургана № 7 было обнаружено несколько сот сколов, мелких чешуек, кусков кремнистого сланца. Здесь же были и орудия (рис. 4,1-4). Среди находок из камня обнаружено несколько фрагментов керамики ирменского времени, что дает возможность предположить отнесение каменного инвентаря к этому же времени (рис. 4,5-9).

Надо отметить, что насыщенность находками слоя на площади раскопа очень слабая, на основании чего напрашивается вывод: либо это периферийная часть поселения, либо это место, входящее в зону обитания, примыкающую к поселению. Я думаю, что в данном случае имело место второе обстоятельство, так как поселение со значительным культурным слоем располагалось севернее могильника в 120-150 м. Оно пока не исследовано, на нем заложен только небольшой рекогносцировочный раскоп.

Вернемся к определению даты ранних погребений: можно ли их соотнести с керамикой ирменского времени? Большой соблазн ответить утвердительно, но вряд ли мы имеем на это полное основание. Кроме того они могут быть разновременными.

Погребение в каменном ящике, точнее в обкладке из каменных плит, известно из Томского могильника на Малом мысу. Это могила № 8, относящаяся к эпохе бронзы. В ней найдены бронзовые зеркало, серьги и бляшка (Комарова М.Н., 1952, с. 29).

*Ю.С. Худяков,
Ю.А. Плотников*

**Изучение археологических
памятников Алтая
(II тыс. н.э.)**

Археологические памятники, относящиеся ко II тыс. н.э. в Горном Алтае и Верхнем Приобье, обратили на себя внимание ученых еще в начале XIX в. В долине р. Чарыш погребение с конем начала II тыс. н.э. было исследовано К.Ф. Ледебургом в 1826 г. [1, с. 190].

В конце столетия началось археологическое изучение памятников этнографического времени. В 1897 г. Е.А. Луценко совершил поездку в Горный Алтай с целью антропологического исследования теленгитов, обитавших по рекам Чулышман, Башкауз, Улаган и Чуя. Помимо современного населения он изучал костяки из теленгитских захоронений. Таких могил Е.А. Луценко обнаружил более 100, около 20 были им раскопаны. Исследователь выделил три типа погребений: наземные в срубинах, впускные в курганах и каменных осыпях, гротовые [2, с. 33–34].

В 1920–30 гг. XX в. отдельные комплексы, относящиеся к периоду развитого средневековья, исследовали в Горном Алтае С.И. Руденко, А.Н. Глухов [3], в Верхнем Приобье и на Алтае М.П. Грязнов [4], О.М. Сергеев и М.Д. Копытов. Археологические находки из памятников развитого и позднего средневековья постепенно накапливались в музеях Ленинграда, Томска, Барнаула, Бийска.

Первый опыт обобщения археологических материалов первой половины II тыс. н.э. в Верхнем Приобье был предпринят в 1956 г. М.П. Грязновым [5, с. 153–157]. Исследователь систематизировал результаты своих раскопок на памятнике Ближние Елбаны в 1940-е гг., выделил серию памятников II тыс. н.э., обосновал их хронологию, кратко охарактеризовал погребальную обрядность и хозяйственные занятия населения. В 1965 г. А.А. Гаврилова, проанализировав материалы могильника Кудыргэ, выделила группу могил монгольского времени [6, с. 44–49]. Ею обоснована хроно-

логия памятников «часовенногорского типа» XIII–XIV вв., в числе которых на Алтае вошли отдельные погребения из Пазырыка, Яконура, Красноярского, охарактеризован предметный комплекс.

В 1964 г. своеобразное погребение эпохи развитого средневековья у с. Бичикту-Бом в Горном Алтае раскопала Е.М. Берс. Серию памятников II тыс. н.э. в урочище Раздумье в Степном Алтае в 1960-х гг. исследовал А.П. Уманский [7, с. 81]. В 1969–1970 гг. памятники Сухие Гривы и Осипки в Верхнем Приобье раскапывали Н.Л. Членова и Д.Г. Савинов [8, с. 201; 9, с. 219–220; 10, с. 69–71]. Большая серия впускных погребений XIX–XX вв. в насыпях древних курганов изучена Д.Г. Савиновым в 1971–1972 гг. в долине р. Узунтал [11, с. 287; 12, с. 236]. В процессе раскопок курганов раннего железного века и средневековья в Горном Алтае В.Д. Кубаревым в 1970–1980 гг. были исследованы отдельные захоронения этнографического времени: впускные, наземные в срубках и скальные [13, с. 71; 14, с. 123, 132; 158, с. 131–132, 145–146]. Материалы раскопок памятников первой половины II тыс. н.э. на Алтае и в Верхнем Приобье были частично охарактеризованы в работах В.А. Могильникова [1, с. 190–200], С.В. Неверова [16, с. 118] и Д.Г. Савинова [10, с. 69–71].

В 1980-х гг. памятники II тыс. н.э. исследовались в Горном Алтае В.А. Могильниковым, В.Н. Елиным [17, с. 153–162], Ю.Ф. Кирюпиным, С.В. Неверовым, Н.Ф. Степановой [19, с. 225–229; 20, с. 120–123], Ю.А. Плотниковым, В.П. Мыльниковым, Н.В. Полосьмак, в Степном Алтае — Л.А. Кунгуровым, Д.Б. Бородаевым и др. Ю.С. Худяковым было проанализировано вооружение населения Алтая и Приобья в первой половине II тыс. н.э. [21, с. 168–185]. Исторические события II тыс. н.э. на Алтае рассматривались в трудах Л.П. Потапова [22, 23], К.И. Петрова [24], И.Я. Златкина [25], А.П. Уманского [26], В.В. Трепавлова [27] и др.

В XI–XII вв. н.э. Горный Алтай входил в состав одного из княжеств, на которые распался Кыргызский каганат. Помимо собственно кыргызов здесь обитали различные тюркоязычные племена. Вероятно, среди них были потомки древних тюрков, которым могут принадлежать погребения с конем, уйгуров и других телесских племен, хоронивших со шкурой коня, либо по обряду одиночного труположения. После распада Кыргызского и Кимакского каганатов население Верхнего Приобья некоторое время сохраняло самостоятельность. Этническая принадлежность этого населения оценивается по разному: одни исследователи считают его тюркоязычным, другие — самодийским, подвергшимся сильному тюркскому и кыргызскому влиянию [1, с. 191]. Степные районы Алтая

были, по-видимому, заселены кыпчаками, хоронившими умерших с конем или шкурой коня.

К концу XII в. Алтай вошел в состав земель, на которые расселились найманы, которых большинство исследователей считает монголоязычными. Монгольское завоевание в XIII в. повлекло за собой существенные изменения в этнокультурном облике и этническом составе населения. Очевидно, Алтай входил в ареал расселения «лесных племен», среди которых источниками называются теленгуты (телянью) и толесы.

Памятники XI—XII вв. н.э. выделяются на территории Горного Алтая и Приобья. К этому периоду В.А. Могильников относит памятники Чарыш и Узунтал [1, с. 191], Ю.Ф. Кирюшин, С.В. Неверов, Н.Ф. Степанова — памятник Верх-Еланда [19, с. 240], С.В. Неверов и Н.Ф. Степанова — курган у с. Элекманар [20, с. 123]. Ряд памятников, например, Ближние Елбаны, Раздумье, Красноярское, Бичикту-Бом, Осинки — получили датировки в пределах предмонгольского и монгольского времени. В отличие от синхронных кыргызских памятников алтайские комплексы начала II тыс. н.э. не содержат характерных железных деталей сбруи, апплицированных серебром. Встречаемые в них удила с большими кольцами и стремяна с прорезью в дужке в большей степени характерны для монгольского времени. В некоторых памятниках обнаружены трехлопастные и плоские наконечники стрел, луки с фронтальными концевыми и срединными накладками. В погребальной обрядности населения Алтая в начале II тыс. н.э. наблюдается ряд черт, восходящих к традициям конца I тыс. н.э.

В Горном Алтае среди различных типов погребений начала II тыс. н.э. присутствует погребение с конем. На р. Чарыш подобное захоронение было исследовано еще в начале XIX в. К.Ф. Ледбургом. Судя по последующим изысканиям А.П. Уманского [28, с. 36], памятник представлял собой четырехугольную оградку из вертикально врытых каменных плит, засыпанных внутри камнями. По мнению В.А. Могильникова, оградки являются древнетюркским поминальным сооружением. Погребение было впускным. Могила ограблена: на дне могильной ямы находились разбросанные кости человека [1, с. 191). Среди инвентаря отмечены железные удила, стремяна с прорезью в уплощенной дужке, костяная подпругная пряжка с подвижным язычком, втульчатый ромбический костяной наконечник стрелы и костяные пластины с циркульным орнаментом. Костяные предметы подобного облика в большей степени характерны для памятников I тыс. н.э.

На памятнике Бичикту-Бом в долине р. Каракол Е.М. Берс раскопала погребение со шкурой коня, каменная насыпь отсутствовала. Могильная яма овальной формы была ориентирована СЗ-ЮВ. На уступе могильной ямы находился череп, кости ног лошади, обломки железных удил, железные детали сбруи. Могильную яму перекрывал ряд наклонно установленных плит. На дне могилы помещалась листовенничная колода, внутри которой находился скелет взрослой женщины в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. Правая рука согнута в локте. Эта деталь будет постоянно встречаться в памятниках этнографического времени. При погребенной найдено большое количество украшений: серебряные височные кольца, бисер, бусы из пасты, раковин, халцедона, подвески из ляпис-лазури и перламутра, а также железный нож, сланцевая плитка, роговая пряжка и шелковый мешочек.

На могильнике Узунтал VIII Д.Г. Савиновым исследован пологий каменный курган, под насыпью которого почти на уровне горизонта находилось погребение девочки в каменном ящике. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на С. Инвентарь включал бусы, пронизку из кости, раковины каури, бронзовый колокольчик, обломок бронзового зеркала, железный нож [11, с. 287].

В Верхнем Приобье среди грунтовых захоронений XI-XII вв. н.э. была исследована Д.Г. Савиновым [29]. На дне неглубоких могильных ям в деревянных рамах с перекрытиями находились скелеты погребенных. Они лежали на спине, вытянуто, головой на С и СЗ. В некоторых могилах находились скелеты собак. Мужчины погребены с оружием: луками со срединными, плечевыми и концевыми фронтальными накладками, железными и костяными наконечниками стрел, костяными петлями колчанов, копьями, кинжалами, ножами, теслами. Найдены поясные пряжки, бляшки, удила, стремяна. В женских захоронениях найдены украшения: серьги, бусы из сердолика, халцедона, лазурита, перламутра, обломки зеркал. У погребенных отмечена искусственная деформация черепов.

Горноалтайские погребения с конем принято относить к тюркам, погребения со шкурой коня — к уйгурам, одиночные грунтовые погребения — к тюркизированной самодийцам или кыпчакам.

Памятники XIII-XIX вв. выделяются на Алтае по серии признаков: форме стремян, удил, типам луков, наконечников стрел, характерным украшениям.

В Горном Алтае к этому периоду относится группа погребений под овальными каменными насыпями с западной в центре на могильнике Кудыргэ [6, с. 44-45]. Скелеты погребенных находятся в неглубоких ямах в деревянных колодах, гробах, на берестя-

ных подстилках. Они лежат на спине, вытянуто, головой на С. Одна или обе руки согнуты в локтях. В одной могиле в ногах погребенного находились кости овцы — бедренная и крестец.

Мужчин хоронили с оружием. Найден берестяной колчан с горизонтально срезанным верхом, железные наконечники стрел, железный нож. В женских могилах обычны украшения: серьги, бусы, бисер, серебряные нашивные пластины от головного убора. Встречаются железные ножи, бронзовые зеркала, железные пилы с костяной рукояткой. Конская сбруя, остатки седел, железные пробои, стремена, удила находятся не во всех могилах. Дети похоронены без вещей [6, с. 45–48].

В Верхнем Приобье погребения и поселения монгольского времени изучены в пунктах Ближние Елбаны, Осинки, Сухие Гривы, Красноярское, Раздумье, Усть-Алейка и др.

На памятнике Ближние Елбаны IX исследован курган с округлой земляной насыпью. Под насыпью на горизонте находились остатки сожженного деревянного сруба. Вокруг сруба располагались железные копыя, три скопления железных наконечников стрел, роговые накладки лука, железные ножи, пряжки, ложка. Над подкурганной площади обнаружено большое количество ямок от деревянных столбиков [5, с. 154].

В могильниках Красноярское, Ближние Елбаны II, VII, IX, XIV, Раздумье, Осинки, Сухие Гривы исследованы грунтовые погребения. В могильнике Красноярское погребение обнаружено в «кургане», насыпь которого «практически не прослеживается» [16, с. 105]. Могильные ямы имели прямоугольную форму, иногда перекрытие из дерева или бересты. Скелеты погребенных лежат на спине, вытянуто, иногда со слегка подогнутыми в коленях ногами, ориентированы на ЮЗ, З, СЗ, СВ, В. В нескольких случаях поблизости от могильных ям находятся черепа лошадей. Состав инвентаря в памятниках существенно различается. В мужских погребениях встречаются предметы вооружения и конского снаряжения: сабля, луки, стрелы, ножи, тесла, удила, стремена, пряжки, кольца. В женских могилах обычны бусы и серьги, но иногда встречаются удила, стремена, наконечники стрел и лепные горшки. Значительная часть погребений взрослых и детей не имеет инвентаря.

В Ближних Елбанах исследовано поселение без следов долговременных жилищ. В культурном слое обнаружены фрагменты лепных горшков, кости лошади, овцы, коровы, диких копытных и пушных животных.

На основе изучения комплексов XIII–XIX вв. возможно вычлечение монгольского компонента в населении Алтая. Погребения

под овальными каменными выкладками с северной ориентировкой скелета если не тождественны, то весьма близки собственно монголам Халхи и Забайкалья. Безусловно, вхождение в империю Чингис-хана и в улусы его преемников повлекло за собой распространение на Алтае монгольского населения.

Период XV–XVI вв. относится к самым «темным» временам в истории Алтая. Он абсолютно не исследован археологически и крайне слабо исторически документирован. Видимо, племена Алтая сохраняли в это время относительную самостоятельность и не входили в состав крупных государственных объединений. В конце XVI — начале XVII вв. в степях Северного Алтая существовал Большой Телеутский улус — единое княжество, некоторое время сохранявшее независимость от Алтынханов, джунгар и Русского государства. После распада Большого Улуса племена Алтая постепенно попадают под верховенство Джунгарии и России. На протяжении без малого столетия становится обычным явлением двоеданство. После разгрома Джунгарского ханства Цинской империей племена Алтая в середине XVIII в. входят в состав России. Этот период характеризуется бурным смешением различных родоплеменных подразделений и складыванием территориальных общностей.

Археологический материал позволяет говорить о существовании в XVII–XIX вв. различных типов погребений. Наиболее изучены в настоящее время впускные захоронения в насыпях древних курганов. Они исследовались в большом числе в восточных районах Горного Алтая в долинах рек Чуи, Юстыда, Узунтала, Улагана и пр. В насыпи готовили одно или два углубления (для человека и его коня). Труп человека укладывали в вытянутом положении на спине, головой на В. Характерно положение правой руки, согнутой в локте, с кистью, лежащей на животе или груди. Умершего хоронили в одежде, обуви, головном уборе. Сопроводительный инвентарь: железная и деревянная посуда, пояса с железными и бронзовыми пряжками, деревянные и бронзовые курительные трубки, в женских могилах — украшения. Оружие: лук со стрелами, в XIX в. — ружье. С.И. Руденко в одной из могил на р. Улаган обнаружил во впускной могиле набор кузнечных инструментов. Седло клали под голову умершему, но встречается положение сбоку или в ногах, стремяна часто клали под седло. Иногда часть конского снаряжения (удила и пр.) оставляли с коном. Сверху погребение забрасывали камнями. Наброска, как правило, невелика и сквозь нее часто можно видеть кости скелета и, в особенности, торчащие жерди, на которых покойника доставляли к месту погребения.

Видимо, не менее распространенными должны быть захоронения в каменных осыпях. Скальная осыпь и курганное сооружение сходны по составу, поэтому, очевидно, называемые типы погребений — две стороны одного и того же явления. Трудности поиска захоронений в осыпях заключается в том, что осыпь — это живое геологическое тело, в котором погребения могут разрушаться, а их внешние признаки — исчезать. Тем не менее, такие могилы удается обнаружить. Как правило, они размещаются в укромных местах, порой очень высоко. Одно такое захоронение было открыто А.М. Сагалаевым в долине р. Черный Ануй (устное сообщение). Ю.А. Плотниковым найдено погребение в урочище Алтайры (боковое ответвление долины р. Кверлык). Могила была расположена примерно в трех км от выхода из урочища, метрах в 50-ти выше дороги и выглядела как углубление в осыпи. На глубине 40 см обнаружено захоронение ребенка в возрасте до года. Сохранились только кости черепа. Погребение было устроено в каменном ложе типа корытца, составленном из нескольких плоских плиток. Ложе ориентировано длинной осью СЮ (сверху вниз). Очевидно, погребенный лежал головой в гору. Сверху могила была перекрыта тремя жердочками поодоль и каменной наброской.

Еще один тип погребений с использованием условий местности — захоронения в скальных расщелинах и нишах. Исследованы В.Д. Кубаревым в Уландрыке [13, с. 71] и на Юстыде [14, с. 123]. Богатое сопроводительным инвентарем погребение обследовано В.А. Кочеевым в урочище Тожан на г. 2-й Межелик в Елинской котловине. Погребенный был завернут в бересту и уложен в расщелину в скале. Сверху костяк был перекрыт жердями и завален мелкими камнями. Погребение потревожено нашедшими его рабочими, поэтому определить положение костяка сложно. Удалось установить ориентировку — на СЗ головой. Справа от костяка лежал колчан со стрелами, в ногах — седло. Расположение лука и ножа не установлено. Судя по форме кожаного колчапа и железных наконечников стрел [18, с. 158–161], погребение датируется XVII–XVIII вв.

В погребальном обряде населения Елинской котловины зафиксировано новое явление. Могилы расположены около зимней стоянки чабанов Кара-Бом. Топография их размещения специфична — на протяжении примерно 1 км по одной у каждого заметного скального выступа. Расстояние между могилами колеблется в пределах нескольких десятков метров. Сходство внешних признаков и внутримогильного устройства позволяет думать, что погребения относятся к одному хронологическому пласту и представляют собой рассредоточенный в пространстве могильник. Надмогильные сооружения вы-

глядят как едва заметные овальные выкладки из каменных плит. Выкладки ориентированы длинной осью ЗВ, причем такая ориентировка располагает их поперек близлежащих скальных выходов. Плиты уложены поверх деревянного перекрытия, находящегося на уровне древней поверхности. В одном случае зафиксировано внутримогильное сооружение в виде клетки из жердей, перекрытое листовенничной корой, напоминающее известное в этнографии алтайцев наземное сооружение УКПЕК [15, с. 140]. Глубина могильных ям 60–80 см. Погребенные ориентированы головой на В. Положение костяков вытянутое, на спине, правая рука согнута в локте. Под голову помещали седло (кроме детских могил). Пока не обнаружены сопроводительные захоронения коней и заукокойная пища. Последняя могла быть жидкой и содержаться в сосудах, деревянных или кожаных. В женских могилах присутствует богатый набор украшений: подвесные косы, бляшки, пуговицы. Предварительная дата погребений — XVIII — нач. XIX вв.

На могильнике Кызыл-Бом зафиксированы поминальные сооружения, представлявшие собой пирамидки из нескольких поставленных на ребро плит или небольшие (до 1 м в диаметре) кольцевые оградки, забросанные внутри камнем. Между камнями найдено множество дробленых костей, в основном коровьих. В каждом из таких сооружений находится, как правило, 1–2 вещи из домашнего обихода: обломки жестяных ковшей, фабричная трехзубая вилка, наконечник землеройного орудия АБЫЛ. По этим вещам поминальнички датируются концом XIX — началом XX вв.

Возможности для обобщения пока невелики. Большинство исследованных на сегодняшний день погребений XVII–XIX вв. расположено в ареале расселения теленгитов, поэтому и определяются как теленгитские. Однако, появившиеся в последнее время материалы с территории алтай-кижи обнаруживают с ними значительное сходство. Учитывая смешанный этнический состав алтайских территориальных групп, трудно решить, где кончаются хронологические и начинаются локальные или этнические различия.

Анализ имеющихся археологических материалов, относящихся ко II тыс. н.э., должен способствовать изучению этногенеза и культурогенеза алтайцев.

Примечания

1. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981.

2. Луценко Е.А. Поездка к теленгитам // *Землеведение*. — 1898. — № 1–2.
3. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // *Материалы по этнографии*. — Л., 1927. — Вып. III.
4. Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. — Л., 1949. — Вып. 1.
5. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // *МИА*, № 48. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
6. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л.: Наука, 1965.
7. Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздутье // *Археологические исследования на Алтае*. — Барнаул, 1987.
8. Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // *АО 1969 года*. — М., 1970.
9. Савинов Д.Г. Осиновский могильник на Северном Алтае // *АО 1970 года*. — М., 1971.
10. Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // *История, археология и этнография Сибири*. — Томск, 1979.
11. Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // *АО 1971 года*. — М., 1972.
12. Савинов Д.Г. Работы на Горном Алтае // *АО 1972 года*. — М., 1973.
13. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района // *Археологический поиск. Северная Азия*. — Новосибирск, 1980.
14. Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // *Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая*. — Горно-Алтайск, 1988.
15. Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX вв.). — Новосибирск, 1978.
16. Невсров С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // *Археология и этнография Алтая*. — Барнаул, 1982.
17. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // *Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг.* — Горно-Алтайск, 1983.
18. Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // *Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг.* — Горно-Алтайск, 1983.

19. Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда 1 в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуди. — Новосибирск, 1990.
20. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I тыс. н.э. — начала II тыс. н.э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Тез. докладов. — Барнаул, 1990.
21. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н.э. // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988.
22. Потапов Л.П. Очерки истории алтайцев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
23. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л.: Наука, 1969.
24. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. — Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963.
25. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). — М.: Наука, 1964.
26. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII вв. — Новосибирск: Наука, 1980.
27. Тrepавлов В.В. Южносибирские территории в составе государства монгольских феодалов XIII в. (политико-правовой статус населения Тувы и Алтая) // Вопросы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986.
28. Уманский А.П. Археологические раскопки Ледебурга в Горном Алтае // Ученые записки ГАНИИЯЛ. — Горно-Алтайск, 1964. — Вып. 6.
29. Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X-XII вв.). — Автореф. канд. дисс. — Л., 1974.

С.С. Тур

К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы

В гуанское время на обширном пространстве Евразии широкое распространение получают обычаи искусственной деформации головы. Практиковавшееся продолжительное сдавливание головы младенца с помощью дощечек, повязок или иных приспособлений приводило к значительному и необратимому изменению ее естественной формы. Происхождение таких традиций недостаточно ясно, но известно, что во многих случаях они являлись стойким этнокультурным признаком. Наибольшее хождение имел обычай кольцевой деформации головы. Кольцевидно деформированные черепа были найдены в Центральной Европе, в Крыму, на Кавказе, в Подолье, Нижнем Поволжье, Приуралье, Средней Азии, Западной Сибири. На территории Западной Сибири первые находки кольцевидно деформированных, или макрокефалических, как их раньше называли, черепов появились при раскопках А.И. Дмитриева-Мамонова тобольских курганов еще в 1882 г. В.М. Флоринский сопоставил их с другими известными тогда немногочисленными находками кольцевидно деформированных черепов из Крыма, бассейна Дуная и Камской Булгарии. Имея в виду общее сходство этих черепов в характере деформации с черепами индейских племен гуанка в Перу, он высказал также предположение о том, что «факт нахождения макрокефалических черепов на Иртыше... может указывать на след распространения древнего, крайне оригинального обычая уродования головы из северо-восточной Азии в Америку» [1]. В ходе последующих археологических изысканий кольцевидно деформированные черепа были обнаружены также на левом берегу р. Миас в районе Шадринска, в Усть-Тартасском могильнике (III–IV вв. н.э.) у слияния р. Тартас с Омью [2], на Большереченском городище [3] и в могильнике Ближние Елбаны (II–VI вв. н.э.) [4] в Верхнем Приобье, в Козловском и Перейминском могильниках (IV–V вв. н.э.) [5] на Средней Оби, в могильни-

как VI—X вв. н.э. на р. Уень (Кольвапский район Новосибирской области) [6]. Но в более восточных районах кольцевидно деформированные черепа не встречались. Таким образом, Западная Сибирь являлась восточной окраиной широкого арсала распространения этого обычая.

Вопрос о происхождении обычая кольцевой деформации головы и возможности использования его в этногенетических построениях уже длительное время является предметом дискуссии. Одно то, что обычай этот получает широкое распространение именно в гуннское время и «сопровождает» великое переселение народов, давало повод связывать его с гуннами. Дополнительные аргументы в пользу этой гипотезы появились после раскопок Кенкольского могильника (1938—39 гг.) на севере Киргизии, который, по мнению А.Н. Бернштама, был составлен гуннами в начале их движения на Запад. Большинство черепов из Кенкола оказались кольцевидно деформированными. Согласно палеоантропологическим материалам, имевшимся тогда в распоряжении исследователей, местное среднеазиатское население искусственную деформацию головы до рубежа н.э. не практиковало. А.Н. Бернштам заключил, что новый обычай на территорию Киргизии принесли с собой гунны с востока. «Как этническое происхождение, так и социальное положение захороненных определяется деформацией черепа», — писал он по этому поводу [7]. Несмотря на то, что полное отсутствие следов обычая кольцевой деформации головы в местах исконного обитания гуннов и его внезапное и массовое распространение на территории Киргизии после рубежа н.э. являли собой противоречие, не получавшее никакого объяснения в рамках той картины передвижения гуннов с востока, которую рисовал в своих работах А.Н. Бернштам, эта идея прочно утвердилась в научной литературе. Самые первые палеоантропологические находки, которые не просто не укладывались в «восточную» схему, но и содержали конкретные указания на возможность иных истоков этого явления, а именно, в среде местного среднеазиатского населения более раннего, сакского времени, далеко не сразу получили должную оценку. Позднее кольцевидно деформированные черепа догуннского времени были найдены в Южной Ферганае, Южной Туркмении, низовьях Сыр-Дарьи. На основании этих находок было установлено, что среднеазиатское население практиковало обычай кольцевой деформации головы еще до прихода гупнов [8]. Т.И. Трофимова, в частности, пришла к выводу, что «этот обычай возник у местного населения юга Средней Азии задолго до появления гуннов. Проникшие на территорию Средней Азии гунны, по-видимому, широ-

ко восприняли от местного населения обычай кольцевого деформирования черепа и разнесли его не только по Средней Азии и Казахстану, но и по Восточной и Западной Европе», а «распространение деформирования черепа у сарматов, вероятно, связано с проникновением этого обычая с территории Средней Азии в результате контактов с сакомассагетскими племенами еще в догуннское время» [9]. Однако, в ходе дальнейшего накопления краниологических материалов все явственнее проступает новое противоречие, которое до сих пор не получило какого-либо приемлемого объяснения в рамках гипотезы среднеазиатского происхождения этого обычая. Если поначалу немногочисленность, даже единичность находок кольцевидно деформированных черепов догуннского времени казалось результатом недостаточной палеоантропологической изученности среднеазиатского региона, то полученный в последующие годы в ходе широкомасштабных раскопок материал подтвердил реальность сложившегося ранее соотношения. Стало ясно, что, хотя кольцевая деформация черепа и встречается в Средней Азии с середины I тыс. до н.э., но на протяжении ряда веков она остается довольно редким явлением и только в гуннское время внезапно и повсеместно становится массовой. В свете этих данных генетическая связь между единичными случаями кольцевой деформации на среднеазиатских черепах догуннского времени и обычаям массовой деформации головы в гуннскую эпоху ставится под сомнение [10]. Возрождение интереса к «восточной» гипотезе, согласно которой обычай массовой кольцевой деформации головы припесли в Среднюю Азию гунны, было вызвано, таким образом, не появлением новых материалов, положительно свидетельствующих в ее пользу, а трудностями увязывать все более многочисленные факты кольцевой деформации среднеазиатских черепов в единую картину, объяснить специфическую динамику этого явления во времени и пространстве.

В эпоху бронзы искусственная деформация черепа отмечалась в катакомбных захоронениях Волго-Донского междуречья. Затем этот обычай полностью исчезает и на протяжении почти тысячелетия население огромной Евразии искусственную деформацию головы не практикует. Вновь деформированные черепа появляются только с середины I тыс. до н.э., на этот раз на юге Средней Азии. Почти тысячелетний перерыв, разделяющий их во времени, и значительная удаленность географических ареалов не позволяют связывать обычай деформации среднеазиатских черепов с традициями катакомбников бронзы и свидетельствуют о его самостоятельных истоках.

Юношеский череп с кольцевой деформацией «башенного» типа с поселения Яз-дене в районе древнего Мерва в Южной Туркмении датируется V–IV вв. до н.э. Три кольцевидно деформированных черепа были найдены в Южной Фергане — в расположенных поблизости Актамском, Кунгайском и Суфапском могильниках местного земледельческого населения V–III вв. до н.э. Два кольцевидно деформированных черепа обнаружены в сакских захоронениях Кзыл-Кыштак и Кургак III в. до н.э. на Алае. Следующая по времени находка кольцевидно деформированного черепа происходит из погребального сооружения в Чирик-Рабате (III–II вв. до н.э.) в низовьях Сыр-Дарьи. Этим же временем датируется и кольцевидно деформированный череп из кургана с каменными выкладками, расположенного неподалеку от могильника Егис-Койтас в Центральном Казахстане. Со II в. до н.э. количество памятников, где встречаются кольцевидно деформированные черепа, заметно возрастает. Помимо кольцевой деформации в Средней Азии догуннского времени практиковались и другие виды искусственной деформации черепа — лобно-затылочная и теменная. Лобно-затылочная деформация, при которой голова сдавливалась не по окружности, а лишь в передне-заднем направлении и приобретала совершенно иную форму, чем при кольцевом деформировании, появляется в последних веках до н.э. Наиболее ранние находки черепов с лобно-затылочной деформацией локализуются более компактно в южных районах Узбекистана и Таджикистана (курганы Сирильбайтепе III–II вв. до н.э., Копрабада и Орлат — II–I вв. до н.э.; Тулхарский могильник — II в. до н.э. — I в. н.э.). Теменная форма деформации, при которой одностороннее давление производилось на теменную область черепа, отмечается в V–III вв. до н.э. в Южном Приаралье (могильник Сакар-Чага 1). Таким образом, немногочисленные находки самых ранних искусственно деформированных черепов в пределах среднеазиатского региона встречаются на значительном удалении друг от друга и связаны в своем происхождении с различными археологическими культурами. Различаются и типы искусственной деформации черепа. Все это безусловно свидетельствует не только в пользу относительно самостоятельного возникновения кольцевой, лобно-затылочной и теменной деформации головы, но и о наличии нескольких не менее самостоятельных центров возникновения кольцевой деформации головы в разных районах Средней Азии. Относительную независимость появления кольцевой деформации головы в Южной Фергане и Южной Туркмении подтверждает и разная форма деформированных черепов — «конусовидная» в первом случае и «башенная» — во втором. Отме-

ченые расхождения в форме обусловлены различным расположением давящих повязок. По-видимому, так же самостоятельно обычай кольцевой деформации головы возникает в низовьях Сыр-Дарьи и Центральном Казахстане. Мы не располагаем данными относительно того, насколько приемы кольцевого деформирования в этих районах были идентичны тем, что использовались в Южной Фергане. Возможно, они тоже различались. Этнографические наблюдения свидетельствуют о большом разнообразии способов и средств кольцевого деформирования головы, что, к сожалению, бывает трудно проследить на краниологическом материале. Однако самостоятельное возникновение разных типов искусственной деформации не следует понимать таким образом, что каждый из наиболее ранних очагов этого обычая с равной вероятностью имел бы место и в отсутствии других. Иначе невозможно объяснить их совпадение (или последовательное появление) во времени и пространственную концентрацию в пределах широкого, но географически ограниченного ареала. Речь может идти о разных вариантах самостоятельной реализации одной и той же идеи, как правило, заимствованной. Для людей, не знакомых с обычаями искусственной деформации головы, последствия сильного и длительного сдавливания головы младенца с помощью повязок или иных приспособлений, особенно отдаленные последствия, не являются сколько-нибудь очевидными. Самостоятельная выработка знаний о том, что результат подобного воздействия на болезнь, снижение интеллектуальных способностей или нарушения в поведении, а всего лишь безопасное во всех отношениях изменение естественной формы головы, является процессом длительным и совершается в ходе соответствующей практики. Косвенно об этом свидетельствует история того, с каким трудом подобные представления пробивали себе дорогу в науке. Можно предположить, что возникновению обычаев преднамеренной деформации головы способствуют некоторые обычаи, приводящие к небольшой непреднамеренной деформации головы в процессе ухода за новорожденными. Однако, возникнув в одной локальной группе, представления о возможности целенаправленного изменения формы головы в результате даже относительно поверхностных контактов в короткий срок могут сделаться достоянием многих других групп населения, в том числе иноэтничных. Тем самым создаются определенные предпосылки для быстрого распространения обычаев искусственной деформации головы на значительной территории. Представляется, что первоначально обычай искусственного изменения формы головы возникает все-таки в одной из локальных групп населения юга Средней Азии

в V—III вв. до н.э. Затем же идея о возможности придать голове причудливую форму и таким образом выделиться среди других становится известной в более масштабной среде и заимствуется некоторыми другими группами населения, те, в свою очередь, становятся новыми источниками распространения этих представлений. Причем самостоятельное «технологическое» воплощение этой идеи может значительно отличаться от первоисточника, хотя бы в силу неполноты полученной информации. Отличаться иногда настолько, что, по выражению Я.Я. Рогинского, «никому не придет и в голову искать за массой таких различий сходство в каком-то основном принципе» [11]. Сказанное, конечно, не исключает и возможность распространения обычая искусственной деформации головы в результате переселения населения.

Для последующего распространения любой инновации из всех ее функций наибольшее значение имеют две: утилитарная и престижно-знаковая. Большинство культурных инноваций возникают как утилитарные приспособления и только позднее, совершив восхождение по ступеням социальной лестницы, приобретают престижно-знаковое значение, утрачивая при этом частично свою утилитарность. Изменение естественной формы головы с помощью разнообразных деформирующих приспособлений не имеет никакой практической полезности. Известны и другие обычаи, возникающие вопреки полному отсутствию их утилитарной ценности. Это деформирование стопы ног, значительно затрудняющее передвижение и возможность активной физической деятельности, удаление или инкрустация зубов, татуировки, шрамования, обычай причудливого растягивания губ и мочек ушей, иногда до размеров, создающих неудобства их обладателям. Все эти культурные признаки с момента своего возникновения выполняют важные знаковые функции. С их помощью «тело становится средством наглядной коммуникации» [12]. Инновации, имеющие знаковое значение, закрепляются, как правило, в социально-престижной среде. Необычная форма головы становится знаком для внешнего выделения людей, занимающих в общности какое-то особое, престижное положение. Таким образом, кольцевая деформация головы возникает как соционормативный обычай. Как уже отмечалось, на протяжении ряда веков — фактически с середины I тыс. до н.э. и вплоть до II в. н.э. распространение этого признака происходит только в пространстве, то есть постепенно возрастает число археологических памятников, где регистрируются следы этого обычая, однако процент деформированных черепов в пределах отдельных краниологических серий со временем практически не увеличивает-

ся. Во II половине I тыс. до н.э. внутри каждой локальной группы, практикующей обычай искусственной деформации головы, только часть ее членов, причем меньшая, деформирует голову, т.е. численность таких людей лимитировалась самим содержанием, смыслом этого обычая. В III-V вв. н.э. кольцевая деформация головы становится массовым явлением. Количество деформированных черепов во многих сериях этого времени достигает 80-100%. Понятно, что в этом случае деформация головы уже не может выполнять социальноразличительную функцию. Но как отличительная черта всех членов данной группы может служить для подчеркивания их единства и противопоставления в качестве такого единого целого другим общностям, деформацию не практикующим (противопоставление по типу «мы — они»). Причем между обычаем использования кольцевой деформации головы в качестве социальноразличительного и этноразличительного признака существует непосредственная генетическая преемственность. Существование такой преемственности выступает в данном случае не как гипотеза, к которой надо прибегнуть, чтобы объяснить непонятное, а как вывод из того, что обосновано фундаментально. Имеется ввиду принцип адаптации, лежащий в основе возникновения и существования любого обычая, как и вообще любой традиции. При изменении условий, вызвавших в жизни какую-либо традицию, последний теряет свое адаптивное значение, но не исчезает сразу, а продолжает еще более или менее длительное время существовать в качестве культурного пережитка (остаточного явления), дальнейшая судьба которых различна и определяется главным образом тем, в каком соотношении с новыми реальностями они находятся. Одни из них сохраняются в неизменном виде и живут до тех пор, пока не вступают в противоречие с новыми реальностями (реликты). Они относительно недолговечны. Другие видоизменяются и приспособляются к новым условиям среды (дериваты). И таких приспособленных на новый лад остаточных явлений культуры значительно больше, чем консервативных реликтов, причем они, как правило, немного древнее последних [13]. Непосредственной причиной трансформации обычая кольцевой деформации головы становится, очевидно, интенсивное смешение населения, начавшееся в эпоху великого переселения народов. Понять это помогают исследования, показавшие на примере древних китайцев и эллинов, но в процессе развития этносов происходит эволюция компонентов этнического самосознания. В условиях этнической ассимиляции разнородных по своему происхождению племен главным компонентом этнического самосознания, то есть противопоставления

«мы — они», «наше — не наше» становятся особенностями культуры, в то время как представление об общности происхождения и родстве утрачивается [14]. Усилившаяся потребность в символах единства всех членов разнородной по антропологическому составу общности и приводит к тому, что обычай кольцевой деформации головы, выполнявший соционормативную функцию или утративший ее и сохранившийся в качестве культурного пережитка, начинает выполнять новую — этноразличительную функцию. Необычная форма головы, превратившись в доминантный признак, становится наряду с некоторыми другими особенностями материальной и духовной культуры одним из главных компонентов этнического самосознания. Функционирование обычая кольцевой деформации головы в новом качестве этноразличительного признака могло быть относительно непродолжительным в силу того, что заимствование культурных явлений престижно-знакового характера от одной культуры этноса к другой может приобретать цепной характер. Как отмечает С.А. Арутюнов, до некоторой степени аналогом подобного явления может служить распространение моды. Если заимствование хозяйственных элементов и даже материальной культуры тесно связано с их непосредственной целесообразностью, то заимствование знаковых явлений требует существования престижного перепада, который и задает направление распространению той или иной «моды». При ипоэтнических заимствованиях культура-донор по престижной оценке будет стоять выше, чем культура-реципиент, что не обязательно отвечает реальному уровню их развития. Например, культура кочевников в силу причин политического или конкретно исторического характера может восприниматься как престижная различными слоями более развитых оседлых обществ [15]. Первыми новые «модные» веяния кольцевидно деформировать голову для того, чтобы придать ей более «красивую» форму, усваивают опять же социально-престижные слои.

Сложная динамика обычая искусственной деформации головы во времени и пространстве определяется, таким образом, не только внешними факторами, но и наличием внутренних закономерностей, обусловленных самой природой этого явления как престижно-знакового признака.

Анализ различных типов деформации на территории древней и средневековой Средней Азии, проведенный Т.К. Ходжайовым, привел его к выводу о том, что «теменная и лобно-затылочная деформация могут иметь этнический характер. Что касается кольцевой деформации, то здесь еще много неясного, поэтому трудно однозначно ответить: является ли она этническим или социальным

признаком» [16]. Думается, что такое взаимоисключающее противопоставление значений «этнический» и «социальный» неверно в принципе и не только по отношению к обычаю кольцевой деформации головы. Во-первых, как уже отмечалось, обычай этот меняет свои знаковые функции с течением времени. Во-вторых, многие элементы, объективно отличающие одну этническую культуру от другой, функционируют лишь в пределах определенных социальных слоев, являясь тем самым одновременно и социально-различительными признаками.

Социально-различительная функция обычая кольцевой деформации головы в археологических материалах непосредственного подтверждения не находит. Обычно в пределах одного могильника кольцевидно деформированные черепа наряду с недеформированными встречаются как в богатых, так и в бедных захоронениях. Аналогичным образом деформированные черепа наряду с недеформированными находят и в могильниках, в материнской культуре которых имущественное расслоение не выявляется. Это свидетельствует о том, что искусственная деформация головы используется для обозначения социально-престижного статуса некоторых членов общества, не связанного с их экономическим положением. Социальные различия в культуре возникают раньше экономического неравенства и поначалу охватывают те сферы культуры, которые невозможно проследить по вещественным остаткам из погребений, то есть зафиксировать археологически [17]. В ранговых обществах, все члены которых обладают одинаковым доступом к экономическим средствам, имеются социальные группы (ранги) с неравным доступом к престижу. Критерием их выделения обычно является родословная, степень генеалогической близости с вождем. Члены линиджа вождя составляют особую социальную элиту, для обозначения которой употребляется социальный термин [18]. Выделение рангов, различающихся по социальному престижу в зависимости от происхождения, сохраняется и в имущественно дифференцированных обществах (люди «знатного», «благородного», «аристократического» и «простого» происхождения). Как знак принадлежности к знатному роду может быть истолкована искусственная деформация головы (кольцевая или лобно-затылочная) кушанских царей, которая устанавливается по их профильным изображениям на монетах [19]. Легкая кольцевая деформация отмечается на черепе из мавзолея Неаполя Скифского, идентифицируемом с царем Скилуrom (конец II в. до н.э.) [20]. Еще более интересная в этом плане находка была сделана в царском некрополе Тиллятепе в Северном Афганистане, где раскопано 6 погребений — 5 женских и 1 мужской [21].

Женский череп из погребения 6 (конец I в. до н.э.) имеет очень сильную лобно-затылочную деформацию, точно такую же, как на некоторых черепах из позднего Тулхара на юге Таджикистана. В Тулхарском могильнике выделяется несколько обособленных групп курганов, краниологический материал был получен из 8. Черепа с лобно-затылочной деформацией в тулхарской серии составляют только 15% и встречаются не во всех курганных группах, а лишь в трех. У женщин первой группы (самой многочисленной) лобно-затылочная деформация коррелирует с положением костяка. Связи лобно-затылочной деформации ни с одним из четырех типов могильного сооружения не обнаружено. Нет ее и с другими элементами погребального обряда [22]. Все это и побудило Т.П. Кияткину отказаться в данном случае от оценки лобно-затылочной деформации как этнического маркера [23]. К тому же население, составившее Тулхарский могильник, в расовом отношении было неоднородным. Разные морфологические компоненты не связаны с той или иной группой курганов, но выявляются некоторые параллели между антропологическим типом и наличием лобно-затылочной деформации. Недалеко от Тулхарского могильника расположен могильник Аруктау, сходный с ним археологически, но не давший черепов с лобно-затылочной деформацией. Сопоставив все эти факты, трудно допустить, что лобно-затылочная деформация головы у кочевников, составивших Тулхарский могильник, была знаком принадлежности их к этнической общности, которую «пока невозможно идентифицировать с каким-либо этносом, известным по письменным источникам» [24]. Скорее всего, она служила для выделения значительно более мелкого социального подразделения и была знаком принадлежности к одному из знатных родов, из которого, возможно, происходит и царица, захороненная в Тиллятепе.

Об использовании искусственной деформации головы для обозначения людей знатного происхождения свидетельствуют письменные источники и этнографические материалы. Гиппократ, рассказывая о народах вблизи озера Меотийского в трактате «О воздухах, водах и местностях», описывает макроцефалов, практикующих деформацию головы, «ибо имеющих самые длинные головы они считают самыми благородными» [25]. Зенобиус сообщает о сираках, которые царский венец дают самому рослому или самому длинноголовому [26]. Имеются сведения, что и в культуре инков искусственно деформированная голова была знаком благородного происхождения, причем приемы деформирования и форма деформации были неодинаковыми в разных провинциях. Социально-различительное значение этого обычая утрачивается, когда Первый

Верховный Инка издал указ, обязывающий людей незнатного происхождения сдавливать головы новорожденным для того, чтобы они не были такими, как у непокорных индейцев, населяющих соседние территории. Третий Верховный Инка издал указ, чтобы все племена на землях, подвластных Империи, сдавливали головы в знак покорности [27]. Во многих случаях, описанных этнографами или путешественниками, искусственная деформация практикуется в эстетических целях для того, чтобы придать голове более красивую форму. Но на Гавайях молва связывает происхождение этого обычая с вождями [28]. У племен монбуту (мангбету) в Центральной Африке деформация головы практиковалась в семьях вождей [29]. Для изменения внешнего облика детей вождей этот обычай применялся и на Таити [30]. У индейцев селиш с юго-западного побережья Северной Америки деформация головы наряду с эстетическим имела определенное социальное значение. Рабам, которых у этих племен было много, запрещалось деформировать головы своим детям. Недеформированная голова была знаком зависимости. Социальный статус отражала и степень деформации. Люди низкого происхождения деформировали головы своим детям, но слабо. Дети из богатых и знатных семей имели сильно деформированные головы. Максимальной степени деформация головы достигала в семьях вождей [31]. Таким образом, обычай искусственной деформации головы в качестве социально-различительного признака служит для выделения престижного слоя, принадлежность к которому определяется узами родства, происхождением. Сведения, приведенные выше, свидетельствуют об универсальном характере этого явления. Очевидно, смысловое однообразие данного признака обусловлено его узкими «информационными возможностями» в процессе социальной коммуникации, которые в свою очередь ограничены его физической природой. Он может использоваться только для обозначения такого положения индивида в системе социальной стратификации, которое известно к моменту его рождения и сохраняется за ним в течение всей жизни. Другое дело, что социально-различительное значение этого признака со временем утрачивается.

Примечания

1. Примечания к каталогу по археологическому отделу // Археологический музей Томского университета. — Томск, 1888. — С. 33.
2. Чугунов С.М. О курганных искусственно-деформированных черепках Сибири // Труды Общества естествоиспытателей при импе-

- раторском Казанском университете: материалы для антропологии Сибири. — Казань, 1898. — Т. XXXII. — Вып. 3. — С. 12.
3. Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // КСИМК, 1940. — С. 88.
  4. Алексеев В.П. Палеоантропология лесных племен северного Алтая // КСИЭ, 1954. — Вып. XXI. — С. 63-69.
  5. Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА, 1957. — № 58. — С. 246-250.
  6. Дремов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным антропологии // СЭ. — 1967. — № 6. — С. 53-66.
  7. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. — Л., 1940. — С. 26.
  8. Ходжайов Т.К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. — Нукус, 1966. — № 4.
  9. Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации головы у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. — М., 1968. — С. 189.
  10. Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. — Ташкент, 1980. — С. 164-165.
  11. Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. — М., 1977. — С. 164.
  12. Cordwell J.M. The very human arts of transformation // The fabrics of culture: The anthropology of clothing and adornment. — The Hague. Paris. New York, 1979. — P. 47-75.
  13. Першиц А.И. Остаточные явления в культуре // Природа. — 1982. — № 10. — С. 92-100.
  14. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: Проблемы этногенеза. — М., 1978. — С. 285-291.
  15. Арутюнов С.А. Этнографическая наука и культурная динамика // Исследования по общей этнографии. — М., 1979. — С. 48-49; Его же. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. — М., 1985. — С. 45-46; Его же. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. — М., 1989. — С. 186-198.
  16. Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. дис... д.и.н. — М., 1981. — С. 40.
  17. Шпирельман В.А. Классообразование и дифференциация культуры: (По океаническим этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. — М., 1985. — С. 64-122.

18. Enber C.R., Enber M. Anthropology. — N.J., 1981. — P. 293-295.
19. Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей... — С. 168-169.
20. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек) // ТИЭ, 1955. — Т. XXVIII. — С. 573-579.
21. Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. — М., 1989. — С. 114-130.
22. Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. — Душанбе, 1976. — С. 117-125.
23. Кияткина Т.П. Расовые процессы в древнем Тохаристане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1991. — С. 16-17.
24. Ходжайов Т.К. К антропологии кочевого населения античного Зарафшана // Общественные науки в Узбекистане. — Ташкент, 1983. — № 11. — С. 38.
25. Гиппократ. Избранные труды. Пер. с греч. В.И. Руднева, 1936. — С. 293-294.
26. Frazer J.G. The golden bough: A study in magic and religion. — 3-d ed., — London, 1922. — P. I. — Y. 11. — P. 297.
27. Weiss P. Osteologia cultural. P. 11. Practicas cefalicas. — Limam, 1961. — P. 106-114.
28. Snow C.E. Early Hawaiians: In initial study of skeletal remains from Mokapu. — Oahu, 1974. — P. 297-298.
29. Prazer J.G. The golden bough... . — P. 297-298.
30. Oliver D.L. Ancient Tahitian society. — Honolulu, 1974. — Y. 1. — P. 428.
31. Hill-Tout C. British Worth American. 1. The far west the home of the salish and dene. — London, 1907. — P. 40.

Л.Я. Шерстова

**Советская национальная
политика в Горном Алтае
и отечественная этнография:
эволюция, цели, результаты**

Советский период развития отечественной этнографии пока еще не проанализирован сколько-нибудь серьезно, а ее роль и значение в научном и практическом отношении недостаточно определены. Одному из аспектов этой обширной проблемы посвящается эта статья, написанная на основе тезисов доклада, прочитанного автором в Петербурге (тогда Ленинграде) на научной конференции «Советская этнография и ее роль в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся», организованной ЛГУ и ИЭ АН СССР в ноябре 1988 г.

Становление советской этнографической школы приходится на двадцатые годы и связано с именем Л.Я. Штернберга, В.Г. Богоразы и их сподвижников. Все они считали своей целью не только изучение народов СССР, но и практическое содействие планомерному устройению последних. По инициативе этих ученых для этого в 1924 г. был создан Комитет содействия малым народностям Севера при президиуме ВЦИК. Деятельность Комитета прямо и непосредственно на Горный Алтай не распространялась: постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. была образована Ойротская автономная область. Но именно на Алтае в двадцатые годы начала интенсивную работу целая плеяда молодых этнографов «ленинградской школы» — Н.П. Дыренкова, Л.Э. Каруновская, А.Г. Данилин, С.А. Токарев, Л.П. Потапов. Ими был собран огромный полевой материал, служащий базой и для нынешних исследований. Они пытались решать вопросы, близкие интересам Комитета: изучали уровень социально-экономического развития алтайцев, занимались проблемами районирования, разрабатывали систему письменности, исследовали хозяйственную жизнь, даже давали рекомендации партийно-советским органам. Исходя из принятого

тогда романтического, полународнического тезиса о том, что при переходе к социалистическому строительству родовые отношения могут облегчить формирование коллективистской психологии, упростить внедрение «социалистических форм хозяйствования», особое внимание уделялось проявлениям этих отношений в социальной организации. Новые общественные институты (например, суды) нередко облекались в привычные формы.

В силу природно-географических и исторических условий основной отраслью комплексного хозяйства алтайцев было и оставалось животноводство. Считалось необходимым развивать его в первую очередь; земледелию же отводилась подсобная роль. Вопрос о переводе населения Горного Алтая на оседлость в двадцатые годы не ставился: он рассматривался как перспектива. Бурханистокское движение, всколыхнувшее в 1904 г. Западный и Центральный Алтай, рассматривалось как национально-освободительное [1].

Таким образом, теоретическая деятельность этнографов тесно соприкасалась с их практикой и находила свое выражение как в рекомендациях соответствующим органам (которые, надо заметить, к ним прислушивались), так и в непосредственной практической работе по изменению культурно-бытового уровня населения национальных районов. Иначе говоря, на начальном этапе советская этнография сохраняла некоторую независимость от властей, или, по крайней мере, видимость таковой: она кос в чем определяла национальную политику государства, хотя в целом отнюдь не выходила за рамки «научного обоснования» последней. Основным же направлением этой политики, как помним, являлось стремление к «постепенному и безболезненному переводу отсталых окраин в социализм». Провозглашалось неременное соблюдение ленинской посылки о чрезвычайно осторожном отношении к «националам», к их культуре и обычаям. Не замечая лицемерия и лукавства, этнографы искренне отдались решению этих «сверхзадач». Их стараниями был введен, например, запрет на самовольное вселение в национальные районы: требовалось обязательное разрешение «туземных» органов власти — советов и т. п.

В 1928–1929 гг. было покончено с НЭПом, что тотчас же изменило и национальную политику: она стала откровенно жесткой, преследующей цели великодержавного единообразия и патернализма, подспудно несущих к себе перманентное усиление этнических противостояний. Пожалуй, именно с этого времени стал все громче, на все лады муссироваться известный лозунг о «верушимой дружбе всех народов нашей страны». Режим не нуждался более ни в разработанной видными учеными концепции «постепенного пе-

ревода» национальных районов, в том числе и Ойротии, в социалистическую формацию, ни в дальнейших, пусть половинчатых, попытках реализации этого намерения. Курс на ускоренную коллективизацию в названных районах неминуемо должен был начаться с обвального «переброса» аборигенов Сибири в оседлость, понимаемую упрощенно и унифицированно. Необходимость проведения массовой коллективизации в крайне сжатые сроки большевики аргументировали, в частности, насущной потребностью страны в товарном зерне. И хотя еще в двадцатые годы Горный Алтай не относился к земледельческим регионам, а к тридцатым годам подчеркивалось, что зерновое хозяйство имеет товарное значение лишь в двух из десяти районов автономной области, уже в 1932 г. она была включена в число территорий с централизованными хлебопоставками государству. Эта установка привела к тому, что уже в 1930 г. оседлыми значилось 40% населения Ойротии [2].

Хотя животноводство на Алтае имело полукочевой — по существу, отгонный характер, когда «кочевали» от зимника к летнику, расстояние между которыми редко превышало несколько километров, «оседание» означало здесь нечто большее. Ломался традиционный образ жизни, обеспечивавший оптимальный комплекс жизнеобеспечения; вкупе с вынужденной резкой переориентацией основного вида хозяйственной деятельности, это толкало местное население в состояние маргинальности. За период пребывания в составе России это была, как минимум, третья переориентация традиционного комплексного хозяйства. XVIII—XIX вв. — государственная ясачная политика; главным становится пушной промысел. Начало XX в. — введение денежного налога; торговля скотом. Наконец, 1928–1929 гг. — коллективизация; приоритетное развитие полеводства, без учета местных почвенно-климатических условий. Соответственно, резко усиливается эрозия маломощных почв, что в скором будущем делает огромные площади непригодными ни под пашни, ни под пастбища, ни под сенокосы. Таким образом, разрушалось не просто хозяйство, а вся система жизнеобеспечения этноса, оптимальный вариант которой был выработан в течение столетий. Отсюда — разорение, резкое понижение уровня жизни, разрушение привычной для организма алтайцев системы питания и голод, стрессовые ситуации, а позже — биологическая неустроенность, социальная пассивность, порой переходящая в агрессивность. Заметим попутно, что как раз в этой «социальной растерянности» кроются причины существования целой армии дезертиров в Чуйских Альпах в первые годы войны [3], истоки известных событий в Улаганском и некоторых других районах

Горно-Алтайской автономной области, ровно как и общего роста антирусских настроений последнего времени.

Снижение престижности традиционного вида деятельности — скотоводства — привело к проблеме нехватки чабанов (это сильно ощущается и поныне). С другой стороны, развитие земледелия во что бы то ни стало, любыми средствами, при отсутствии у народа широких навыков папшенного хозяйства, в суровых природных условиях, при свертывании животноводства (в том числе и из-за нехватки рабочих рук) могло быть только формальным. Социальная растерянность вела к прямому противодействию искусственно насаждаемой коллективизации — к массовому забою скота, отгону его в тайные места (автору известны также укрытия, допустим, в Онгудайском районе) и даже за границу и т.п. Зимой 1929–1930 гг. поголовье лошадей сократилось на 15%, крупного рогатого скота — на 33%, мелкого рогатого скота — на 29% (процесс, типичный для этого времени в масштабах всей страны). Естественное недовольство народа требовало объяснений и каких-то действий. Однако, уже в 1928 г. был публично провозглашен и стал интенсивно воплощаться на практике известный лозунг насчет обострения классовой борьбы по ходу строительства социализма. От этнографии срочно потребовалось исполнение прямого государственного заказа: найти классовых врагов, повинных во всех трудностях, бедах и неурядицах. Для этого было необходимо вновь вернуться к определению уровня социально-экономического развития региона в досоветское время. Точка зрения этнографов двадцатых годов (а точнее, старой школы) о существенном значении родовых отпошений, о неразвитости классовой структуры традиционного общества никак не укладывалась в границы «теории обострения классовой борьбы». Поэтому эти ученые были ошельмованы, многие из них получили клеймо «алтайские буржуазные националисты», а труды их и концепции немедленно признаны ложными и вредными. Открылся новый, трагический этап бытия советской этнографии, не завершившийся еще и сейчас — этап обязательной и непосредственной партийно-государственной (политической) ангажированности, прямых подтасовок фактов и т.п. Знакомый нам всем период «подведения научно-теоретической базы под директиву» начался на Алтае со статистики.

В 1897 г. было проведено экономико-статистическое обследование Алтая. Оно установило, в частности, что к началу XX века 2,6% хозяйств алтайцев было полностью лишено скота, а байско-зайсанская верхушка составляла лишь 2% от всего населения [4]. Приведенные цифры соответствуют представлению об устойчивой од-

народности алтайских хозяйств, да и общества в целом. Однако анализ, основанный на т.н. «методике средних цифр» теперь уже не подходил для успешного решения новых задач советской этнографии. Посему, на базе все тех же дореволюционных материалов составили точное похозяйственное обследование, согласно которому 72,4% алтайских хозяйств владели до революции 27,1% голов крупного рогатого скота, а 1,8% хозяйств — 32% [4, с. 375]. Эта методика «точных цифр» была применена и по отношению к другим народам Сибири и тоже дала результаты, позволившие сделать нужные выводы. Так, на Камчатке 32% оленеводческих хозяйств владели 97,4% всех оленей.

Понятно, что статистика фиксировала в обоих случаях всего лишь наличие имущественного расслоения, которое, в лучшем случае, может предшествовать разделению общества на классы. Но, подменяя понятия, имущественную дифференциацию преднамеренно отождествляли с классовой. Нередко дело доходило до абсурда: основываясь на таком методе, в Якутии 73% хозяйств обозначили как «кулацкие» [5].

Дореволюционные статистические данные по горному Алтаю автоматически переносились как на послереволюционный период вообще, так и на годы коллективизации в особенности. Идентификация имущественной и классовой дифференциации «доказывала» постулат о наличии в национальных районах антагонистических классов, а значит заранее предполагала неприменную классовую борьбу. Итак, наука сказала свое слово, но как бы не заметила общеизвестную неустойчивость скотоводческого хозяйства, большую по сравнению с земледельческим: джут, бескормица, эпизоотии и считавшие недели могли превратить богача в нищего; увязывая социальное неравенство только с показателем количества скота, этнография фактически игнорировала комплексность традиционного хозяйства, его компенсационные способности и, наконец, действительную силу традиционных социальных институтов, несмотря на репрессии, благополучно доживших до наших дней.

С начала 30-х гг. в качестве руководства к действию, для характеристики уровня социально-экономического развития алтайцев, с целью затушевывания реального положения дел и приведения противоречивой концепции к общему знаменателю, стал повсеместно использоваться термин «патриархально-феодальные отношения». Он был введен Сталиным на X съезде ВКП(б) в 1921 г. и в дальнейшем был обстоятельно разработан и «обоснован» в многочисленных трудах Л.П. Потапова [4, с. 336]. С самого начала термин этот не принимался большинством ученых «родовой» школы Л.Я. Штер-

нберга, что и было поставлено им в вину уже в тридцатые годы. Впрочем, правомерность употребления понятия «патриархально-феодалные отношения» в наше время вообще вызывает большие сомнения. Во всяком случае, более обосновано мнение о том, что в развитии скотоводческих обществ возможным пределом является раннефеодалная стадия, где родовые институты сохраняют важные функции социальных и даже экономических регуляторов. Примерно так и было в алтайском обществе: не было частной собственности на землю, чужой труд обычно использовался в традиционных формах «родовой взаимопомощи», просто помощи, «усыновления» и пр., в лучшем случае достигая формы исполщины.

На втором этапе в советской этнографической литературе утверждается аксиома: бай и зайсаны — та сила, которая использовала родовые отношения «как ширму для эксплуатации». При этом отбрасывались в сторону (или замалчивались) и неготовность общества в целом отказаться от родовых отношений в быту (в их «вторичной» форме) и вынужденные уступки богатеющих алтайцев родовым традициям, их неспособность перейти к открытой эксплуатации, экономическая невозможность последней, и, тем более, просто специфика менталитета этноса. В конце концов, товарно-денежные отношения к десятим годам XX в. пустили лишь самые первые ростки в алтайском обществе, с трудом пробиваясь сквозь толщу общего традиционного уклада жизни и мировосприятия.

Очередным следствием «великого перелома» стала установка из Резолюции XVI съезда ВКП(б) в 1930 г.: «съезд отмечает в связи с обострением классовой борьбы в стране, активизацию... национальных уклонов в сторону великодержавного и местного шовинизма» [6, с. 219]. Иначе говоря, съезд, негласно подводивший итоги первого этапа коллективизации, расширил границы понятия «враг народа», включив сюда и «буржуазных националистов» — в том числе и на «патриархально-феодалном (!) Алтае».

Партийная установка немедленно нашла «научное подтверждение» и неизбежно повлияла на реальную жизнь. Тут же были поименованы «алтайские буржуазные националисты» — прежде всего первые кадры национальной интеллигенции: Г. Гуркин, братья Никифоровы, К. Тапашев, врач Тибер-Петров и др., захваченные мощным потоком русской культуры и внесшие в него свежую струю. Знаменательно, однако, что в этот же «черный список» попали не только ученые, общественные деятели, просветители с «областническим» прошлым (В.И. Анучин, М.Б. Шатилов, А.А. Адрианов и др.), но и те сравнительно молодые этнографы и

историки, которые трудились на Алтае в те же двадцатые-тридцатые годы: Н.П. Дыренкова, Л.П. Мамет, отчасти С.А. Токарев — все русские! Совершенно ясно, что говорить о буржуазном национализме в незрелом, по сути дела, традиционном обществе, лишь в начале XX века более или менее втянутом в сферу влияния русского торгового капитала, можно было лишь в угоду политической конъюнктуре и большевистской догме.

Волна «борьбы с буржуазным национализмом» в 30-е гг. захватила все национальные районы. Под это понятие подгонялось даже универсальное и древнейшее противопоставление «мы — они», нераздельное с появлением первых этносов в незапамятные времена.

На Алтае ситуация усугублялась бурханистским движением, заявившем о себе к 1904 г. Оно явилось следствием консолидационных процессов, приведших к формированию нового этноса — алтай-кижи. Как известно, в период сложения этноса, его стремление противопоставить себя другим, уже существующим, может быть очень категоричным. В Горном Алтае этническое обособление обострялось сменой идеологии: на смену шаманизму резко и повсеместно (кроме юго-восточных и северных районов) пришел бурханизм. Наложение этнического и конфессионального факторов усилило обособленность нового этноса, его противопоставление всем «другим» — в том числе и русским [7]. Упомянутые выше политические цели обусловили в тридцатые годы и переоценку бурханизма исследователями, а вместе с ними и местными властями. К сороковым годам Л.П. Потанов окончательно оформил новую характеристику и оценку этого общественного явления: бурханизм — движение антирусское, националистическое по содержанию и прокитайское (1933 г.), а затем прояпонское (1940–1980 гг.) по направленности [8, с. 348; 9, с. 46]. Так и только так должно стало рассматривать бурханизм и в начальный период этого движения, и в последующие годы его бытования, четко увязывая его с насильственным переустройством Алтайского общества (в частности, с коллективизацией, когда наблюдалось известное оживление бурханизма). Соотнесем эту научную концепцию с партийно-сталинской директивой о коллективизации и усилении классовой борьбы, об усилении национализма; со сложной внешнеполитической обстановкой тех лет, — и станет ясно, как спор, казалось бы, научный, напрямую внедряется в жизнь алтайцев. Последствия этого оказались печальными, а зачастую трагическими. Тот, кто исполнял бурханистские или связанные в прошлом с бурханизмом обряды, автоматически становился «японским шпионом», «буржуазным националистом». Поскольку же бурханизм был воспри-

нят, практически всеми коренными обитателями Центрального и Западного Алтая, обвинение могло быть предъявлено (а часто и предъявлялось) каждому. Реминисценции всеобщего страха проявлялись наглядно еще в восьмидесятые годы: стоило завести речь о бурханизме, собеседник снижал и замыкался.

Показательно, что предтечей этой, укрепившейся в советской этнографии и сослужившей нужную службу большевистскому режиму оценки бурханизма, явилась точка зрения Алтайской духовной миссии (да и сам постулат о прояпонских устремлениях бурханистов был пущен в оборот ее деятелями). Именно из миссионерских документов следовало, что бурханисты, якобы, стремятся вывести Горный Алтай из состава России под протекторат Японии, а само бурханистское движение миссионеры считали искусственно подготовленным монгольскими ламами [10, 11]. Преемственность до- и послереволюционных воззрений на одно и то же явление отнюдь не кажется противоестественной, если вспомнить об извечно державных позициях русской православной церкви, как института, и об имперских интересах и притязаниях советского тоталитарного режима. В 1906 г. ошельмовать бурханистов не удалось. Усилиями демократических кругов (Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, В.Г. Короленко и др.) и честных юристов, бурханисты были оправданы, а обвинение было опровергнуто на двух процессах (основном в 1906 г. и кассационном в 1909 г.; а ведь это были далеко не самые мягкие годы в истории России). Вольно или невольно, советская этнография тридцатых-сороковых годов сомкнулась с позицией наиболее реакционных, повиннистических слов Российской империи, с позиций верхов Алтайской духовной миссии, именовавшей себя «форпостом русской колонизационной политики на Алтае».

После того, как в 1936 г. было заявлено, что социализм в СССР в основном построен, алтайская этнография, по существу, отказалась от рассмотрения каких-либо, не вписывающихся сюда, явлений. Реально функционирующие социальные отношения в лучшем случае объявляются пережитками прошлого, исчезновение которых уже запрограммировано и является лишь вопросом недалекого времени. Это сужало базу и тематику этнографических исследований, не давало возможности выявить модификации традиционных этнокультурных компонентов, выхолащивало сохранившуюся на первых порах позитивно-практическую направленность науки: этнография перестала быть этнологией, она была лишена возможности, а потом и навыков выявления объективных этнополитических тенденций в регионе, равно как и прогнозирования межна-

циональных отношений, разного рода сложностей в этой сфере. Между тем, это было чрезвычайно важно вообще, а для территорий, где, как в Горном Алтае, непрерывно проходил процесс этногенеза и, соответственно, рост национального самосознания, — особенно важно.

Как бы то ни было, копейным результатом одностороннего и политически ангажированного развития алтайской этнографии является установление и бытование в ней с тридцатых годов единой и всеобъемлющей точки зрения на все события и процессы, протекающие среди коренного населения этой горной страны. Практически, ни в чем кардинальном эта единственная концепция за 50 с лишним лет не пересмотрена, а конкретное воздействие науки на этносоциальную (тем более, этнополитическую) ситуацию, в сущности, равно нулю и застой этот по настоящему не ликвидирован по сей день.

В ходе укрепления этой своеобразной монополии советская этнография понесла невосполнимые утраты. Еще в самом начале, не успев реализовать своих возможностей, от научной деятельности были устранены Н. Дыренкова, Л. Каруновская, А. Данилин и др., репрессирован Л. Мамет. Случилось так, что оценка всех (или почти всех и не только кардинальных) вопросов этнографии Горного Алтая принадлежит Л.П. Потапову, мнения и гипотезы которого со временем и не без старания эпигонов, приобрели форму некоей априорной истины, под которую подгонялись (или вообще изымались) «неудобные» факты.

С сожалением приходится признать, что советская этнография из науки, воспитывающей интерес к другим народам, уважение к их (и своей) культуре, высокогуманная по своему призванию (создание доверия между народами, применение результатов научного исследования в практических позитивных делах и т.п.), во многом превратилась в служительницу партгосаппарата и, отказавшись от лучших традиций прежней отечественной этнологии, потеряла себя. Свинцовый пресс социально-экономического детерминизма безжалостно и быстро душил любые перспективные, неординарные начинания, время от времени заявлявшие о себе.

Вот почему рост межнациональной напряженности во второй половине восьмидесятых годов застал отечественную этнографию врасплох: она оказалась в целом не способной к тому, чтобы оперативно предложить действенную программу по смягчению этнополитической ситуации и ликвидации разного рода спекуляций на этой почве. Отказ от тоталитарной системы, от всевластия партгосноменклатуры, дал реальный шанс снова возродиться этнографии — этно-

логии как науки об этносах во всех их жизненных проявлениях. Насколько оправдана эта надежда — покажет время.

Примечания

1. Сибирская Советская Энциклопедия. — Т. 1. — Новосибирск, 1929. — С. 402-404.
2. Эдоков Л.М. Автономная Ойротия // Советская Азия. Кн. 3-4. — М., 1931. — С. 209.
3. Славнин Д.П. Устное сообщение 1976 г. Томск.
4. Цит. по: Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — Новосибирск, 1948. — С. 295.
5. Каргер Н.К. Очередные задачи этнографии на Севере // Советская Азия. Кн. 3-4. — М., 1931. — С. 237.
6. Ленин В.И. КПСС о борьбе с национализмом. Документы и материалы. — М., 1985. — С. 219.
7. Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX — начале XX в. История формирования этноконфессиональной общности // Автореф. канд. дисс. — Л., 1985. — С. 9-16.
8. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — М.-Л., 1953. — С. 348.
9. Тадысв П.Е. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. — Горно-Алтайск, 1955. — С. 46.
10. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 11. Д. 15. Л. 51, 427, 420 об., 440 об., 442, 432.
11. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. — Новосибирск, 1984. — С. 82-83.

Список опубликованных работ А.Р. Кима

1. К вопросу о происхождении кызыльцев (по краниологическим данным) // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974-1975 гг. (Май, 1976 г.). — Душанбе, 1976. — С. 34.
2. Материалы к краниологии кызыльцев (предварительное сообщение) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 208-216.
3. Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. — Томск, 1978. — С. 151-163.
4. Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета / Составители: В.А. Дремов, А.Р. Ким. — Томск, 1979. — 120 с.
5. О расовой дифференциации тюркоязычных групп Южной Сибири // Проблемы современной антропологии. — Минск: Наука и техника, 1983. — 52 с.
6. Дерматоглифические данные и проблема происхождения телеутов // Полевые исследования Института этнографии. 1979. — М.: Наука, 1983. — С. 186-192. (В соавторстве с Г.Л. Хить).
7. Об информативности различных систем антропологических признаков (краниометрия и дискретные вариации черепа) // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири / Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. — Барнаул, 1983. — С. 53-56. (В соавторстве с В.А. Дремовым и А.Н. Багашевым).
8. Антропологический состав населения западносибирской лесостепи в эпоху позднего средневековья // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий / Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. — Омск, 1984. — С. 23-27.
9. Материалы к краниологии шорцев и кумандищев (предварительное сообщение) // Западная Сибирь в эпоху средневековья. — Томск, 1984. — С. 180-195.
10. Southern Ties of the Ob Ugrians and Samodians according to Craniological Data // Шестой Международный конгресс финно-угроведов / Тезисы. Том IV. Этнография, археология, антропология. — Сыктывкар, 1985. — С. 165. (В соавторстве с В.А. Дремовым).
11. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1986. — 17 с.
12. Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Бараба в тюркское время. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 129-163. (В соавторстве с Т.А. Чикишевой).

13. Расогенетические связи населения Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Тюркология-88: Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции (7-9 сент. 1988 г.). — Фрунзе: Илим, 1988. — С. 581-582.
14. Южные связи обских угров и самодийцев по данным краниологии // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. — Т. I. — М.: Наука, 1989. — С. 168-170. (В соавторстве с В.А. Дремовым).
15. Anthropological Composition of the Barabinsk Tatars (on the Question of Ugro-Samodian Links Craniological Research) // Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 27. VIII-2.IX.1990. Summaria Dissertationum. 26. Ethnologica et Folklorica. Literaria. Historica, Archaeologica et Anthropologica. — Debrecen, 1990. — С. 166.
16. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // В.И. Молодин, В.И. Соболев, А.И. Соловьев. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 249-260.
17. Раскопки аварийных памятников в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Тезисы докладов и материалов к конференции. — Барнаул, 1990. — С. 87-90. (В соавторстве с В.Н. Владимировым, Ю.Т. Мамадаковым).
18. К палеоантропологии восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Тезисы докладов и материалы к конференции. — Барнаул, 1990. — С. 134-136.
19. Мезиоцистельные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал) // Археология Горного Алтая. — Барнаул, 1994. — С. 8-11. (В соавторстве с Л.Н. Смердиной, Г.А. Кошкиным).
20. Craniology of Western and Southern Siberian Peoples-Korean Ancient Historical Societu Seoul, Korea, 1994. — 5. — С. 347-365. A.N. Bagashev, A.R. Kim.
21. Materials on Craniologi of the Shorts and Kumandins. — Scoul, Korea, 1995. 5. — С. 603-614.
22. Погребения из Нижнечетыкескенской пещеры I — первая афанасьевская могила на территории Горного Алтая / Археология Нижнечетыкескенской пещеры I (Алтай). — Барнаул, 1995. — С. 95-117. (В соавторстве с Т.А. Чикишевой).
23. Мезиодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал) // Археология, антропология и этнография Сибири. — Барнаул, 1996. — С. 19-24. (В соавторстве с Л.Н. Смердиной).

Содержание

<i>В.Н. Владимиров.</i> А.Р. Киму.....	5
<i>В.А. Дремов, Э.Л. Львова.</i> Памяти А.Р. Кима (1946–1993).....	7
<i>Ю.Ф. Кирюшин.</i> Аркадий Романович Ким.....	9
<i>В.И. Молодин.</i> Аркадий	13
<i>Л.Н. Смердина, А.Р. Ким.</i> Мезиодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал).....	19
<i>О.Б. Беликова.</i> Материалы А.Р. Кима по археологии Чулыма (поселение Малиновский Борик-1)	25
<i>А.П. Деревянко, В.Т. Петрин.</i> Стратиграфия палеолита южного Хангая (Монголия).....	31
<i>Ли Хонджон.</i> К вопросу о зарождении микропластинчатой техники в северо-восточной Азии.....	48
<i>Г.И. Нохрина.</i> Сосуды-тигли с энеолитических памятников Южного Урала	52
<i>Н.Ф. Степанова, С.В. Цыб.</i> Погребение эпохи бронзы у с. Кара-Коба	59
<i>В.В. Бобров.</i> Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлево 1	64
<i>О.Н. Горюнова.</i> Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья.....	82
<i>О.М. Рындина.</i> Комплексная природа орнамента и методика ее исследования	97
<i>П.И. Шульга.</i> Поселение Чепопш-2 на средней Катунь	106
<i>А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин.</i> Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштровка 1 на Алтае....	124
<i>М.Т. Абдулганеев.</i> О хозяйстве населения лесостепного и предгорного Алтая в скифское время.....	145
<i>Т.Н. Троицкая.</i> Местные пояса населения верхнеобской культуры	154

С.В. Неверов, В.В. Горбунов. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1	163
Д.Г. Савинов. Погребения сrostкинского могильника (по материалам раскопок М.Н. Комаровой, 1925 г.)	192
Тэцу Масумото. О фрагментах мраморных табличек с иероглифами, найденных в окрестностях города Абакана в Южной Сибири	207
Л.М. Плетнева. Погребение в каменном ящике из Коларовского могильника	221
Ю.С. Худяков, Ю.А. Плотников. Изучение археологических памятников Алтая (II тыс. н.э.)	227
С.С. Тур. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы	237
Л.Я. Шерстова. Советская национальная политика в Горном Алтае и отечественная этнография: эволюция, цели, результаты	250
Список опубликованных работ А.Р. Кима	260

Археология, антропология
и этнография Сибири

*Сборник, посвященный памяти
антрополога А.Р. Кима*

Редактор Ю.Ф. Кирюшин
Технический редактор Д. Колдаков

Сдано в набор 1.01.1996
Подписано к печати 1.07.1996
Формат 84×108/32. Бумага тип 2.
Печать офсетная. Гарнитура SchoolDL
Тираж 300. Заказ 587
Типография изд-ва АГУ
г. Барнаул, Димитрова, 66